Н. ЛЕНИНЪ (ВЛ. ИЛЬИНЪ).

ИМПЕРІАЛИЗМЪ,

КАКЪ НОВѢЙШІЙ ЭТАПЪ КАПИТАЛИЗМА.

(Популярный очеркъ).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“
Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.
1917 г.

Н. ЛЕНИНЪ (ВЛ. ИЛЬИНЪ).

ИМПЕРІАЛИЗМЪ,

КАКЪ НОВѢЙШІЙ ЭТАПЪ КАПИТАЛИЗМА.

(Популярный очеркъ).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“
Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.
1917 г.

9-экз

ЕД256
И622,

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2010

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК КПСС
685683

Тип. Бр. В. и И. Линниковъ. Невскій, 126/2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
1. Концентрація производства и монополія.	4
2. Банки и ихъ новая роль	20
3. Финансовый капиталъ и финансовая олигархія	38
4. Вывозъ капитала	55
5. Раздѣлъ міра между союзами капиталистовъ	61
6. Раздѣлъ міра между великими державами	71
7. Имперіализмъ, какъ особая стадія капитализма. . . .	83
8. Паразитизмъ и загниваніе капитализма	95
9. Критика имперіализма	107
10. Историческое мѣсто имперіализма	120
Примѣчанія	127

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманію читателя брошюра написана мной весной 1915 года въ Цюрихѣ. Въ тамошнихъ условіяхъ работы мнѣ приходилось, естественно, терпѣть извѣстный недостатокъ во французской и англійской литературѣ и очень большой недостатокъ—въ литературѣ русской. Но все же главный англійскій трудъ объ имперіализмѣ, книгу Дж. А. Гобсона, я использовалъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго этотъ трудъ, по моему убѣжденію, заслуживаетъ.

Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только былъ вынужденъ строжайше ограничить себя исключительно теоретическимъ—экономическимъ въ особенности—анализомъ, но и формулировать необходимыя немногочисленныя замѣчанія относительно политики съ громаднѣйшей осторожностью, намеками, тѣмъ эзоповскимъ — проклятымъ эзоповскимъ—языкомъ, къ которому царизмъ заставлялъ прибѣгать всѣхъ революціонеровъ, когда они брали въ руки перо для „легальнаго“ произведенія.

Тяжело перечитывать теперь, въ дни свободы, эти искаженныя мыслью о царской цензурѣ, сдавленныя, сжатыя въ желѣзные тиски мѣста брошюры. О томъ, что имперіализмъ есть канунъ соціалистической революціи, о томъ, что соціалъ-шовинизмъ (соціализмъ на словахъ, шо-

винизмъ на дѣлѣ) есть полная измѣна соціализму, полный переходъ на сторону буржуазіи, что этотъ расколъ рабочаго движенія стоитъ въ связи съ объективными условіями имперіализма и т. п. — мнѣ приходилось говорить „рабьимъ“ языкомъ, и я вынужденъ отослать читателя, интересующагося вопросомъ, къ выходящему вскорѣ переизданію моихъ зарубежныхъ статей 1914—1917 годовъ. Особенно стоитъ отмѣтить одно мѣсто, на страницѣ 119—120: чтобы въ цензурной формѣ пояснить читателю, какъ безстыдно лгутъ капиталисты и перешедшіе на ихъ сторону соціалъ-шовинисты (съ коими такъ непослѣдовательно борется Каутскій) по вопросу объ аннексіяхъ, какъ безстыдно они *прикрываютъ* аннексіи *своихъ* капиталистовъ, я вынужденъ былъ взять примѣръ... Японіи! Внимательный читатель легко подставитъ вмѣсто Японіи—Россію, а вмѣсто Кореи—Финляндію, Польшу, Курляндію, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндію и прочія не-великороссами заселенныя области.

Я бы хотѣлъ надѣяться, что моя брошюра поможетъ разобраться въ основномъ экономическомъ вопросѣ, безъ изученія котораго нельзя ничего понять въ оцѣнкѣ современной войны и современной политики, именно: въ вопросѣ объ экономической сущности имперіализма.

Авторъ.

Петроградъ. 26 апрѣля 1917 года.

Новѣйшій капитализмъ.

За послѣднія 10—15 лѣтъ, особенно послѣ испанско-американской (1898) и англо-бурской (1899—1902) войнъ, экономическая, а также политическая литература Стараго и Новаго Свѣта все чаще и чаще останавливается на понятіи „имперіализмъ“ для характеристики переживаемой нами эпохи. Въ 1902 году въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе англійскаго экономиста Дж. А. Гобсона: „Имперіализмъ“. Авторъ, стоящій на точкѣ зрѣнія соціалъ-реформизма и пацифизма—однородной, въ сущности, съ теперешней позиціей К. Каутскаго,—далъ очень хорошее и обстоятельное описаніе основныхъ экономическихъ и политическихъ особенностей имперіализма. Въ 1910 году въ Вѣнѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе австрійскаго марксиста, Рудольфа Гильфердинга: „Финансовый Капиталъ“ (русск. пер.: Москва, 1912). Несмотря на ошибку автора въ вопросѣ о теоріи денегъ и на извѣстную склонность къ примиренію марксизма съ оппортунизмомъ, это сочиненіе представляетъ собой въ высшей степени цѣнный теоретическій анализъ „новѣйшей фазы въ развитіи капитализма“—такъ гласитъ подзаголовокъ книги Гильфердинга. Въ сущности, то, что говорилось за послѣдніе годы объ имперіализмѣ—особенно въ громадномъ количествѣ журнальныхъ и газетныхъ статей на эту тему

а также въ резолюціяхъ, напр., хемницкаго и базельскаго конгрессовъ, состоявшихся осенью 1912 года,— едва ли выходило изъ круга идей, изложенныхъ или вѣрнѣе, подъитоженныхъ у обоихъ названныхъ авторовъ.

Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся кратко изложить, въ возможно болѣе популярной формѣ, связь и взаимоотношеніе основныхъ экономическихъ особенностей имперіализма. На неэкономической сторонѣ дѣла остановиться, какъ она бы этого заслуживала, намъ не придется. Ссылки на литературу и другія примѣчанія, способныя интересовать не всѣхъ читателей, мы отнесемъ въ конецъ брошюры.

1. Концентрація производства и монополія.

Громадный ростъ промышленности и замѣчательно быстрый процессъ сосредоточенія производства во все болѣе крупныхъ предпріятіяхъ являются одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей капитализма. Самыя полныя и самыя точныя данныя объ этомъ процессѣ даютъ современныя промышленныя переписи.

Въ Германіи, напр., изъ каждой тысячи промышленныхъ предпріятій было крупныхъ, т. е. имѣющихъ свыше 50 наемныхъ рабочихъ, въ 1882 г.—3, въ 1895 г.—6 и въ 1907—9. На ихъ долю приходилось изъ каждой сотни рабочихъ: 22, 30 и 37. Но концентрація производства гораздо сильнѣе, чѣмъ концентрація рабочихъ, потому что трудъ въ крупныхъ заведеніяхъ гораздо производительнѣе. На это указываютъ данныя о паровыхъ машинахъ и объ электрическихъ двигателяхъ. Если взять то, что въ Германіи называютъ промышленностью въ широкомъ смыслѣ, т. е. включая и торговлю и пути сообщенія и т. п., то получимъ слѣдующую картину. Крупныхъ заведеній—30.588 изъ 3.265.623, т. е. всего 0,9%. У нихъ рабочихъ—5,7 милліоновъ изъ 14,4 милл., т. е. 39,5%; паровыхъ лошадиныхъ силъ—

6,6 милл. изъ 8,8, т. е. 75%; электрическихъ—1,2 милл. килоуаттъ изъ 1,5 милл., т. е. 80%.

Менѣе чѣмъ одна сотая доля предпріятій имѣетъ болѣе 3/4 общаго количества паровой и электрической силы. На долю 2.197 милл. мелкихъ (до 5 наемныхъ рабочихъ) предпріятій, составляющихъ 91% всего числа предпріятій, приходится всего 7% паровой и электрической силы! Десятки тысячъ крупнѣйшихъ предпріятій—все; милліоны мелкихъ—ничто.

Заведеній, имѣющихъ 100 и болѣе рабочихъ, было въ Германіи въ 1907 г.—586. У нихъ почти десятая доля (1,38 милл.) общаго числа рабочихъ и почти треть (32%) общей суммы паровой и электрической силы [1]).

Денежный капиталъ и банки, какъ увидимъ, дѣлаютъ этотъ перевѣсъ горстки крупнѣйшихъ предпріятій еще болѣе подавляющимъ и притомъ въ самомъ буквальномъ значеніи слова, т. е. милліоны мелкихъ, среднихъ и даже части крупныхъ „хозяевъ“ оказываются на дѣлѣ въ полномъ порабощеніи у нѣсколькихъ сотенъ милліонеровъ-финансистовъ.

Въ другой передовой странѣ современнаго капитализма, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, ростъ концентраціи производства еще сильнѣе. Здѣсь статистика выдѣляетъ промышленность въ узкомъ смыслѣ слова и группируетъ заведенія по величинѣ стоимости годового продукта. Въ 1904 году крупнѣйшихъ предпріятій, съ производствомъ въ 1 милліонъ долларовъ и свыше, было 1.900 (изъ 216.180, т. е. 0,9%); у нихъ 1,4 милл. рабочихъ (изъ 5,5 м., т. е. 25, 6%) и 5,6 милліардовъ производства (изъ 14,8 мд., т. е. 38%). Черезъ 5 лѣтъ, въ 1909 г., соотвѣтственныя цифры: 3.060 предпріятій (изъ 268.491 — 1,1%) съ 2 милл. рабочихъ (изъ 6,61—30,5%) и съ 9,0 мд. производства (изъ 20.7 мд.—43,8%) [2]).

Почти половина всего производства всѣхъ предпріятій страны въ рукахъ одной сотой доли общаго

числа предпріятій! И эти три тысячи предпріятій-гигантовъ охватываютъ 258 отраслей промышленности. Отсюда ясно, что концентрація, на извѣстной ступени своего развитія, сама собою подводитъ, можно сказать, вплотную къ монополіи. Ибо нѣсколькимъ десяткамъ предпріятій легко придти къ соглашенію между собою, а съ другой стороны, затрудненіе конкуренціи, тенденція къ монополіи порождается именно крупнымъ размѣромъ предпріятій. Это превращеніе конкуренціи въ монополію представляетъ собою одно изъ важнѣйшихъ явленій—если не важнѣйшее—въ экономикѣ новѣйшаго капитализма, и намъ необходимо подробнѣе остановиться на немъ. Но сначала мы должны устранить одно возможное недоразумѣніе.

Американская статистика говоритъ: 3.000 гигантскихъ предпріятій въ 250 отрасляхъ промышленности. Какъ будто бы всего по 12 предпріятій крупнѣйшаго размѣра на каждую отрасль. Но это не такъ. Не въ каждой отрасли промышленности есть большія предпріятія; а съ другой стороны, крайне важной особенностью капитализма, достигшаго высшей ступени развитія, является такъ называемая комбинація, т. е. соединеніе въ одномъ предпріятіи разныхъ отраслей промышленности, представляющихъ собою либо послѣдовательныя ступени обработки сырья (напр., выплавка чугуна изъ руды и передѣлка чугуна въ сталь, а далѣе, можетъ быть, производство тѣхъ или иныхъ готовыхъ продуктовъ изъ стали), либо играющихъ вспомогательную роль одна по отношенію къ другой (напр., обработка отбросовъ или побочныхъ продуктовъ; производство предметовъ упаковки и т. д.).

„Комбинація,—пишетъ Гильфердингъ,—уравниваетъ различія конъюнктуры и потому обезпечиваетъ для комбинированнаго предпріятія большее постоянство нормы прибыли. Во-вторыхъ, комбинація приводитъ къ устраненію торговли. Въ-третьихъ, она дѣлаетъ

возможнымъ техническія усовершенствованія, а слѣд., и полученіе дополнительной прибыли по сравненію съ „чистыми“ (т. е. некомбинированными) предпріятіями. Въ-четвертыхъ, она укрѣпляетъ позицію комбинированнаго предпріятія по сравненію съ „чистымъ“—усиливаетъ его въ конкуренціонной борьбѣ во время сильной депрессіи (заминки въ дѣлахъ, кризиса), когда пониженіе цѣнъ сырья отстаетъ отъ пониженія цѣнъ фабрикатовъ“ [3]).

Нѣмецкій буржуазный экономистъ Гейманнъ, посвятившій особое сочиненіе описанію „смѣшанныхъ“, т. е. комбинированныхъ, предпріятій въ нѣмецкой желѣзодѣлательной промышленности, говоритъ: „чистыя“ предпріятія гибнутъ, раздавленныя высокой цѣной на матеріалы, при низкихъ цѣнахъ на готовые продукты“. Получается такая картина: „Остались съ одной стороны крупныя каменноугольныя компаніи, съ добычей угля въ нѣсколько милліоновъ тоннъ, крѣпко сорганизованныя въ своемъ каменноугольномъ синдикатѣ, а затѣмъ тѣсно связанные съ ними крупные сталелитейные заводы со своимъ стальнымъ синдикатомъ. Эти гигантскія предпріятія съ производствомъ стали въ 400.000 тоннъ (тонна—60 пудовъ) въ годъ, съ громадной добычей руды и кам. угля, съ производствомъ готовыхъ издѣлій изъ стали, съ 10.000 рабочихъ, живущихъ по казармамъ рабочихъ поселковъ, иногда со своими собственными жел. дорогами и гаванями, являются типичными представителями нѣмецкой желѣзной промышленности. И концентрація идетъ все дальше и дальше впередъ. Отдѣльныя предпріятія становятся все крупнѣе; все большее число предпріятій одной и той же или различныхъ отраслей промышленности сплачиваются въ гигантскія предпріятія, для которыхъ полдюжины крупныхъ берлинскихъ банковъ служатъ и опорой и руководителями. По отношенію къ германской горной промышленности точно доказана

правильность ученія Карла Маркса о концентраціи; правда, это относится къ странѣ, въ которой промышленность защищена охранительными пошлинами и перевозочными тарифами. Горная промышленность Германіи созрѣла для экспропріаціи“ [4]).

Къ такому выводу долженъ былъ придти добросовѣстный буржуазный экономистъ. Надо отмѣтить, что онъ какъ бы выдѣляетъ Германію особо, въ виду защиты ея промышленности высокими охранительными пошлинами. Но это обстоятельство могло лишь ускорить концентрацію и образованіе монополистическихъ союзовъ предпринимателей, картелей, синдикатовъ и т. п. Чрезвычайно важно, что въ странѣ свободной торговли, въ Англіи, концентрація т о ж е приводитъ къ монополіи, хотя нѣсколько позже и въ другой м. б. формѣ. Вотъ что пишетъ профессоръ Германъ Леви въ спеціальномъ изслѣдованіи о „монополіяхъ, картеляхъ и трестахъ“ по даннымъ объ экономическомъ развитіи Великобританіи:

„Въ Великобританіи именно крупный размѣръ предпріятій и ихъ высокій технической уровень несутъ въ себѣ тенденцію къ монополіи. Съ одной стороны концентрація привела къ тому, что на предпріятіе приходится затрачивать громадныя суммы капитала; поэтому новыя предпріятія стоятъ передъ все болѣе высокими требованіями въ смыслѣ размѣровъ необходимаго капитала, и этимъ затрудняется ихъ появленіе. А съ другой стороны (и этотъ пунктъ мы считаемъ болѣе важнымъ) каждое новое предпріятіе, которое хочетъ стать на уровнѣ гигантскихъ предпріятій, созданныхъ концентраціей, должно производить такое громадное избыточное количество продуктовъ, что прибыльная продажа ихъ возможна только при необыкновенномъ увеличеніи спроса, а въ противномъ случаѣ этотъ избытокъ продуктовъ понизитъ цѣны до уровня, невыгоднаго ни для новаго завода, ни для

многочисленныхъ союзовъ". Въ Англіи монополистическіе союзы предпринимателей, картели и тресты, возникаютъ большей частью—въ отличіе отъ другихъ странъ, гдѣ охранительныя пошлины облегчаютъ картелированіе,—лишь тогда, когда число главныхъ конкурирующихъ предпріятій сводится къ „какимъ-нибудь двумъ дюжинамъ". „Вліяніе концентраціи на нарожденіе монополіи въ крупной промышленности сказывается здѣсь съ кристальной ясностью" [5]).

Полвѣка тому назадъ, когда Марксъ писалъ свой „Капиталъ", свободная конкуренція казалась большинству экономистовъ „закономъ природы". Казенная наука пыталась убить посредствомъ заговора молчанія сочиненіе Маркса, доказавшаго теоретическимъ и историческимъ анализомъ капитализма, что свободная конкуренція порождаетъ концентрацію производства, а эта концентрація на извѣстной ступени своего развитія ведетъ къ монополіи. Теперь монополія стала фактомъ. Экономисты пишутъ горы книгъ, описывая отдѣльныя проявленія монополіи и продолжая хоромъ заявлять, что „марксизмъ опровергнутъ". Но „факты—упрямая вещь", какъ говоритъ англійская пословица, и съ ними волей-неволей приходится считаться. Факты показываютъ, что различія между отдѣльными капиталистическими странами, напр., въ отношеніи протекціонизма или свободной торговли, обусловливаютъ лишь несущественныя различія въ формѣ монополій или во времени появленія ихъ, а порожденіе монополіи концентраціей производства вообще является общимъ и основнымъ закономъ современной стадіи развитія капитализма.

Для Европы можно установить довольно точно время о к о н ч а т е л ь н о й смѣны стараго капитализма новымъ: это именно начало 20-го вѣка. Въ одной изъ новѣйшихъ сводныхъ работъ по исторіи „образованія монополій" мы читаемъ: „можно привести изъ эпохи

до 1860 г. отдѣльные примѣры капиталистическихъ монополій; можно открыть въ нихъ зародыши тѣхъ формъ, которыя столь обычны теперь; но все это безусловно доисторическія времена для картелей. Настоящее начало современныхъ монополій относится, самое раннее, къ 1860 г. Первый крупный періодъ развитія монополій начинается съ международнаго угнетенія промышленности 1870 годовъ и простирается до начала 1890 годовъ". „Если разсматривать дѣло въ европейскомъ масштабѣ, то предѣльнымъ пунктомъ развитія свободной конкуренціи являются 60—70 гг. Тогда Англія закончила постройку своей капиталистической организаціи стараго стиля. Въ Германіи эта организація вступила въ рѣшительную борьбу съ ремесломъ и домашней промышленностью и начала создавать свои формы существованія". „Большой переворотъ начинается съ краха 1873 г. или, вѣрнѣе, съ депрессіи, которая послѣдовала за нимъ и которая— съ едва замѣтнымъ перерывомъ въ началѣ 80-хъ гг. и съ необыкновенно сильнымъ, но короткимъ подъемомъ около 1889 г.—заполняетъ 22 года европейской экономической исторіи". „Во время короткаго періода подъема 1889/90 гг. картелями сильно пользовались для использованія конъюнктуры. Необдуманная политика поднимала цѣны еще быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ это произошло бы безъ картелей, и почти всѣ эти картели погибли безславно въ „могилѣ краха". Прошло еще пять лѣтъ плохихъ дѣлъ и низкихъ цѣнъ, но въ промышленности царило уже иное настроеніе: депрессію не считали чѣмъ-то само собою разумѣющимся, въ ней видѣли лишь паузу передъ новой благопріятной конъюнктурой.

„И вотъ картельное движеніе вступило въ свою вторую эпоху. Вмѣсто преходящаго явленія картели становятся одной изъ основъ всей хозяйственной жизни. Они завоевываютъ одну область промышлен-

ности за другой, и въ первую голову обработку сырыхъ матеріаловъ. Уже въ началѣ 1890 г. картели выработали себѣ въ организаціи коксоваго синдиката, по образцу котораго созданъ угольный синдикатъ, такую картельную технику, дальше которой движеніе въ сущности не пошло. Большой подъемъ въ концѣ 19 вѣка и кризисъ 1900—03 гг. стоятъ—по крайней мѣрѣ, въ горной и желѣзной промышленности -впервые всецѣло подъ знакомъ картелей. И если тогда это казалось еще чѣмъ-то новымъ, то теперь для широкаго общественнаго сознанія стало очевидной истиной, что крупныя части хозяйственной жизни изъяты, какъ общее правило, изъ свободной конкуренціи" [6]).

Итакъ, вотъ основные этапы исторіи монополій: 1) 1860—70 гг.—высшая предѣльная ступень развитія свободной конкуренціи. Монополіи—лишь едва замѣтные зародыши. 2) Послѣ кризиса 1873 г. широкая полоса развитія картелей, но они—еще исключеніе, еще не прочны. Они—еще преходящее явленіе. 3) Подъемъ конца 19 вѣка и кризисъ 1900—1903 гг.: картели становятся одной изъ основъ всей хозяйственной жизни. Капитализмъ превратился въ имперіализмъ.

Картели договариваются объ условіяхъ продажи, срокахъ платежа и пр. Они дѣлятъ между собою области сбыта. Они опредѣляютъ количество производимыхъ продуктовъ. Они устанавливаютъ цѣны. Они распредѣляютъ между отдѣльными предпріятіями прибыль и т. д.

Число картелей въ Германіи опредѣлялось приблизительно въ 250—въ 1896 и въ 385—въ 1905 г., при участіи въ нихъ около 12.000 заведеній [7]). Но всѣ признаютъ, что эти цифры преуменьшены. Изъ приведенныхъ выше данныхъ германской промышленной статистики 1907 г. видно, что даже 12.000 крупнѣйшихъ предпріятій сосредоточиваютъ, навѣрное, больше половины общаго количества паровой и электрической силы.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки число трестовъ опредѣлялось въ 1900 г.—185, въ 1907—250. Американская статистика дѣлитъ всѣ промышленныя предпріятія на принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, фирмамъ и корпораціямъ. Послѣднимъ принадлежало въ 1904 г.—23,6%, въ 1909 г.—25,9%, т.-е. свыше четверти общаго числа предпріятій. Рабочихъ въ этихъ заведеніяхъ было: 70,6%—въ 1904 г., 75,6% (три четверти общаго числа)—въ 1909 г.; размѣры производства были: 10,9 и 16,3 милліардовъ долларовъ, т.-е. 73,7% и 79% общей суммы.

Въ рукахъ картелей и трестовъ сосредоточивается нерѣдко 7—8 десятыхъ всего производства данной отрасли промышленности: Рейнско-вестфальскій каменноугольный синдикатъ при своемъ основаніи въ 1893 г. концентрировалъ 86,7% всего производства угля въ районѣ, а въ 1910 г.—уже 95,4%.

Создающаяся такимъ образомъ монополія обезпечиваетъ гигантскіе доходы и ведетъ къ образованію технически производственныхъ единицъ необъятнаго размѣра. Знаменитый керосиновый трестъ въ Соединенныхъ Штатахъ (Standard Oil Company) былъ основанъ въ 1900 г. „Его капиталъ составлялъ 150 милліоновъ долларовъ. Выпущено было обыкновенныхъ акцій на 100 милліоновъ и привилегированныхъ—на 106 милл. На эти послѣднія выплачивалось дивиденда въ 1900—1907 годахъ: 48, 48, 45, 44, 36, 40, 40, 40%; всего 341 милліоновъ долларовъ. Съ 1882 по 1907 годъ было получено чистой прибыли 889 милл. д.; изъ нихъ 606 м. уплачены въ дивидендъ, а остальное пошло на резервный капиталъ“ [8]). „Во всѣхъ предпріятіяхъ стального треста (United States Steel Corporation) было въ 1907 г. не менѣе, какъ 210.180 рабочихъ и служащихъ. Самое крупное предпріятіе германской горной промышленности—Гельзенкирхенское Горное Общество (Gelsenkirchner Bergwerksgesellschaft) имѣло въ 1908 г.—46,048 ра-

бочихъ и служащихъ“ [9]). Еще въ 1902 г. стальной трестъ производилъ 9 милліоновъ тоннъ стали [10]). Его производство стали составляло въ 1901 г.—66,3%, а въ 1908—56,1% всего производства стали въ Соединенныхъ Штатахъ [11]); добыча руды—43,3% и 46,3% за тѣ же годы.

Отчетъ американской правительственной комиссіи о трестахъ говоритъ: „Ихъ превосходство надъ конкурентами основывается на крупныхъ размѣрахъ ихъ предпріятій и на ихъ превосходно поставленной техникѣ. Табачный трестъ съ самаго своего основанія прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы въ широкихъ размѣрахъ замѣнять ручной трудъ машиннымъ повсюду. Онъ скупалъ для этой цѣли всѣ патенты, имѣющіе какое-нибудь отношеніе къ обработкѣ табака, и израсходовалъ на это громадныя суммы. Многіе патенты оказывались сначала негодными, и ихъ приходилось перерабатывать инженерамъ, состоящимъ на службѣ у треста. Въ концѣ 1906 г. было создано два филіальныхъ общества съ исключительной цѣлью скупки патентовъ. Для той же цѣли трестъ основалъ свои литейни, машинныя фабрики и ремонтныя мастерскія. Одно изъ этихъ заведеній, въ Бруклинѣ, занимаетъ въ среднемъ 300 рабочихъ; здѣсь производятся опыты надъ изобрѣтеніями для производства папиросъ, маленькихъ сигаръ, нюхательнаго табака, листового олова для упаковки, коробокъ и пр.; здѣсь же усовершенствуются изобрѣтенія“ [12]). „И другіе тресты держатъ у себя на службѣ такъ называемыхъ developping engineers (инженеровъ для развитія техники), задачей которыхъ является изобрѣтеніе новыхъ пріемовъ производства и испытаніе техническихъ улучшеній. Стальной трестъ платитъ своимъ инженерамъ и рабочимъ высокія преміи за изобрѣтенія, способныя повысить технику или уменьшить издержки“ [13]).

Подобнымъ же образомъ организовано дѣло техническихъ улучшеній въ германской крупной промыш-

ленности—напримѣръ, въ химической, которая развивалась такъ гигантски за послѣднія десятилѣтія. Процессъ концентраціи производства уже къ 1908 г. создалъ въ этой промышленности двѣ главныя „группы", которыя по-своему тоже подходили къ монополіи. Сначала эти группы были „двойственными союзами" двухъ паръ крупнѣйшихъ фабрикъ, съ капиталомъ каждая въ 20—21 милл. марокъ: съ одной стороны, бывшая Майстера фабрика въ Хохстѣ и Касселэ—во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, съ другой стороны, анилиновая и содовая фабрика въ Людвигсхавенѣ и бывшая Байера—въ Эльберфельдѣ. Затѣмъ въ 1905 году одна группа, а въ 1908 г.—другая вошли въ соглашеніе каждая еще съ одной крупной фабрикой; получилось два „тройственныхъ союза" съ капиталомъ въ 40—50 милл. марокъ каждый, и между этими союзами уже началось „сближеніе", „договоры" о цѣнахъ и т. д. *).

Конкуренція превращается въ монополію. Получается гигантскій процессъ обобществленія производства. Въ частности обобществляется и процессъ техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій.

Это уже совсѣмъ не то, что старая свободная конкуренція раздробленныхъ и не знающихъ ничего другъ о другѣ хозяевъ, производящихъ для сбыта на неизвѣстномъ рынкѣ. Концентрація дошла до того, что можно произвести приблизительный учетъ всѣмъ источникамъ сырьѣ матеріаловъ (напримѣръ, желѣзорудныя земли) въ данной странѣ и даже, какъ увидимъ, въ рядѣ странъ, во всемъ мірѣ. Такой учетъ не только производится, но эти источники захватываются въ однѣ руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учетъ размѣровъ рынка, который „дѣлятъ" между собою, по договор-

*) Газеты сообщаютъ (іюнь 1916 г.) о новомъ гигантскомъ трестѣ, объединяющемъ химическія производства Германіи.

ному соглашенію, эти союзы. Монополизируются обученныя рабочія силы, нанимаются лучшіе инженеры; захватываются пути и средства сообщенія—желѣзныя дороги въ Америкѣ, пароходныя общества въ Европѣ и въ Америкѣ. Капитализмъ въ его имперіалистической стадіи вплотную подводитъ къ самому всестороннему обобществленію производства, онъ втаскиваетъ, такъ сказать, капиталистовъ, вопреки ихъ волѣ и сознанію, въ какой-то новый общественный порядокъ, переходный отъ полной свободы конкуренціи къ полному обобществленію. Производство становится общественнымъ, но присвоеніе остается частнымъ. Общественныя средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лицъ. Общія рамки формально признаваемой свободной конкуренціи остаются, и гнетъ немногихъ монополистовъ надъ остальнымъ населеніемъ становится во сто разъ тяжелѣе, ощутительнѣе, невыносимѣе.

Нѣмецкій экономистъ Кестнеръ посвятилъ особое сочиненіе „борьбѣ между картелями и посторонними“, т.-е. невходящими въ картель предпринимателями. Онъ назвалъ это сочиненіе: „Принужденіе къ организаціи“, тогда какъ надо было бы говорить о „принужденіи къ подчиненію союзамъ монополистовъ“. Поучительно взглянуть хотя бы на перечень тѣхъ средствъ современной, новѣйшей, цивилизованной борьбы за „организацію“, къ которымъ прибѣгаютъ союзы монополистовъ: 1) лишеніе сырыхъ матеріаловъ (...„одинъ изъ важнѣйшихъ пріемовъ для принужденія къ вступленію въ картель“); 2) лишеніе рабочихъ рукъ посредствомъ „альянсовъ“ (т.-е. договоровъ капиталистовъ съ рабочими союзами о томъ, чтобы послѣдніе принимали работу только въ картелированныхъ предпріятіяхъ); 3) лишеніе подвоза; 4) лишеніе сбыта; 5) договоръ съ покупателемъ о веденіи торговыхъ сношеній исключительно съ картелями; 6) планомѣрное сбиваніе цѣнъ (для разоренія

„постороннихъ“, т.-е. предпріятій, не подчиняющихся монополистамъ: расходуются милліоны на то, чтобы извѣстное время продавать ниже себѣстоимости; (въ бензинной промышленности бывали примѣры пониженія цѣнъ съ 40 до 22-хъ марокъ, т.-е. почти вдвое!); 7) лишеніе кредита; 8) объявленіе бойкота.

Передъ нами уже не конкуренціонная борьба мелкихъ и крупныхъ, технически отсталыхъ и технически передовыхъ предпріятій. Передъ нами удушеніе монополистами тѣхъ, кто не подчиняется монополіи, ея гнету, ея произволу. Вотъ какъ отражается этотъ процессъ въ сознаніи буржуазнаго экономиста: „Даже въ области чисто хозяйственной дѣятельности, — пишетъ Кестнеръ, — происходитъ извѣстная передвижка отъ торговой дѣятельности въ прежнемъ смыслѣ къ организаторски-спекулятивной. Наибольшимъ успѣхомъ пользуется не купецъ, умѣющій на основаніи своего техническаго и торговаго опыта всего лучше опредѣлить потребности покупателей, найти и, такъ сказать, „открыть“ спросъ, остающійся въ скрытомъ состояніи, а спекулятивный геній (?!), умѣющій напередъ учесть или хотя бы только почуять организаціонное развитіе, возможность извѣстныхъ связей между отдѣльными предпріятіями и банками“...

Въ переводѣ на человѣческій языкъ это значитъ: развитіе капитализма дошло до того, что хотя товарное производство попрежнему „царитъ“ и считается основой всего хозяйства, но на дѣлѣ оно уже подорвано, и главныя прибыли достаются „геніямъ“ финансовыхъ продѣлокъ. Въ основѣ этихъ продѣлокъ и мошенничествъ лежитъ обобществленіе производства, но гигантскій прогрессъ человѣчества, доработавшагося до этого обобществленія, идетъ на пользу спекулянтамъ. Мы увидимъ ниже, какъ „на этомъ основаніи“ мѣщански-реакціонная критика капиталистическаго им-

періализма мечтаетъ о возвращеніи назадъ, въ „свободной», «мирной», «честной» конкуренціи.

«Длительное повышеніе цѣнъ, какъ результатъ образованія картелей,—говоритъ Кестнеръ—до сихъ поръ наблюдалось только по отношенію къ важнѣйшимъ средствамъ производства, особенно къ каменному углю, желѣзу, кали; и, наоборотъ, никогда не наблюдалось по отношенію къ готовымъ продуктамъ. Связанное съ этимъ повышеніе доходности равнымъ образомъ ограничивалось индустріей, производящей средства производства. Это наблюденіе надо еще дополнить тѣмъ, что промышленность, обрабатывающая сырые матеріалы (а не полуфабрикаты), не только извлекаетъ выгоды въ видѣ высокихъ прибылей, благодаря образованію картелей, къ ущербу для промышленности, занятой дальнѣйшей переработкой полуфабрикатовъ, но и стала по отношенію къ этой промышленности въ извѣстное отношеніе господства, котораго не было при свободной конкуренціи» [15]).

685683

Подчеркнутыя нами слова показываютъ ту суть дѣла, которую такъ неохотно и рѣдко признаютъ буржуазные экономисты и отъ которой такъ усердно стараются отговориться и отмахнуться современные защитники оппортунизма съ К. Каутскимъ во главѣ. Отношенія господства и связаннаго съ ними насилія—вотъ что типично для «новѣйшей фазы въ развитіи капитализма», вотъ что съ неизбѣжностью должно было проистечь и проистекло изъ образованія всесильныхъ экономическихъ монополій.

Приведемъ еще одинъ примѣръ хозяйничанія картелей. Тамъ, гдѣ можно захватить въ свои руки всѣ или главные источники сырья, возникновеніе картелей и образованіе монополій особенно легко. Но было бы ошибкой думать, что монополіи не возникаютъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ захватъ источниковъ сырья невозможенъ. Въ цементной про

ИМЭЛ
при ЦК КПСС

мышленности сырой матеріалъ имѣется всюду. Но и эта промышленность сильно картелирована въ Германіи. Заводы объединились въ подрайонные синдикаты: южно-германскій, рейнско-вестфальскій и т. д.; цѣны установлены монопольныя: 230—280 марокъ за вагонъ при себѣстоимости въ 180 марокъ! Предпріятія даютъ 12—16% дивиденда, при чемъ не надо забывать, что «геніи» современной спекуляціи умѣютъ направлять въ свои карманы большія суммы прибылей помимо тѣхъ, что распредѣляются какъ дивидендъ. Чтобы устранить конкуренцію изъ столь прибыльной промышленности, монополисты пускаются даже на уловки: распространяются ложные слухи о плохомъ положеніи промышленности; печатаются анонимныя объявленія въ газетахъ: «Капиталисты! остерегайтесь вкладывать капиталы въ цементное дѣло»; наконецъ, скупаютъ заведенія «постороннихъ» (т. е. не участвующихъ въ синдикатахъ), платятъ имъ «отступного» 60—80—150 тысячъ марокъ [16]). Монополія пролагаетъ себѣ дорогу всюду и всяческими способами, начиная отъ «скромнаго» платежа отступного и кончая американскимъ «примѣненіемъ» динамита къ конкуренту.

Устраненіе кризисовъ картелями есть сказка буржуазныхъ экономистовъ, оправдывающихъ капитализмъ во что бы то ни стало. Напротивъ, монополія, создающаяся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности усиливаетъ и обостряетъ хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству въ цѣломъ, несоотвѣтствіе въ развитіи земледѣлія и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привелигированное положеніе, въ которомъ оказывается наиболѣе картелированная, т. наз. тяжелая индустрія, особенно уголь и желѣзо, приводитъ въ остальныхъ отрасляхъ промышленности «къ еще болѣе острому отсутствію планомѣрности», какъ признается Ейдельсъ, авторъ одной изъ лучшихъ работъ объ «от-

ношеніи нѣмецкихъ крупныхъ банковъ къ промышленности» [17]).

«Чѣмъ развитѣе народное хозяйство, — пишетъ Лифманъ, безпардонный защитникъ капитализма, — тѣмъ больше обращается оно къ болѣе рискованнымъ или къ заграничнымъ предпріятіямъ, къ такимъ, которыя требуютъ продолжительнаго времени для своего развитія, или наконецъ къ такимъ, которыя имѣютъ только мѣстное значеніе» [18]).

Увеличеніе риска связано въ концѣ концовъ съ гигантскимъ увеличеніемъ капитала, который, такъ сказать, льется черезъ край, течетъ за границу и т. д. А вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно быстрый ростъ техники несетъ съ собой все больше элементовъ несоотвѣтствія между различными сторонами народнаго хозяйства, хаотичности, кризисовъ. «Вѣроятно,—вынужденъ признать тотъ же Лифманъ,—человѣчеству предстоятъ въ недалекомъ будущемъ снова крупные перевороты въ области техники, которые проявятъ свое дѣйствіе и на народно-хозяйственную организацію»... электричество, воздухоплаваніе. «Обыкновенно и по общему правилу въ такія времена коренныхъ экономическихъ измѣненій развивается сильная спекуляція» [19])...

А кризисы — всякаго рода, экономическіе чаще всего, но не одни только экономическіе—въ свою очередь въ громадныхъ размѣрахъ усиливаютъ тенденцію къ концентраціи и къ монополіи. Вотъ чрезвычайно поучительное разсужденіе Ейдельса о значеніи кризиса 1900 года, кризиса, сыгравшаго, какъ мы знаемъ, роль поворотнаго пункта въ исторіи новѣйшихъ монополій:

«Кризисъ 1900 года засталъ на ряду съ гигантскими предпріятіями въ главныхъ отрасляхъ промышленности еще много предпріятій съ организаціей по теперешнимъ понятіямъ устарѣлою, «чистыя» предпріятія (т. е. не комбинированныя), поднявшіяся вверхъ на гребнѣ волны промышленнаго подъема. Паденіе цѣнъ,

пониженіе спроса, привели эти «чистыя» предпріятія въ такое бѣдственное положеніе, которое либо вовсе не коснулось комбинированныхъ гигантскихъ предпріятій, либо затронуло ихъ на совсѣмъ короткое время. Вслѣдствіе этого, кризисъ 1900 г. въ несравненно большей степени привелъ къ промышленной концентраціи, чѣмъ кризисъ 1873 года: этотъ послѣдній создалъ тоже извѣстный отборъ лучшихъ предпріятій, но при тогдашнемъ уровнѣ техники этотъ отборъ не могъ привести къ монополіи предпріятій, сумѣвшихъ побѣдоносно выйти изъ кризиса. Именно такой длительной монополіей, и притомъ въ высокой степени, обладаютъ гигантскія предпріятія теперешней желѣзодѣлательной и электрической промышленности, благодаря ихъ очень сложной техникѣ, ихъ далеко проведенной организаціи, мощи ихъ капитала, а затѣмъ въ меньшей степени и предпріятія машиностроительной, извѣстныхъ отраслей металлургической промышленности, путей сообщенія и пр.» [20]).

Монополія—вотъ послѣднее слово «новѣйшей фазы въ развитіи капитализма». Но наши представленія о дѣйствительной силѣ и значеніи современныхъ монополій были бы крайне недостаточны, неполны, преуменьшены, если бы мы не приняли во вниманіе роли банковъ.

2. Банки и ихъ новая роль.

Основной и первоначальной операціей банковъ является посредничество въ платежахъ. Въ связи съ этимъ банки превращаютъ бездѣйствующій денежный капиталъ въ дѣйствующій, т. е. приносящій прибыль, собираютъ всѣ и всяческіе денежные доходы, предоставляя ихъ въ распоряженіе капиталистовъ.

По мѣрѣ развитія банковаго дѣла и концентраціи его въ немногихъ учрежденіяхъ, банки превращаются

изъ скромной роли посредниковъ во властныхъ монополистовъ, распоряжающихся почти всѣмъ денежнымъ капиталомъ всей совокупности капиталистовъ и мелкихъ хозяевъ, а также—большею частью средствъ производства и источниковъ сырья въ данной странѣ и въ цѣломъ рядѣ странъ. Это превращеніе многочисленныхъ скромныхъ посредниковъ въ горстку монополистовъ составляетъ одинъ изъ основныхъ процессовъ превращенія капитализма въ капиталистическій имперіализмъ, и потому на концентраціи банкового дѣла намъ надо, въ первую очередь, остановиться.

Въ 1907—8 г. вклады всѣхъ акціонерныхъ банковъ Германіи, обладавшихъ капиталомъ болѣе 1 милліона марокъ составляли 7 милліардовъ марокъ; въ 1912—13 г.—уже 9,8—милліардовъ. Увеличеніе на 40% за пять лѣтъ, причемъ изъ этихъ 2,8 мд. увеличенія 2,75 мд. приходится на 57 банковъ, имѣвшихъ капиталъ свыше 10 милліоновъ марокъ. Распредѣленіе вкладовъ между крупными и мелкими банками было слѣдующее: [21])

Процентъ всѣхъ вкладовъ:

	У берлинскихъ крупныхъ банковъ, числомъ 9.	У остальныхъ 48 банковъ, съ капитал. свыше 10 милл. мар.	У 115 банковъ съ капиталомъ 1—10 милл.	У мелкихъ банковъ (менѣе 1 милл.).
1907/8 . .	47%	32.5%	16.5%	4%
1912/13. .	49%	36%	12%	3%

Мелкіе банки оттѣснены крупными, изъ которыхъ всего 9 концентрируютъ почти половину всѣхъ вкладовъ. Но здѣсь еще не принято очень многое во вниманіе, напр., превращеніе цѣлаго ряда мелкихъ банковъ въ фактическія отдѣленія крупныхъ и т. д. о чемъ пойдетъ рѣчь ниже.

Въ концѣ 1913 г. Шульце-Геверницъ опредѣлялъ вклады 9 берлинскихъ крупныхъ банковъ въ 5,1 мд. марокъ изъ общей суммы около 10 милліардовъ. Принимая во вниманіе не только вклады, а весь банковый

капиталъ, тотъ же авторъ писалъ;„Въ концѣ 1909 г. 9 берлинскихъ крупныхъ банковъ, вмѣстѣ съ примыкающими къ нимъ банками, управляли 11,3 милліардами марокъ, т. е. около 83% всей суммы нѣмецкаго банковаго капитала. „Нѣмецкій банкъ“ („Deutsche Bank“), управляющій, вмѣстѣ съ примыкающими къ нему банками, суммою около 3 милліардовъ марокъ, является, рядомъ съ прусскимъ управленіемъ государственныхъ желѣзн. дорогъ, самымъ крупнымъ, и притомъ въ высокой степени децентрализованнымъ, скопленіемъ капитала въ Старомъ Свѣтѣ“ [22]).

Мы подчеркнули указаніе на „примыкающіе“ банки, ибо оно относится къ одной изъ самыхъ важныхъ отличительныхъ особенностей новѣйшей капиталистической концентраціи. Крупныя предпріятія, банки въ особенности, не только прямо поглощаютъ мелкія, но и „присоединяютъ“ ихъ къ себѣ, подчиняютъ ихъ, включаютъ въ „свою“ группу, въ свой «концернъ»—какъ гласитъ техническій терминъ—посредствомъ „участія“ въ ихъ капиталѣ, посредствомъ скупки или обмѣна акцій, системы долговыхъ отношеній и т. п. и т. д. Профессоръ Лифманъ посвятилъ цѣлый огромный „трудъ“ въ полтысячи страницъ описанію современныхъ „обществъ участія и финансированія“ [23])—къ сожалѣнію, съ добавленіемъ весьма низкопробныхъ „теоретическихъ“ разсужденій къ сырому матеріалу. Къ какому итогу въ смыслѣ концентраціи приводитъ эта система „участій“, лучше всего показано въ сочиненіи банковаго „дѣятеля“ Риссера о нѣмецкихъ крупныхъ банкахъ. Но прежде чѣмъ переходить къ его даннымъ, мы приведемъ одинъ конкретный примѣръ системы „участій“.

„Группа“ „Нѣмецкаго банка“—одна изъ самыхъ крупныхъ, если не самая крупная изъ всѣхъ группъ большихъ банковъ. Чтобы учесть главныя нити, связывающія вмѣстѣ всѣ банки этой группы, надо различать „участія“ первой, второй и третьей степени или, что

то же, зависимость (болѣе мелкихъ банковъ отъ «Нѣмецкаго банка») первой, второй и третьей степени. Получается такая картина: [24]).

		Зависимость первой степ.	Зависимость второй степ.	Зависимость третьей степ.
„Нѣм. Банкъ" участв.	постоянно	въ 17 банк.	изъ нихъ 9	въ 34; изъ нихъ 4	въ 7
	на неизв. время	5 „	— „	— „	— „
	отъ врем. до врем.	8 „	5 „	14 „	2 „	2
	Всего	30 „	14 „	48 „	6 „	9

Въ число 8-ми банковъ «первой степени зависимости» входитъ три заграничныхъ банка: одинъ австрійскій (вѣнскій «Банковый Союзъ», Bank Verein») и два русскихъ (Сибирскій Торговый и Русскій банкъ для внѣшней торговли). Всего въ группу «Нѣмецкаго Банка» входитъ, прямо и косвенно, цѣликомъ и отчасти, 87 банковъ, а общая сумма капитала своего и чужого, которымъ распоряжается группа, опредѣляется въ 2-3 милліарда марокъ.

Ясно, что банкъ, стоящій во главѣ такой группы и входящій въ соглашенія съ полдюжиной другихъ, немного уступающихъ ему банковъ, для особенно большихъ и выгодныхъ финансовыхъ операцій, въ родѣ государственныхъ займовъ, выросъ уже изъ роли «посредника» и превратился въ союзъ горстки монополистовъ.

Съ какой быстротой именно въ 19 и началѣ 20 вѣка шла концентрація банковаго дѣла въ Германіи, видно изъ слѣдующихъ, приводимыхъ нами въ сокращенномъ видѣ, данныхъ Риссера:

6 берлинскихъ крупныхъ банковъ имѣли:

Годы:	Отдѣленій въ Германіи.	Депозитныхъ кассъ и мѣняльныхъ конторъ.	Постоян. участій въ нѣмецкихъ акціон. банкахъ.	Всего всѣхъ учрежденій.
1895. . .	16	14	1	42
1900. . .	21	40	8	80
1911. . .	104	276	63	450

Мы видимъ, какъ быстро выростаетъ густая сѣть каналовъ, охватывающихъ всю страну, централизирую-

щихъ всѣ капиталы и денежные доходы, превращающихъ тысячи раздробленныхъ хозяйствъ въ единое общенаціональное капиталистическое, а затѣмъ и всемірно-капиталистическое хозяйство. Та „децентрализація», о которой говорилъ въ приведенной выше цитатѣ Шульце-Геверницъ отъ имени буржуазной политической экономіи нашихъ дней, на дѣлѣ состоитъ въ подчиненіи единому центру все большаго и большаго числа бывшихъ ранѣе сравнительно «самостоятельными», или, вѣрнѣе, локально (мѣстно) замкнутыми, хозяйственныхъ единицъ. На дѣлѣ, значитъ, это — централизація, усиленіе роли, значенія, мощи монополистическихъ гигантовъ.

Въ болѣе старыхъ капиталистическихъ странахъ эта «банковская сѣть» еще гуще. Въ Англіи съ Ирландіей въ 1910 году число отдѣленій всѣхъ банковъ опредѣлялось въ 7.151. Четыре крупныхъ банка имѣли каждый свыше 400 отдѣленій (отъ 447 до 639), затѣмъ еще 4—свыше 200 и 11—свыше 100.

Во Франціи три крупнѣйшихъ банка: «Crédit Lyonnais», «Comptoir National d'Escompte и «Société Generale» развивали свои операціи и сѣть своихъ отдѣленій слѣдующимъ образомъ [25]):

	Число отдѣленій и кассъ:			Размѣръ капиталовъ:	
	въ провинціи.	въ Парижѣ.	Всего.	своего (милліон. франковъ).	чужого
1870	47	17	64	200	427
1890	192	66	258	265	1.245
1909	1.033	196	1.229	887	4.363

Для характеристики «связей» современнаго крупнаго банка Риссеръ приводитъ данныя о числѣ писемъ, отправляемыхъ и получаемыхъ «Учетнымъ обществомъ» («Disconto Gesllschaft»), однимъ изъ самыхъ большихъ банковъ въ Германіи и вовсемъ мірѣ (капиталъ его въ 1914 г. дошелъ до 300 милліоновъ марокъ):

	Число писемъ входящихъ.	Число писемъ исходящихъ.
1852	6.135	6.292
1870	85.800	87.513
1900	533.102	626.043

Въ парижскомъ крупномъ банкѣ «Ліонскій Кредитъ» число счетовъ съ 28.535 въ 1875 г. поднялось до 633.539 въ 1912 г. [26]).

Эти простыя цифры нагляднѣе, чѣмъ длинныя разсужденія, показываютъ, какъ съ концентраціей капитала и ростомъ оборотовъ банковъ измѣняется коренным образомъ ихъ значеніе. Изъ разрозненныхъ капиталистовъ складывается одинъ коллективный капиталистъ. Ведя текущій счетъ для нѣсколькихъ капиталистовъ. банкъ исполняетъ какъ будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцію. А когда эта операція вырастаетъ до гигантскихъ размѣровъ, то оказывается, что горстка монополистовъ подчиняетъ себѣ торгово-промышленныя операціи всего капиталистическаго общества, получая возможность — черезъ банковыя связи, черезъ текущіе счета и другія финасовыя операціи—сначала точно узнавать состояніе дѣлъ у отдѣльныхъ капиталистовъ, затѣмъ контролировать ихъ, вліять на нихъ посредствомъ расширенія или суженія, облегченія или затрудненія кредита, и наконецъ всецѣло опредѣлять ихъ судьбу, опредѣлять ихъ доходность, лишать ихъ капитала или давать возможность быстро и въ громадныхъ размѣрахъ увеличивать ихъ капиталъ и т. п.

Мы упомянули сейчасъ о капиталѣ въ 300 милл. марокъ у «Учетнаго Общества» въ Берлинѣ. Это увеличеніе капитала «Учетнымъ Обществомъ» было однимъ изъ эпизодовъ борьбы за гегемонію между двумя изъ самыхъ большихъ берлинскихъ банковъ, «Нѣмецкимъ Банкомъ» и «Учетнымъ Обществомъ».

Въ 1870 г. первый былъ еще новичкомъ и обладалъ

капиталомъ всего въ 15 милл., второй—въ 30 милл. Въ 1908 г. первый имѣлъ капиталъ въ 200 милл., второй—въ 170 милл. Въ 1914 г. первый поднялъ капиталъ до 250 милл., второй, посредствомъ сліянія съ другимъ первоклассно-крупнымъ банкомъ, «Шафгаузенскимъ Союзнымъ Банкомъ»,—до 300 милл. И, разумѣется, эта борьба за гегемонію идетъ рядомъ съ учащающимися и упрочивающимися «соглашеніями» обоихъ банковъ. Вотъ какіе выводы навязываетъ этотъ ходъ развитія спеціалистамъ по банковому дѣлу, смотрящимъ на экономическіе вопросы съ точки зрѣнія, никоимъ образомъ не выходящей за предѣлы умѣреннаго и аккуратнѣйшаго буржуазнаго реформаторства:

«Другіе банки послѣдуютъ по тому же пути»—писалъ нѣмецкій журналъ «Ванкъ» по поводу повышенія капитала «Учетнаго Обшества» до 300 милл.—«и изъ 300 человѣкъ, которые теперь экономически правятъ Германіей, останется со временемъ 50, 25 или еще менѣе. Нельзя ожидать, что новѣйшее концентраціонное движеніе ограничится однимъ банковымъ дѣломъ. Тѣсныя связи между отдѣльными банками естественно ведутъ также къ сближенію между синдикатами промышленниковъ, которымъ покровительствуютъ эти банки... Въ одинъ прекрасный день мы проснемся, и передъ нашими изумленными глазами окажутся одни только тресты; передъ нами будетъ стоять необходимость замѣтить частныя монополіи государственными монополіями. И тѣмъ не менѣе, намъ, въ сущности, не за что упрекнуть себя, кромѣ какъ за то, что мы предоставили развитію вещей свободный ходъ, немного ускоренный акціей» [27]).

Вотъ образецъ безпомощности буржуазной публицистики, отъ которой буржуазная наука отличается только меньшей искренностью и стремленіемъ затушевать суть дѣла, заслонить лѣсъ деревьями. «Изумляться передъ послѣдствіями концентраціи, «упрекать» пра

вительство капиталистической Германіи или капиталистическое «общество» («мы»), бояться «ускоренія» концентраціи отъ введенія акцій,—какъ одинъ нѣмецкій спеціалистъ «по картелямъ», Чиршки, боится американскихъ трестовъ и «предпочитаетъ» нѣмецкія картели, ибо они, будто бы способны «не такъ чрезмѣрно ускорять техническій прогресъ, какъ тресты»,—развѣ это не безпомощность?

Но факты остаются фактами. Въ Германіи нѣтъ трестовъ, а есть только картели, но ею управляютъ не болѣе 300 магнатовъ, и число ихъ неуклонно уменьшается. Банки во всякомъ случаѣ, во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, при всѣхъ разновидностяхъ банковскаго законодательства, во много разъ усиливаютъ и ускоряютъ процесъ концентраціи капитала и образованія монополій.

«Банки создаютъ въ общественномъ масштабѣ форму, но именно только форму, общаго счетоводства и общаго распредѣленія средствъ производства»—писалъ Марксъ полвѣка тому назадъ въ «Капиталѣ» (русск. пер., т. III, ч. II, с. 144). Приведенныя нами данныя о ростѣ банковаго капитала, объ увеличеніи числа конторъ и отдѣленій крупнѣйшихъ банковъ, числа ихъ счетовъ и пр. показываютъ намъ конкретно это «общее счетоводство» всего класса капиталистовъ и даже не только капиталистовъ, ибо банки собираютъ, хотя бы на время всяческіе денежные доходы, и мелкихъ хозяйчиковъ, и служащихъ, и ничтожнаго верхняго слоя рабочихъ. «Общее распредѣленіе средствъ производства»—вотъ что растетъ съ формальной стороны дѣла, изъ современныхъ банковъ, которые въ числѣ какихъ-нибудь трехъ шести крупнѣйшихъ банковъ Франціи, шести-восьми—въ Германіи распоряжаются милліардами и милліардами. Но по содержанію своему это распредѣленіе средствъ производства совсѣмъ не «общее», а частное, т. е. сообразованное съ интересами крупнаго

и въ первую голову крупнѣйшаго, монополистическаго капитала, дѣйствующаго въ такихъ условіяхъ, когда масса населенія живетъ впроголодь, когда все развитіе земледѣлія безнадежно отстаетъ отъ развитія промышленности, а въ промышленности «тяжелая индустрія» беретъ дань со всѣхъ остальныхъ ея отраслей.

Въ дѣлѣ обобществленія капиталистическаго хозяйства конкуренцію банкамъ начинаютъ оказывать сберегательныя кассы и почтовыя учрежденія, которыя болѣе «децентрализованы», т. е. захватываютъ въ кругъ своего вліянія большее количество мѣстностей, большее число захолустій, болѣе широкіе круги населенія. Вотъ данныя, собранныя американской комиссіей по вопросу о сравнительномъ развитіи вкладовъ въ банки и въ сберегательныя кассы[28]):

Вклады (въ милліардахъ марокъ):

	Англія.		Франція.		Германія.		
	въ банки.	въ сбер. кассы.	въ банки.	въ сбер. кассы.	въ банки.	въ кред. товарищ.	въ сбер. касс.
1880 .	8.4	1.6	?	0.9	0.5	0.4	2.6
1888 .	12.4	2.0	1.5	2.1	1.1	0.4	4.5
1908 .	23.2	4.2	3.7	4.2	7.1	2.2	13.9

Платя по 4 и по $4^1/_4$% по вкладамъ, сберегательныя кассы вынуждены искать «доходнаго» помѣщенія своимъ капиталамъ, пускаться въ вексельныя, гипотечныя и пр. операціи. Границы между банками и сберег. касс. все болѣе стираются». Торговыя палаты, напр., въ Бохумѣ, въ Эрфортѣ, требуютъ «запретить» сберег. кассамъ вести «чисто» банковыя операціи, въ родѣ учета векселей, требуютъ ограниченія «банковской» дѣятельности почтовыхъ учрежденіи [29]). Банковые тузы какъ бы боятся, не подкрадывается ли къ нимъ государственная монополія съ неожиданной стороны. Но, разумѣется, эта боязнь не выходитъ за предѣлы конкуренціи, такъ сказать, двухъ столоначальниковъ въ одной канцеляріи.

Ибо, съ одной стороны, милліардными капиталами сберегательныхъ кассъ распоряжаются на дѣлѣ въ концѣ концовъ тѣ же магнаты банковаго капитала; а съ другой стороны, государственная монополія въ капиталистическомъ обществѣ есть лишь средство повышенія и закрѣпленія доходовъ для близкихъ къ банкротству милліонеровъ той или иной отрасли промышленности.

Смѣна стараго капитализма, съ господствомъ свободной конкуренціи, новымъ капитализмомъ, съ господствомъ монополіи, выражается, между прочимъ, въ паденіи значенія биржи. «Биржа давно перестала быть»—пишетъ журналъ «Банкъ»—«необходимымъ посредникомъ обращенія, какимъ она была раньше, когда банки не могли еще размѣщать большей части выпускаемыхъ фондовыхъ цѣнностей среди своихъ кліентовъ» [30]).

«Всякій банкъ есть биржа»—это современное изреченіе заключаетъ въ себѣ тѣмъ больше правды, чѣмъ крупнѣе банкъ, чѣмъ больше успѣховъ дѣлаетъ концентрація въ банковомъ дѣлѣ» [31]). «Если прежде, въ 70-хъ годахъ, биржа, съ ея юношескими эксцессами» («тонкій» намекъ на биржевой крахъ 1873 г., на грюндерскіе скандалы и пр.) открывала эпоху индустріализаціи Германіи, то въ настоящее время банки и промышленность могутъ «справляться самостоятельно». Господство нашихъ крупныхъ банковъ надъ биржей... есть не что иное, какъ выраженіе полностью организованнаго нѣмецкаго промышленнаго государства. Если такимъ образомъ суживается область дѣйствія автоматически функціонирующихъ экономическихъ законовъ и чрезвычайно расширяется область сознательнаго регулированія черезъ банки, то въ связи съ этимъ гигантски возрастаетъ и народно-хозяйственная отвѣтственность немногихъ руководящихъ лицъ»,—такъ пишетъ нѣмецкій профессоръ Шульцъ-Геверницъ [32]), защитникъ нѣмецкаго имперіализма, авторитетъ для им-

періалистовъ всѣхъ странъ, старающійся затушевать «мелочь», именно, что это «сознательное регулированіе» черезъ банки состоитъ въ обираніи публики горсткою «полностью организованныхъ» монополистовъ. Задача буржуазнаго профессора состоитъ не въ раскрытіи всей механики, не въ разоблаченіи всѣхъ продѣлокъ банковыхъ монополистовъ, а въ прикрываніи ихъ.

Точно также и Риссеръ, еще болѣе авторитетный экономистъ и банковый «дѣятель», отдѣлывается ничего не говорящими фразами по поводу фактовъ, отрицать которые невозможно: «биржа все болѣе теряетъ безусловно необходимое для всего хозяйства и для обращенія цѣнныхъ бумагъ свойство быть не только самымъ точнымъ измѣрительнымъ инструментомъ, но и почти автоматически дѣйствующимъ регуляторомъ экономическихъ движеній, стекающихся къ ней» [34]).

Другими словами: старый капитализмъ свободной конкуренціи съ безусловно необходимымъ для него регуляторомъ, биржей, отходитъ въ прошлое. Ему на смѣну пришелъ новый капитализмъ, носящій на себѣ черты чего-то переходнаго, какой-то смѣси свободной конкуренціи съ монополіей. Естественно напрашивается вопросъ, къ чему «переходитъ» этотъ новѣйшій капитализмъ, но поставить этотъ вопросъ буржуазные ученые бояться.

«Тридцать лѣтъ тому назадъ свободно конкурирующіе предприниматели выполняли $^{9}/_{10}$ той экономической работы, которая не принадлежитъ къ области физическаго труда «рабочихъ». Въ настоящее время чиновники выполняютъ $^{9}/_{10}$ этой экономической умственной работы. Банковое дѣло стоитъ во главѣ этого развитія» [34]). Это признаніе Шульце-Геверница еще и еще разъ упирается въ вопросъ о томъ, переходомъ къ чему является новѣйшій капитализмъ, капитализмъ въ его имперіалистической стадіи.

Между немногими банками, которые въ силу про-

цесса концентраціи остаются во главѣ всего капиталистическаго хозяйства, естественно все больше намѣчается и усиливается стремленіе къ монополистическому соглашенію, къ т р е с т у б а н к о в ъ. Въ Америкѣ не девять, а д в а крупнѣйшихъ банка, милліардеровъ Рокфеллера и Моргана, господствуютъ надъ капиталомъ въ 11 милліардовъ марокъ [35]). Въ Германіи отмѣченное нами выше поглощеніе «Шафгаузенскаго Союзнаго Банка» «Учетнымъ Обществомъ» вызвало слѣдующую оцѣнку со стороны газеты биржевыхъ интересовъ «Франкфуртской Газеты»:

«Съ ростомъ концентраціи банковъ суживается тотъ кругъ учрежденій, къ которому вообще можно обратиться за кредитомъ, въ силу чего увеличивается зависимость крупной промышленности отъ немногихъ банковыхъ группъ. При тѣсной связи между промышленностью и міромъ финансистовъ свобода движенія промышленныхъ обществъ, нуждающихся въ банковомъ капиталѣ, оказывается стѣсненною. Поэтому крупная промышленность смотритъ на усиливающееся трестированіе (объединеніе или превращеніе въ тресты) банковъ со смѣшанными чувствами; въ самомъ дѣлѣ, уже неоднократно приходилось наблюдать зачатки извѣстныхъ соглашеній между отдѣльными концернами крупныхъ банковъ, соглашеній, сводящихся къ ограниченію конкуренціи» [36]).

Опять и опять послѣднее слово въ развитіи банковаго дѣла—монополія.

Что касается до тѣсной связи между банками и промышленностью, то именно въ этой области едва ли не нагляднѣе всего сказывается новая роль банковъ. Если банкъ учитываетъ векселя даннаго предпринимателя, открываетъ для него текущій счетъ и т. п., то эти операціи, взятыя въ отдѣльности, ни на іоту не уменьшаютъ самостоятельности этого предпринимателя, и банкъ не выходитъ изъ скромной роли

посредника. Но если эти операціи учащаются и упрочиваются, если банкъ «собираетъ» въ свои руки громадныхъ размѣровъ капиталы, если веденіе текущихъ счетовъ даннаго предпріятія позволяетъ банку, а это такъ и бываетъ — все детальнѣе и полнѣе узнавать экономическое положеніе его кліента, то въ результатѣ получается все болѣе полная зависимость промышленнаго капиталиста отъ банка.

Вмѣстѣ съ этимъ развивается, такъ сказать, личная унія банковъ съ крупнѣйшими предпріятіями промышленности и торговли, сліяніе тѣхъ и другихъ посредствомъ владѣнія акціями, посредствомъ вступленія директоровъ банковъ въ члены наблюдательныхъ совѣтовъ (или правленій) торгово-промышленныхъ предпріятій и обратно. Нѣмецкій экономистъ Эйдельсъ собралъ подробнѣйшія данныя объ этимъ видѣ концентраціи капиталовъ и предпріятій. Шесть крупнѣйшихъ берлинскихъ банковъ были представлены черезъ своихъ директоровъ въ 344 промышленныхъ обществахъ, и черезъ своихъ членовъ правленія—еще въ 407, итого въ 751 обществѣ. Въ 289 обществахъ они имѣли либо по два члена наблюдательныхъ совѣтовъ, либо мѣста ихъ предсѣдателей. Среди этихъ торгово-промышленныхъ обществъ мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя отрасли промышленности: и страховое дѣло, и пути сообщенія, и рестораны, и театры, и художественную промышленность, и пр. Съ одной стороны, въ наблюдательныхъ совѣтахъ тѣхъ же шести банковъ былъ (въ 1909 г.) 51 крупнѣйшій промышленникъ, въ томъ числѣ директоръ фирмы Круппъ, гигантскаго пароходнаго общества «Hapag» (Hamburg-Amerika) и т. д. и т. п. Каждый изъ шести банковъ съ 1895 по 1910 г. участвовалъ въ выпускѣ акцій и облигацій для многихъ сотенъ промышленныхъ обществъ, именно: отъ 281 до 419 [37]).

«Личная унія» банковъ съ промышленностью дополняется «личной уніей» тѣхъ и другихъ обществъ съ

правительствомъ. «Мѣста членовъ наблюдательныхъ совѣтовъ—пишетъ Ейдельсъ—добровольно предоставляютъ лицамъ съ громкими именами, а также бывшимъ чиновникамъ по государственной службѣ, которые могутъ доставить не мало облегченій (!!) при сношеніяхъ съ властями»...«Въ наблюдательномъ совѣтѣ крупнаго банка встрѣчаемъ обыкновенно члена парламента или члена берлинской городской думы».

Выработка и разработка, такъ сказать, крупныхъ капиталистическихъ монополій идетъ, слѣд., на всѣхъ парахъ всѣми «естественными» и «сверхъестественными» путями. Складывается систематически извѣстное раздѣленіе труда между нѣсколькими сотнями финансовыхъ королей современнаго капиталистическаго общества:

«Наряду съ этимъ расширеніемъ области дѣятельности отдѣльныхъ крупныхъ промышленниковъ» (вступающихъ въ правленіе банковъ и т. п.) «и съ предоставленіемъ въ вѣдѣніе провинціальныхъ директоровъ банковъ исключительно одного опредѣленнаго промышленнаго округа идетъ извѣстный ростъ спеціализаціи среди руководителей крупныхъ банковъ. Такая спеціализація мыслима вообще лишь при большихъ размѣрахъ всего банковскаго предпріятія и его промышленныхъ связей въ особенности. Это раздѣленіе труда идетъ по двумъ направленіямъ; съ одной стороны, сношенія съ промышленностью въ цѣломъ поручаются одному изъ директоровъ, какъ его спеціальное дѣло; съ другой стороны, каждый директоръ беретъ на себя надзоръ за отдѣльными предпріятіями или за группами предпріятій, близкихъ между собой по профессіи или по интересамъ» (капитализмъ уже дорось до организованнаго надзора за отдѣльными предпріятіями) .. «У одного спеціальностью является германская промышленность, иногда даже только западно-германская» (западная Германія—наиболѣе промышленная часть

Германіи), «у другихъ—отношенія къ государствамъ и промышленности заграницы, свѣдѣнія о личности промышленниковъ и пр., биржевыя дѣла и т. д. Кромѣ того, часто каждый изъ директоровъ получаетъ въ свое завѣдываніе особую мѣстность или особую отрасль промышленности: одинъ работаетъ главнымъ образомъ въ наблюдательныхъ совѣтахъ электрическихъ обществъ, другой—въ химическихъ фабрикахъ, пивоваренныхъ или свеклосахарныхъ заводахъ, третій—въ немногихъ изолированныхъ предпріятіяхъ, а рядомъ съ этимъ—въ наблюдательномъ совѣтѣ страховыхъ обществъ... Однимъ словомъ, несомнѣнно, что въ крупныхъ банкахъ, по мѣрѣ роста размѣровъ и разнообразія ихъ операцій, складывается все большее раздѣленіе труда между руководителями—съ той цѣлью (и съ такимъ результатомъ), чтобы нѣсколько поднять ихъ, такъ сказать, выше банковыхъ дѣлъ, сдѣлать ихъ болѣе способными къ сужденію, болѣе знающими толкъ въ общихъ вопросахъ промышленности и въ спеціальныхъ вопросахъ отдѣльныхъ ея отраслей, подготовить ихъ къ дѣятельности въ области промышленной сферы вліянія банка. Эта система банковъ дополняется стремленіемъ выбирать въ свои наблюдательные совѣты людей, хорошо знакомыхъ съ промышленностью, предпринимателей, бывшихъ чиновниковъ, особенно служившихъ по желѣзнодорожному, горному вѣдомству» и т. д. [88])

Однородныя учрежденія, только въ иной чуточку формѣ, встрѣчаемъ во французкомъ банковомъ дѣлѣ. Напр., одинъ изъ трехъ французскихъ крупнѣйшихъ банковъ, «Ліонскій Кредитъ», организовалъ у себя особое «отдѣленіе сбора финансовыхъ свѣдѣній» (Service des études financiéres). Въ немъ работаетъ постоянно свыше 50 человѣкъ инженеровъ, статистиковъ, экономистовъ, юристовъ и пр. Стоитъ оно отъ 6 до 7 сотъ тысячъ франковъ въ годъ. Подраздѣлено въ свою оче-

редь на 8 отдѣловъ: одинъ собираетъ свѣдѣнія спеціально о промышленныхъ предпріятіяхъ, другой изучаетъ общую статистику,—третій—желѣзнодорожныя и пароходныя общества, четвертый—фонды, пятый—финансовые отчеты и т. д. [39]).

Получается, съ одной стороны, все большее сліяніе или, какъ выразился удачно Н. И. Бухаринъ, сращиваніе банковаго и промышленнаго капиталовъ, а съ другой стороны, перерастаніе банковъ въ учрежденія поистинѣ «универсальнаго характера». Мы считаемъ необходимымъ привести точныя выраженія по этому вопросу Ейдельса, писателя, лучше всѣхъ изучившаго дѣло: «Какъ результатъ разсмотрѣнія промышленныхъ связей въ ихъ совокупности, мы получаемъ универсальный характеръ финансовыхъ институтовъ, работающихъ на промышленность. Въ противоположность другимъ формамъ банковъ, въ противоположность выставлявшимся иногда въ литературѣ требованіямъ, что банки должны спеціализироваться на опредѣленной области дѣлъ или отрасли промышленности, чтобы не терять почвы подъ ногами,—крупные банки стремятся сдѣлать свои связи съ промышленными предпріятіями какъ можно болѣе разнообразными по мѣсту и роду производства, стараются устранить тѣ неравномѣрности въ распредѣленіи капитала между отдѣльными мѣстностями или отраслями промышленности, которыя объясняются изъ исторіи отдѣльныхъ предпріятій». «Одна тенденція состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать связь съ промышленностью общимъ явленіемъ; другая — въ томъ, чтобы сдѣлать ее прочной и интенсивной; обѣ осуществлены въ шести крупныхъ банкахъ не полностью, но уже въ значительныхъ размѣрахъ и въ одинаковой степени».

Со стороны торгово-промышленныхъ круговъ нерѣдко слышатся жалобы на «терроризмъ» банковъ. И неудивительно, что подобныя жалобы раздаются, когда круп-

ные банки «командуютъ» такъ, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ. 19 ноября 1901 года одинъ изъ т. наз. берлинскихъ «д» банковъ (названія четырехъ крупнѣйшихъ банковъ начинаются на букву д) обратился къ правленію сѣверо-западно средне-нѣмецкаго цементнаго синдиката со слѣдующимъ письмомъ: Изъ сообщенія, которое вы опубликовали 18 тек. мѣс. въ газетѣ такой-то, видно, что мы должны считаться съ возможностью, что на общемъ собраніи вашего синдиката, имѣющемъ состояться 30-го с. м., будутъ приняты рѣшенія, способныя произвести въ вашемъ предпріятіи измѣненія, для насъ непріемлемыя. Поэтому мы, къ нашему глубокому сожалѣнію, вынуждены прекратить Вамъ тотъ кредитъ, коимъ вы пользовались... Но если на этомъ общемъ собраніи не будетъ принято непріемлемыхъ для насъ рѣшеній и намъ будутъ даны соотвѣтствующія гарантіи въ этомъ отношеніи насчетъ будущаго, то мы выражаемъ готовность вступить въ переговоры объ открытіи вамъ новаго кредита»[40]).

Въ сущности, это тѣ же жалобы мелкаго капитала на гнетъ крупнаго, только въ разрядъ «мелкихъ» попалъ здѣсь цѣлый синдикатъ! Старая борьба мелкаго и крупнаго капитала возобновляется на новой, неизмѣримо болѣе высокой ступени развитія. Понятно, что и техническій прогрессъ милліардныя предпріятія крупныхъ банковъ могутъ двигать впередъ средствами, не идущими ни въ какое сравненіе съ прежними. Банки учреждаютъ, напр. особыя общества техническихъ изслѣдованій, результатами которыхъ пользуются, конечно, только «дружественныя» промышленныя предпріятія. Сюда относится «Общество для изученія вопроса объ электрическихъ желѣзныхъ дорогахъ», «центральное бюро для научно-техническихъ изслѣдованій» и т. п.

Сами руководители крупныхъ банковъ не могутъ не видѣть, что складываются какія-то новыя условія народнаго хозяйства, но они безпомощны передъ ними.

«Кто наблюдалъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ — пишетъ Ейдельсъ—смѣну лицъ на должностяхъ директоровъ и членовъ наблюдательныхъ совѣтовъ крупныхъ банковъ, тотъ не могъ не замѣтить, какъ власть переходитъ постепенно въ руки лицъ, считающихъ необходимой и все болѣе насущной задачей крупныхъ банковъ активное вмѣшательство въ общее развитіе промышленности, причемъ между этими лицами и старыми директорами банковъ развивается отсюда расхожденіе на дѣловой, а часто и на личной почвѣ. Дѣло идетъ, въ сущности, о томъ, не страдаютъ ли банки, какъ кредитныя учрежденія, отъ этого вмѣшательства банковъ въ промышленный процессъ производства, не приносятся ли солидное принципы и вѣрная прибыль въ жертву такой дѣятельности, которая не имѣетъ ничего общаго съ посредничествомъ въ доставленіи кредита и которая заводитъ банкъ въ такую область, гдѣ онъ еще больше подчиненъ господству промышленной конъюнктуры, чѣмъ прежде. Такъ говорятъ многіе изъ старыхъ руководителей банковъ, а большинство молодыхъ считаетъ активное вмѣшательство въ вопросы промышленности такой же необходимостью, какъ и та, которая вызвала къ жизни вмѣстѣ съ современной крупной промышленностью и крупные банки и новѣйшее промышленное банковое предпріятіе. Лишь въ томъ согласны между собою обѣ стороны, что не существуетъ ни твердыхъ принциповъ, ни конкретной цѣли для новой дѣятельности крупныхъ банковъ» [41]).

Старый капитализмъ отжилъ. Новый является переходомъ къ чему-то. Найти «твердые принципы и конкретную цѣль» для «примиренія» монополіи со свободной конкуренціей, разумѣется, дѣло безнадежное. Признаніе практиковъ звучитъ совсѣмъ не такъ, какъ казенное воспѣваніе прелестей «организованнаго» капитализма его апологетами въ родѣ Шульце-Геверница, Лифмана и т. п. «теоретиками».

Къ какому именно времени относится окончательное установленіе «новой дѣятельности» крупныхъ банковъ, на этотъ важный вопросъ мы находимъ довольно точный отвѣтъ у Ейдельса:

«Связи между промышленными предпріятіями, съ ихъ новымъ содержаніемъ, новыми формами, новыми органами, именно: крупными банками, организованными одновременно и централистически и децентралистически, образуются, какъ характерное народно-хозяйственное явленіе, едва ли раньше 1890-хъ годовъ: въ извѣстномъ смыслѣ можно даже отодвинуть этотъ начальный пунктъ до 1897 г., съ его крупными «сліяніями» предпріятій, вводящими впервые новую форму децентрализованной организаціи ради соображеній промышленной политики банковъ. Этотъ начальный пунктъ можно, пожалуй, отодвинуть еще на болѣе поздній срокъ, ибо лишь кризисъ 1900 года гигантски ускорилъ процессъ концентраціи и въ промышленности и въ банковскомъ дѣлѣ, закрѣпилъ этотъ процессъ впервые превратилъ сношенія съ промышленностью въ настоящую монополію крупныхъ банковъ, сдѣлалъ эти сношенія значительно болѣе тѣсными и интенсивными»[42]).

Итакъ, 20-й вѣкъ—вотъ поворотный пунктъ отъ стараго къ новому капитализму, отъ господства капитала вообще къ господству финансоваго капитала.

3. Финансовый капиталъ и финансовая олигархія.

«Все возрастающая часть промышленнаго капитала—пишетъ Гильфердингъ—не принадлежитъ тѣмъ промышленникамъ, которые его примѣняютъ. Распоряженіе надъ капиталомъ они получаютъ лишь при посредствѣ банка, который представляетъ по отношенію къ нимъ

собственниковъ этого капитала. Съ другой стороны, и банку все возростающую часть своихъ капиталовъ приходится закрѣплять въ промышленности. Благодаря этому онъ въ постоянно возрастающей мѣрѣ становится промышленнымъ капиталистомъ. Такой банковый капиталъ—слѣдовательно, капиталъ въ денежной формѣ,—который такимъ способомъ въ дѣйствительности превращенъ въ промышленный капиталъ, я называю финансовымъ капиталомъ». «Финансовый капиталъ: капиталъ, находящійся въ распоряженіи банковъ и примѣняемый промышленниками» [43]).

Это опредѣленіе неполно постольку, поскольку въ немъ нѣтъ указанія на одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ, именно: на ростъ концентраціи производства и капитала въ такой сильной степени, когда концентрація приводитъ и привела къ монополіи. Но во всемъ изложеніи Гильфердинга вообще, въ частности въ обѣихъ главахъ, предшествующихъ той, изъ которой взято это опредѣленіе, подчеркивается роль капиталистическихъ монополій.

Концентрація производства; монополіи, выростающія изъ нея; сліяніе или сращиваніе банковъ съ промышленностью — вотъ исторія возникновенія финансоваго капитала и содержаніе этого понятія.

Намъ слѣдуетъ перейти теперь къ описанію того, какъ «хозяйничанье» капиталистическихъ монополій становится неизбѣжно, въ общей обстановкѣ товарнаго производства и частной собственности, господствомъ финансовой олигархіи. Замѣтимъ, что представители буржуазной нѣмецкой — да и не одной нѣмецкой — науки, какъ Риссеръ, Шульце-Геверницъ, Лифманъ и пр., являются сплошь апологетами имперіализма и финансоваго капитала. Они не вскрываютъ, а затушевываютъ и прикрашиваютъ «механику» образованія олигархіи, ея пріемы, размѣры ея доходовъ, «безгрѣшныхъ» и «грѣшныхъ», ея связи съ парламентами и пр.

и т. д. Они отдѣлываются отъ «проклятыхъ вопросовъ» важными, темными фразами, призывами къ «чувству отвѣтственности» директоровъ банковъ, восхваленіемъ «чувства долга» прусскихъ чиновниковъ, серьезнымъ разборомъ мелочей совершенно не серьезныхъ законопроектовъ о «надзорѣ», «регламентаціи», теоретической игрой въ бирюльки, въ родѣ, напр., слѣдующаго «научнаго» опредѣленія, до котораго дописался профессоръ Лифманъ: «...Торговля есть промысловая дѣятельность, направленная къ собиранію благъ, храненію ихъ предоставленію ихъ въ распоряженіе...»[44]) Выходитъ, что торговля была у первобытнаго человѣка, который еще не зналъ обмѣна, будетъ и въ соціалистическомъ обществѣ!

Но чудовищные факты, касающіеся чудовищнаго господства финансовой олигархіи, настолько бьютъ въ глаза, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, и въ Америкѣ, и во Франціи, и въ Германіи, возникла литература, стоящая на буржуазной точкѣ зрѣнія и дающая приблизительно правдивую картину и — мѣщанскую конечно — критику финансовой олигархіи...

Во главу угла слѣдуетъ поставить ту систему «участія», о которой нѣсколько словъ сказано уже было выше. Вотъ какъ описываетъ суть дѣла едва ли не раньше другихъ обратившій на нее вниманіе нѣмецкій экономистъ Гейманъ:

«Руководитель контролируетъ основное общество («общество-мать» буквально); оно въ свою очередь господствуетъ надъ зависимыми отъ него обществами («обществами-дочерьми»), эти послѣднія — надъ обществами-внуками» и т. д. Такимъ образомъ можно, владѣя не слишкомъ большимъ капиталомъ, господствовать надъ гигантскими областями производства. Въ самомъ дѣлѣ, если обладанія 50% капитала всегда бываетъ достаточно для контроля надъ акціонернымъ

обществомъ, то руководителю надо обладать лишь однимъ милліономъ, чтобы имѣть возможность контролировать 8 милліоновъ капитала у «обществъ-внуковъ». А если этотъ «переплетъ» идетъ дальше, то съ 1 милл. можно контролировать 16 милл., 32 милл. и т. д.» [45]).

На самомъ дѣлѣ опытъ показываетъ, что достаточно владѣть 40% акцій, чтобы распоряжаться дѣлами акціонернаго общества [46]), ибо извѣстная часть раздробленныхъ, мелкихъ акціонеровъ не имѣетъ на практикѣ никакой возможности принимать участіе въ общихъ собраніяхъ и т. д. «Демократизація» владѣнія акціями, отъ которой буржуазные софисты и оппортунисты, «тоже-соціалдемократы», ожидаютъ «демократизаціи капитала», усиленія роли и значенія мелкаго производства и т. п., на дѣлѣ есть одинъ изъ способовъ усиленія мощи финансовой олигархіи. Поэтому, между прочимъ, въ болѣе передовыхъ или болѣе старыхъ и «опытныхъ» капиталистическихъ странахъ законодательство разрѣшаетъ болѣе мелкіе акціи. Въ Германіи законъ не разрѣшаетъ акцій менѣе, чѣмъ въ сумму въ 1.000 марокъ, и нѣмецкіе финансовые магнаты съ завистью смотрятъ на Англію, гдѣ законъ разрѣшаетъ акціи и въ 1 фунтъ стерлинговъ (20 марокъ—ок. 10 руб.). Сименсъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ промышленныхъ и «финансовыхъ королей» Германіи, заявилъ въ рейхстагѣ 7 іюня 1900 г., что «акція въ 1 ф. ст. есть основа британскаго имперіализма» [47]). У этого купца замѣтно болѣе глубокое «марксистское» пониманіе того, что такое имперіализмъ, чѣмъ у нѣкоего страннаго писателя, который, считаясь основателемъ русскаго марксизма, полагаетъ однако, что имперіализмъ есть дурное свойство только одного изъ народовъ Европы.

Но «система участій» не только служитъ гигантскому увеличенію власти монополистовъ, она, кромѣ

Библиотека имени Ленина

того, позволяетъ безнаказанно обдѣлывать какія угодно темныя и грязныя дѣла, обирать публику, ибо руководители «общества-матери» формально, по закону, не отвѣчаютъ за «общество-дочь», которое считается «самостоятельнымъ» и черезъ которое можно все «провести». Вотъ примѣръ, заимствуемый нами изъ майской книжки нѣмецкаго журнала «Банкъ» за 1914 г.: «Акціонерное общество пружинной стали» въ Кассельѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ считалось однимъ изъ самыхъ доходныхъ предпріятій Германіи. Плохое управленіе довело дѣло до того, что дивиденды упали съ 15% до 0%. Какъ оказалось, правленіе безъ вѣдома акціонеровъ дало ссуду одному изъ своихъ «обществъ-дочерей», «Хассія», номинальный капиталъ котораго составлялъ всего нѣсколько сотъ тысячъ марокъ,—6 милліоновъ марокъ. Объ этой ссудѣ, которая почти втрое превышаетъ акціонерный капиталъ «общества-матери», въ балансахъ послѣдняго ничего не значилось; юридически такое умолчаніе было вполнѣ законно и могло длиться цѣлыхъ два года, ибо ни единый параграфъ торговаго законодательства этимъ не нарушался. Предсѣдатель наблюдательнаго совѣта, который въ качествѣ отвѣтственнаго лица подписывалъ лживые балансы, былъ и остается предсѣдателемъ Кассельской торговой палаты. Акціонеры узнали объ этой ссудѣ обществу «Хассія» лишь долго спустя, послѣ того, какъ она оказалась «ошибкой»... (это слово автору слѣдовало бы поставить въ кавычки)... и когда акціи «пружинной стали», въ силу того, что ихъ начали сбывать съ рукъ посвященные, пали въ цѣнѣ приблизительно на 100%...

...«Этотъ типичный примѣръ эквилибристики съ балансами, самой обычной въ акціонерныхъ обществахъ, объясняетъ намъ, почему правленія акціонерныхъ обществъ съ гораздо болѣе

легкимъ сердцемъ берутся за рискованныя дѣла, чѣмъ частные предприниматели. Новѣйшая техника составленія балансовъ не только даетъ имъ возможность скрывать рискованныя дѣла отъ средняго акціонера, но и позволяетъ главнымъ заинтересованнымъ лицамъ сваливать съ себя отвѣтственность посредствомъ своевременной продажи акцій, въ случаѣ неудачи эксперимента, тогда какъ частный предприниматель отвѣчаетъ своей шкурой за все, что онъ дѣлаетъ...

«Балансы многихъ акціонерныхъ обществъ похожи на тѣ извѣстные изъ эпохи среднихъ вѣковъ палимпсесты, на которыхъ надо было сначала стереть написанное, чтобы открыть стоящіе подъ ними знаки, дающіе дѣйствительное содержаніе рукописи» *).

«Самое простое и поэтому всего чаще употребляемое средство дѣлать балансы непроницаемыми состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить единое предпріятіе на нѣсколько частей посредствомъ учрежденій «обществъ-дочерей» или посредствомъ присоединенія таковыхъ. Выгоды этой системы съ точки зрѣнія различныхъ цѣлей — законныхъ и незаконныхъ — до того очевидны, что въ настоящее время прямо-таки исключеніемъ являются крупныя общества, которыя бы не приняли этой системы» [48]).

Какъ примѣръ крупнѣйшаго и монополистическаго общества, самымъ широкимъ образомъ прибѣгающаго къ этой системѣ, авторъ называетъ знаменитую «Всеобщую компанію электричества» (A. E. G., о ней у насъ будетъ еще рѣчь ниже). Въ 1912 г. считали, что это общество участвуетъ въ 175—200 обществахъ, господствуя, разумѣется, надъ ними и охватывая, въ цѣломъ, капиталъ около $1^1/_2$ милліарда марокъ [49]).

*) Палимпсестъ — пергаментъ, на которомъ основная рукопись затерта и по затертому написано другое.

Всякія правила контроля, публикаціи балансовъ, выработки опредѣленной схемы для нихъ, учрежденія надзора и т. п., чѣмъ занимаютъ вниманіе публики благонамѣренные—т. е. имѣющіе благое намѣреніе защищать и прикрашивать капитализмъ — профессора и чиновники, не могутъ тутъ имѣть никакого значенія. Ибо частная собственность священна, никому нельзя запретить покупать, продавать, обмѣнивать акціи, закладывать ихъ и т. д.

О томъ, какихъ размѣровъ система «участія» достигла въ русскихъ крупныхъ банкахъ, можно судить по даннымъ, сообщаемымъ Е. Агадомъ, который 15 лѣтъ служилъ чиновникомъ Русско-китайскаго банка и въ маѣ 1914 г. опубликовалъ сочиненіе подъ не совсѣмъ точнымъ заглавіемъ: «Крупные банки и всемірный рынокъ» [50]). Авторъ дѣлитъ крупные русскіе банки на двѣ основыя группы: а) работающіе при «системѣ участій» и б) «независимые», произвольно понимая однако подъ «независимостью» независимость отъ заграничныхъ банковъ: первую группу авторъ дѣлитъ на три подгруппы: 1) нѣмецкое участіе; 2) англійское и 3) французское, имѣя въ виду «участіе» и господство крупнѣйшихъ заграничныхъ банковъ соотвѣтствующей національности. Капиталы банковъ авторъ дѣлитъ на «продуктивно» помѣщаемые (въ торговлю и промышленность) и «спекулятивно» помѣщаемые въ биржевыя и финансовыя операціи, полагая, со свойственной ему мелкобуржуазно-реформистской точки зрѣнія, будто можно при сохраненіи капитализма отдѣлить первый видъ помѣщенія отъ второго и устранить второй видъ.

Данныя автора слѣдующія:

Активъ банковъ (по отчетамъ за октябрь—ноябрь 1913 г.) въ милл. руб.:

Группы русскихъ банковъ:	Капиталы помѣщаемые: продуктивно,	спекулятивно.	Всего.
а 1) 4 банка: Сиб. Торг., Русск., Международн. и Учетн.	413.7	859.1	1.272.8
а 2) 2 бан.: Торг.-Пром. и Русско-Англійскій	239.3	169.1	408.4
а 3) 5 банковъ: Русск. Аз., ПТГР. частн., Аз.-Донской, Унiонъ, Моск., Русско-Франц.-торг.	711.8	661.2	1.373.0
(11 банковъ) Итого. . . .	1.364.8	1.689.4	3.054.2
б) 8 банк.: Моск.-Купеч.; Волж.-Камск.; Юнкеръ и К°, ПТГР. торг.; бывшій Вавельбергъ; Моск., бывшій Рябушинскаго; Моск. Учетный, Моск. Торг. и Моск. Частный . .	504.2	391.1	895.2
(19 банковъ) Всего	1.869.0	2.080.5	3.949.5

По этимъ даннымъ изъ почти 4-хъ милліардовъ рублей, составляющихъ «работающій» капиталъ крупныхъ банковъ, свыше 3/4 болѣе 3-хъ милліардовъ, приходится на долю банковъ, которые представляютъ изъ себя, въ сущности, «общества-дочери» заграничныхъ банковъ, въ первую голову парижскихъ (знаменитое банковое тріо: «парижскій союзъ»; парижскій и нидерландскій; Генер. об-во) и берлинскихъ (особенно Нѣмецкій и Учетное Общество). Два крупнѣйшихъ русскихъ банка, «Русскій» («Русскій банкъ для внѣшней торговли») и «Международный» («НТГР. Международный Торговый Банкъ») повысили свои капиталы съ 1906 по 1912 г. съ 44 до 98 милл. руб., а резервы—съ 15 до 39 милл., «работая на 3/4 нѣмецкими капиталами»; первый банкъ принадлежитъ къ «концерну» берлинскаго «Нѣмецкаго Банка», второй—берлинскаго «Учетнаго Общества». Добрый Агадъ глубоко возмущается тѣмъ, что берлинскіе банки имѣютъ въ своихъ рукахъ большинство акцій и что поэтому русскіе акціонеры безсильны. И разумѣется, страна, вывозящая капиталъ, снимаетъ

сливки: напр., берлинскій «Нѣмецкій Банкъ», вводя въ Берлинѣ акціи Сибирскаго Торговаго Банка, продержалъ ихъ цѣлый годъ у себя въ портфелѣ, а затѣмъ продалъ по курсу 193 за 100, т.-е почти вдвое, «заработавъ» около 6 милл. рублей барыша, который Гильфердингъ назвалъ «учредительнымъ барышемъ».

Всю «мощь» петроградскихъ крупнѣйшихъ банковъ авторъ опредѣляетъ въ 8.235 милл. руб., почти 8¼ милліардовъ, причемъ «участіе», а вѣрнѣе господство заграничныхъ банковъ онъ распредѣляетъ такъ: французскіе банки—55%, англійскіе—10%; нѣмецкіе—35% Изъ этой суммы, 8235 милл. функціонирующаго капитала—3.687 милл., т.-е. свыше 40%, приходится, по разсчету автора, на синдикаты: Продуголь, Продамета, синдикаты въ нефтяной, металлургической и цементной промышленности. Слѣдовательно, сліяніе банковаго и промышленнаго капитала, въ связи съ образованіемъ капиталистическихъ монополій, сдѣлало и въ Россіи громадные шаги впередъ.

Финансовый капиталъ, концентрированный въ немногихъ рукахъ и пользующійся фактической монополіей, беретъ громадную и все возростающую прибыль отъ учредительства, отъ выпуска фондовыхъ бумагъ, отъ государственныхъ займовъ и т. п., закрѣпляя господство финансовыхъ олигархій, облагая все общество данью монополистамъ. Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ «хозяйничанья» американскихъ трестовъ, приводимый Гильфердингомъ: въ 1887 г. Гавемейеръ основалъ сахарный трестъ посредствомъ сліянія 15 мелкихъ компаній, общій капиталъ которыхъ равнялся 6½ милл. долларовъ. Капиталъ же треста былъ, по американскому выраженію, «разведенъ водою», опредѣленъ въ 50 милліоновъ долларовъ. «Перекапитализація» усчитывала будущія монопольныя прибыли, какъ стальной трестъ въ той же Америкѣ усчитываетъ будущія монопольныя прибыли, скупая все больше желѣзо-

рудныхъ земель. И дѣйствительно, сахарный трестъ установилъ монопольныя цѣны и получилъ такіе доходы, что могъ уплачивать по 10% дивиденда на капиталъ, въ семь разъ «разведенный водою», т.-е. почти 70% на капиталъ, дѣйствительно внесенный при основаніи треста! Въ 1909 г. капиталъ треста составлялъ 90 милл., долларовъ. За 22 года—болѣе, чѣмъ удесятереніе капитала.

Во Франціи господство «финансовой олигархіи» («Противъ финансовой олигархіи въ Франціи»—заглавіе извѣстной книги Лизиса, вышедшей пятымъ изданіемъ въ 1908 г.) приняло лишь немного измѣненную форму. Четыре крупнѣйшихъ банка пользуются не относительной, а «абсолютной монополіей» при выпускѣ цѣнныхъ бумагъ. Фактически, это—«трестъ крупныхъ банковъ». И монополія обезпечиваетъ монопольныя прибыли отъ эмиссій. При займахъ страна занимающая получаетъ обыкновенно не болѣе 90% всей суммы; 10% достается банкамъ и др. посредникамъ. Прибыль банковъ отъ русско-китайскаго займа въ 400 милл. франк. составляла 8%, отъ русскаго (1904) въ 800 милл.—10%, отъ мароккскаго (1904) въ $62^1/_2$ милл.—$18^3/_4$%. Капитализмъ, начавшій свое развитіе съ мелкаго ростовщическаго капитала, кончаетъ свое развитіе гигантскимъ ростовщическимъ капиталомъ. «Французы—ростовщики Европы»,—говоритъ Лизисъ. Всѣ условія экономической жизни терпятъ глубокое измѣненіе въ силу этого перерожденія капитализма. При застоѣ населенія, промышленности, торговли, морскаго транспорта, «страна можетъ богатѣть отъ ростовщичества». Пятьдесятъ человѣкъ, представляя капиталъ въ 8 милл. франковъ, могутъ распоряжаться двумя милліардами въ четырехъ банкахъ. Система «участій», уже знакомая намъ, ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ: одинъ изъ крупнѣйшихъ банковъ, «Генеральное общество» (Société Générale), выпускаетъ 64.000 облигацій «общества-до-

чери», «Рафинадные заводы въ Египтѣ». Курсъ выпуска—150%, т.-е. банкъ наживаетъ 50 коп. на рубль. Дивиденды этого общества оказались фиктивными, «публика» потеряли отъ 90 до 100 милл. франковъ; одинъ изъ директоровъ «Генеральнаго Общества» былъ членомъ правленія «Рафинадныхъ Заводовъ». Неудивительно, что авторъ долженъ сдѣлать выводъ: «французская республика есть финансовая монархія»; полное господство финансовой олигархій; она владычествуетъ и надъ прессой и надъ правительствомъ» [51]).

Исключительно высокая прибыльность выпуска цѣнныхъ бумагъ, какъ одной изъ главныхъ операцій финансоваго капитала, играетъ очень важную роль въ развитіи и упроченіи финансовой олигархіи. «Внутри страны нѣтъ ни одного гешефта, который бы давалъ хотя приблизительно столь высокую прибыль, какъ посредничество при выпускѣ иностранныхъ займовъ»—говоритъ нѣмецкій журналъ «Банкъ» [52]).

«Нѣтъ ни одной банковой операціи, которая бы приносила такую высокую прибыль, какъ эмиссіонное дѣло». На выпускѣ фондовъ промышленныхъ предпріятій, по даннымъ «Нѣмецкаго Экономиста», прибыль составляла въ среднемъ за годъ:

1895 — 38.6%
1896 — 36.1 „
1897 — 66.7 „
1898 — 67.7 „
1899 — 66.9 „
1900 — 55.2 „

«Въ теченіе десяти лѣтъ, 1891—1900, на выпускѣ нѣмецкихъ промышленныхъ фондовъ было «заработано» свыше одного милліарда» [53]).

Если во время промышленнаго подъема необъятно велики прибыли финансоваго капитала, то во время

упадка гибнутъ мелкія и непрочныя предпріятія, а крупные банки „участвуютъ“ въ скупкѣ ихъ за-дешево или въ прибыльныхъ „оздоровленіяхъ“ и „реорганизаціяхъ“. При „оздоровленіяхъ“ убыточныхъ предпріятій акціонерный капиталъ понижается, т. е. доходъ распредѣляется на меньшій капиталъ и въ дальнѣйшемъ исчисляется уже на него. Или, если доходность понизилась до нуля, привлекается новый капиталъ, который, соединившись съ менѣе доходнымъ старымъ, теперь будетъ приносить уже достаточный доходъ. Кстати сказать, добавляетъ Гильфердингъ, всѣ эти оздоровленія и реорганизаціи имѣютъ двоякое значеніе для банковъ: во-первыхъ, какъ прибыльная операція, и во-вторыхъ, какъ удобный случай для того, чтобы поставить такія нуждающіяся общества въ зависимость отъ себя [52]).

Вотъ примѣръ: акціонерное горнопромышленное общество „Уніонъ“ въ Дортмундѣ основано въ 1872 г. Выпущенъ былъ акціонерный капиталъ почти въ 40 милл. марокъ, и курсъ поднялся до 170%, когда за первый годъ получился дивидендъ въ 12%. Финансовый капиталъ снялъ сливки, заработавъ „мелочь“ въ родѣ какихъ-нибудь 28 милліоновъ. При основаніи этого общества главную роль игралъ тотъ самый крупнѣйшій нѣмецкій банкъ „Учетное Общество“, который благополучно достигъ капитала въ 300 милл. марокъ. Затѣмъ дивиденды „Уніона“ спускаются до нуля. Акціонерамъ приходится соглашаться на „списываніе“ капитала, т. е. на потерю части его, чтобы не потерять всего. И вотъ въ результатѣ ряда „оздоровленій“ изъ книгъ общества „Уніонъ“ въ теченіе 30 лѣтъ исчезаетъ болѣе 73 милліоновъ марокъ. „Въ настоящее время первоначальные акціонеры этого общества имѣютъ въ рукахъ лишь 5% номинальной стоимости своихъ акцій“, [53]) а на каждомъ „оздоровленіи“ банки продолжали „зарабатывать“.

Особенно прибыльной операціей финансоваго капитала является также спекуляція земельными участками въ окрестностяхъ быстро растущихъ большихъ городовъ. Монополія банковъ сливается здѣсь съ монополіей путей сообщенія, ибо ростъ цѣнъ на земельные участки, возможность выгодно продать ихъ по частямъ и т. д. зависитъ больше всего отъ хорошихъ путей сообщенія съ центромъ города, а эти пути сообщенія находятся въ рукахъ крупныхъ компаній, связанныхъ системой участій и распредѣленіемъ директорскихъ мѣстъ съ тѣми же банками. Получается то, что нѣмецкій писатель Л. Эшвегэ, сотрудникъ журнала „Банкъ“, спеціально изучавшій операціи съ торговлей земельными участками, съ закладываніемъ ихъ и т. д., назвалъ „Болотомъ“: бѣшеная спекуляція пригородными участками, крахи строительныхъ фирмъ, въ родѣ берлинской фирмы „Босвау и Кнауэръ“, нахватавшей денегъ до 100 мил. марокъ при посредствѣ „солиднѣйшаго и крупнѣйшаго“ „Нѣмецкаго банка“ (Deutsche Bank), который, разумѣется, дѣйствовалъ по системѣ „участій“, т. е. тайкомъ, за спиной, и вывернулся, потерявъ всего 12 мил. марокъ,—затѣмъ, разореніе мелкихъ хозяевъ и рабочихъ, ничего не получающихъ отъ дутыхъ строительныхъ фирмъ, мошенническія сдѣлки съ берлинской „честной“ полиціей и администраціей для захвата въ свои руки выдачи справокъ объ участкахъ и разрѣшеніяхъ городской думы на возведеніе построекъ и пр. и т. д. [54]).

„Американскіе нравы“, по поводу которыхъ такъ лицемѣрно возводятъ очи горѣ европейскіе профессора и благонамѣренные буржуа, стали въ эпоху финансоваго капитала нравами буквально всякаго крупнаго города въ любой странѣ.

Въ Берлинѣ въ началѣ 1914 г. говорили о томъ, что предстоитъ образованіе „транспортнаго треста“, т. е. „общности интересовъ“ между тремя берлинскими

транспортными предпріятіями: электрической городской жел. дорогой, трамвайнымъ обществомъ и обществомъ омнибусовъ. „Что подобное намѣреніе существуетъ, это мы знаемъ—писалъ журналъ „Банкъ“—съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно, что большинство акцій общества омнибусовъ перешло въ руки двухъ другихъ транспортныхъ обществъ. Можно вполнѣ повѣрить лицамъ, преслѣдующимъ такую цѣль, что посредствомъ единообразнаго регулированія транспортнаго дѣла они надѣются получить такія сбереженія, часть которыхъ въ концѣ концовъ могла бы достаться публикѣ. Но вопросъ усложняется тѣмъ, что за этимъ образующимся транспортнымъ трестомъ стоятъ банки, которые, если захотятъ, могутъ подчинить монополизированные ими пути сообщенія интересамъ своей торговли земельными участками. Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько естественно такое предположеніе, достаточно припомнить, что уже при основаніи общества городской электрической желѣзной дороги тутъ были замѣшаны интересы того крупнаго банка, который поощрилъ его основаніе. Именно интересы этого транспортнаго предпріятія переплетались съ интересами торговли земельными участками. Дѣло въ томъ, что восточная линія этой дороги должна была охватить тѣ земельные участки, которые потомъ этотъ банкъ, когда постройка дороги была уже обезпечена, продалъ съ громадной прибылью для себя и для нѣсколькихъ участвующихъ лицъ“ [55])...

Монополія, разъ она сложилась и ворочаетъ милліардами, съ абсолютной неизбѣжностью пронизываетъ всѣ стороны общественной жизни, независимо отъ политическаго устройства и отъ какихъ бы то ни было другихъ „частностей“. Въ нѣмецкой экономической литературѣ обычно самовосхваленіе честности прусскаго чиновничества, съ кивками по адресу французской панамы или американской политической продажности.

Но фактъ тотъ, что даже буржуазная литература, посвященная банковымъ дѣламъ Германіи, вынуждена постоянно выходить далеко за предѣлы чисто-банковыхъ операцій и писать напримѣръ объ „устремленіи въ банкъ“ [56]) по поводу учащающихся случаевъ перехода чиновниковъ на службу въ банкъ: „какъ обстоитъ дѣло съ неподкупностью государственнаго чиновника, тайное стремленіе котораго направлено къ теплому мѣстечку на Бэренштрассе?“ *). Издатель журнала „Банкъ“ Альфредъ Лансбургъ писалъ въ 1909 г. статью: „Экономическое значеніе византизма“ по поводу, между прочимъ, поѣздки Вильгельма II въ Палестину и „непосредственнаго результата этой поѣздки—постройки Багдадской желѣзной дороги, этого рокового „великаго дѣла нѣмецкой предпріимчивости“, которое болѣе виновато въ „окруженіи“, чѣмъ всѣ наши политическіе крахи, вмѣстѣ взятые“ (подъ окруженіемъ разумѣется политика Эдуарда VII, стремившагося изолировать Германію и окружить ее кольцомъ имперіалистическаго противогерманскаго союза). Упомянутый уже нами сотрудникъ Эшвегэ писалъ въ 1912 г. статью: „Плутократія и чиновничество“, разоблачая, напр., случай съ нѣмецкимъ чиновникомъ Фелькеромъ, который былъ членомъ комиссіи о картеляхъ и выдѣлялся своей энергіей, а нѣкоторое время спустя оказался обладателемъ доходнаго мѣстечка въ самомъ крупномъ картелѣ—стальномъ синдикатѣ. Подобные случаи, которые вовсе не случайны, заставляли того же буржуазнаго писателя признаться, что „обезпеченная германской конституціей экономическая свобода во многихъ областяхъ хозяйственной жизни стала лишенной содержанія фразой“ и что при сложившемся господствѣ плутократіи „даже самая широкая политическая свобода не можетъ насъ спасти отъ того, что мы превратимся въ народъ людей несвободныхъ“ [57]).

*) Улица въ Берлинѣ, гдѣ помѣщается „Нѣмецкій банкъ“

Что касается Россіи, то мы ограничимся однимъ примѣромъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ газеты обошло извѣстіе о томъ, что директоръ кредитной канцеляріи Давыдовъ покидаетъ государственную службу и беретъ мѣсто въ одномъ крупномъ банкѣ за жалованье, которое по договору должно было въ нѣсколько лѣтъ составить сумму свыше одного милліона рублей. Кредитная канцелярія есть учрежденіе, задачей котораго является „объединеніе дѣятельности всѣхъ кредитныхъ учрежденій государства“ и которое оказываетъ субсидіи столичнымъ банкамъ на сумму до 800—1000 милл. р. [58]).

Капитализму вообще свойственно отдѣленіе собственности на капиталъ отъ приложенія капитала къ производству, отдѣленіе денежнаго капитала отъ промышленнаго или производительнаго, отдѣленіе рантье, живущаго только доходомъ съ денежнаго капитала, отъ предпринимателя и всѣхъ непосредственно участвующихъ въ распоряженіи капиталомъ лицъ. Имперіализмъ или господство финансоваго капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отдѣленіе достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Преобладаніе финансоваго капитала надъ всѣми остальными формами капитала означаетъ господствующее положеніе рантье и финансовой олигархіи, означаетъ выдѣленіе немногихъ государствъ, обладающихъ финансовой „мощью“, изъ всѣхъ остальныхъ. Въ какихъ размѣрахъ идетъ этотъ процессъ, объ этомъ можно судить по даннымъ статистики эмиссій, т. е. выпуска всякаго рода цѣнныхъ бумагъ.

Въ „Бюллетенѣ международнаго статистическаго института“ А. Неймаркъ [59]) опубликовалъ самыя обстоятельныя, полныя и сравнимыя данныя объ эмиссіяхъ во всемъ мірѣ, данныя, которыя неоднократно приводились потомъ по частямъ въ экономической литературѣ. Вотъ итоги за 4 десятилѣтія:

Сумма эмиссій въ милліардахъ франковъ за 10-лѣтіе.

1871—1880	76.1
1881—1890	64.5
1891—1900	100.4
1901—1910	197.8

Въ 1870-хъ годахъ общая сумма эмиссій во всемъ мірѣ повышена въ особенности займами въ связи съ франко-прусской войной и послѣдовавшей эпохой грюндерства въ Германіи. Въ общемъ и цѣломъ, увеличеніе идетъ въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій 19 вѣка сравнительно не очень быстро, и только первое десятилѣтіе 20-го вѣка даетъ громадное увеличеніе, почти удвоеніе за 10 лѣтъ. Начало 20-го вѣка, слѣдов., является эпохой перелома не только въ отношеніи роста монополій (картелей, синдикатовъ, трестовъ), о чемъ мы уже говорили, но и въ отношеніи роста финансоваго капитала.

Общую сумму цѣнныхъ бумагъ въ мірѣ въ 1910 г. Неймаркъ опредѣляетъ приблизительно въ 815 милліардовъ франковъ. Вычитывая приблизительно повторенія, онъ уменьшаетъ эту сумму до 575—600 мд. Вотъ распредѣленіе по странамъ (беремъ 600 мд.):

Сумма цѣнныхъ бумагъ въ 1910 г. (милліарды франковъ).

Англія	142	479
Соед. Штаты	132	
Франція	110	
Германія	95	
Россія	31	
Австро-Венгрія.	24	
Италія	14	
Японія	12	
Голландія	12.5	
Бельгія	7.5	
Испанія	7.5	

Сумма цѣнныхъ бумагъ въ 1910 г. (милліарды франковъ).

Швейцарія	6.25
Данія	3.75
Швеція, Норвегія, Румынія и пр.	2.5
Всего	600

По этимъ даннымъ сразу видно, какъ рѣзко выдѣляются четыре наиболѣе богатыя капиталистическія страны, владѣющія приблизительно отъ 100 до 150 мд. фр. цѣнныхъ бумагъ. Изъ нихъ двѣ— самыя старыя и, какъ увидимъ, наиболѣе богатыя колоніями капиталистическія страны: Англія и Франція; другія двѣ — наиболѣе передовыя капиталистическія страны по быстротѣ развитія и по степени распространенія капиталистическихъ монополій въ производствѣ—С. Штаты и Германія. Вмѣстѣ четыре страны имѣютъ 479 мд. фр., т. е. почти 80% всемірнаго финансоваго капитала. Почти весь остальной міръ, такъ или иначе, играетъ роль должника и данника этихъ странъ-международныхъ банкировъ, этихъ четырехъ „столповъ“ всемірнаго финансоваго капитала.

Особенно слѣдуетъ остановиться на той роли, которую играетъ въ созданіи международной сѣти зависимости и связей финансоваго капитала вывозъ капитала.

4. Вывозъ капитала.

Для стараго капитализма, съ полнымъ господствомъ свободной конкуренціи, типиченъ былъ вывозъ товаровъ. Для новѣйшаго капитализма, съ господствомъ монополій, типиченъ сталъ вывозъ капитала.

Капитализмъ есть товарное производство на высшей ступени его развитія, когда и рабочая сила становится товаромъ. Ростъ обмѣна, какъ внутри страны, такъ и въ особенности международнаго, есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномѣрность и

скачкообразность въ развитіи отдѣльныхъ предпріятій, отдѣльныхъ отраслей промышленности, отдѣльныхъ странъ, неизбѣжны при капитализмѣ. Сначала Англія стала, раньше другихъ, капиталистической страной и къ половинѣ 19 вѣка, введя свободную торговлю, претендовала на роль „мастерской всего міра“, поставщицы фабрикатовъ во всѣ страны, которыя должны были снабжать ее, въ обмѣнъ, сырыми матеріалами. Но эта монополія Англіи уже въ послѣдней четверти 19 вѣка была подорвана, ибо рядъ другихъ странъ, защитившись „охранительными“ пошлинами, развились въ самостоятельныя капиталистическія государства. На порогѣ 20 вѣка мы видимъ образованіе иного рода монополій: во-первыхъ, монополистическихъ союзовъ капиталистовъ во всѣхъ странахъ развитого капитализма; во-вторыхъ, монополистическаго положенія немногихъ богатѣйшихъ странъ, въ которыхъ накопленіе капитала достигло гигантскихъ размѣровъ. Возникъ громадный „избытокъ капитала“ въ передовыхъ странахъ.

Разумѣется, если бы капитализмъ могъ развить земледѣліе, которое теперь повсюду страшно отстало отъ промышленности, если бы онъ могъ поднять жизненный уровень массъ населенія, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный техническій прогрессъ, полуголоднымъ и нищенскимъ,—тогда объ избыткѣ капитала не могло бы быть и рѣчи. И такой „доводъ“ сплошь да рядомъ выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализмъ не былъ бы капитализмомъ, ибо и неравномѣрность развитія и полуголодный уровень жизни массъ суть коренныя, неизбѣжныя условія и предпосылки этого способа производства. Пока капитализмъ остается капитализмомъ, избытокъ капитала обращается не на повышеніе уровня жизни массъ въ данной странѣ, ибо это было бы пониженіемъ прибыли капиталистовъ,

а на повышеніе прибыли путемъ вывоза капитала заграницу, въ отсталыя страны. Въ этихъ отсталыхъ странахъ прибыль обычно высока, ибо капиталовъ мало, цѣна земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые матеріалы дешевы. Возможность вывоза капитала создается тѣмъ, что рядъ отсталыхъ странъ втянуть уже въ оборотъ мірового капитализма, проведены или начаты главныя линіи желѣзныхъ дорогъ, обезпечены элементарныя условія развитія промышленности и т. д. Необходимость вывоза капитала создается тѣмъ, что въ немногихъ странахъ капитализмъ „перезрѣлъ“, и капиталу не достаетъ (при условіи неразвитости земледѣлія и нищеты массъ) поприщъ „прибыльнаго“ помѣщенія.

Вотъ приблизительныя данныя о размѣрахъ капитала, вложеннаго заграницей тремя главными странами: [60])

Капиталъ, помѣщенный заграницей (въ милліардахъ франковъ).

Годы.	Англія.	Франція.	Германія.
1862 . . .	3.6	—	—
1872 . . .	15	10 (1869)	—
1882 . . .	22	15 (1880)	?
1893 . . .	42	20 (1890)	?
1902 . . .	62	27—37	12.5
1914 . . .	75—100	60	44

Мы видимъ отсюда, что гигантскаго развитія вывозъ капитала достигъ только въ началѣ 20 вѣка. Передъ войной вложенный заграницей капиталъ трехъ главныхъ странъ достигалъ 175—200 мд. франк. Доходъ съ этой суммы, по скромной нормѣ въ 5%, долженъ достигать 8—10 мд. франковъ въ годъ. Солидная основа имперіалистическаго угнетенія и эксплоатаціи большинства націй и странъ міра, капиталистическаго паразитизма горстки богатѣйшихъ государствъ!

Какъ распредѣляется этотъ помѣщенный заграницей капиталъ между разными странами, гдѣ онъ помѣщенъ, на этотъ вопросъ можно дать лишь приблизительный отвѣтъ, который однако въ состояніи освѣтить нѣкоторыя общія соотношенія и связи современнаго имперіализма:

Части свѣта, между которыми распредѣлены (приблизительно) заграничные капиталы (ок. 1910 г. Въ милліардахъ марокъ).

	Англія.	Франція.	Германія.	Всего.
Европа . . .	4	23	18	45
Америка . .	37	4	10	51
Азія, Африка, Австралія .	29	8	7	44
Итого	70	35	35	140

Въ Англіи на первое мѣсто выдвигаются ея колоніальныя владѣнія, которыя очень велики и въ Америкѣ (напр., Канада), не говоря уже объ Азіи и пр. Гигантскій вывозъ капитала тѣснѣе всего связанъ здѣсь съ гигантскими колоніями, о значеніи которыхъ для имперіализма мы еще будемъ говорить дальше. Иное дѣло во Франціи. Здѣсь заграничный капиталъ помѣщенъ, главнымъ образомъ, въ Европѣ и прежде всего въ Россіи (не менѣе 10 мд. фр.), причемъ преимущественно это—ссудный капиталъ, государственные займы, а не капиталъ, вкладываемый въ промышленныя предпріятія. Въ отличіе отъ англійскаго, колоніальнаго, имперіализма, французскій можно назвать ростовщическимъ имперіализмомъ. Въ Германіи третья разновидность: колоніи ея не велики, и распредѣленіе помѣщеннаго ею заграницей капитала наиболѣе равномѣрное между Европой и Америкой.

Вывозъ капитала въ тѣхъ странахъ, куда онъ направляется, оказываетъ вліяніе на развитіе капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до извѣстной степени, этотъ вывозъ способенъ приводить къ нѣкоторому застою развитія въ странахъ вывозящихъ, то это можетъ происходить лишь цѣною расширенія и углубленія дальнѣйшаго развитія капитализма во всемъ мірѣ.

Для странъ, вывозящихъ капиталъ, почти всегда получается возможность пріобрѣсти извѣстныя „выгоды", характеръ которыхъ проливаетъ свѣтъ на своеобразіе эпохи финансоваго капитала и монополій. Вотъ, напр., что писалъ въ октябрѣ 1913 г. берлинскій журналъ „Банкъ":

„На международномъ рынкѣ капиталовъ разыгрывается съ недавняго времени комедія, достойная пера Аристофана. Цѣлый рядъ чужестранныхъ государствъ, отъ Испаніи до Балканъ, отъ Россіи до Аргентины, Бразиліи и Китая, выступаютъ открыто передъ крупными денежными рынками съ требованіями, иногда въ высшей степени настоятельными, получить заемъ. Денежные рынки теперь находятся не въ очень блестящемъ положеніи, и политическія перспективы не радужныя. Но ни одинъ изъ денежныхъ рынковъ не рѣшается отказать въ займѣ, изъ боязни, что сосѣдъ предупредитъ его, согласится на заемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечитъ себѣ извѣстныя услуги за услуги. При такого рода международныхъ сдѣлкахъ почти всегда кое-что перепадаетъ въ пользу кредитора: уступка въ торговомъ договорѣ, угольная станція, постройка гавани, жирная концессія, заказъ на пушки" [61]).

Финансовый капиталъ создалъ эпоху монополій. А монополіи всюду несутъ съ собой монополистическія начала: использованіе „связей" для выгодной сдѣлки становится на мѣсто конкуренціи на открытомъ рынкѣ. Самая обычная вещь: условіемъ займа ста-

вится расходованіе части его на покупку продуктовъ кредитующей страны, особенно на предметы вооруженія, на суда и т. д. Франція въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій (1890—1910) очень часто прибѣгала къ этому средству. Вывозъ капиталовъ заграницу становится средствомъ поощрять вывозъ товаровъ заграницу. Сдѣлки, особенно между крупными предпріятіями, бываютъ при этомъ таковы, что онѣ стоятъ, какъ выразился „мягко“ Шильдеръ, „на границѣ подкупа“. Круппъ въ Германіи, Шнейдеръ во Франціи, Армстронгъ въ Англіи—образцы такихъ фирмъ, тѣсно связанныхъ съ гигантскими банками и съ правительствомъ, которыя не легко „обойти“ при заключеніи займа.

Франція, давая въ займы Россіи, „прижала“ ее въ торговомъ договорѣ 16 сентября 1905 г., выговоривъ извѣстныя уступки до 1917 г.; то же по торговому договору съ Японіей отъ 19 августа 1911 г. Таможенная война Австріи съ Сербіей, продолжавшаяся съ семимѣсячнымъ перерывомъ съ 1906 по 1911 годъ, была вызвана отчасти конкуренціей Австріи и Франціи въ дѣлѣ поставокъ военныхъ припасовъ Сербіи: Поль Дешанель заявилъ въ палатѣ въ январѣ 1912 г., что французскія фирмы за 1908—1911 г. доставили Сербіи военныхъ матеріаловъ на 45 милл. франковъ.

Въ отчетѣ австро-венгерскаго консула въ Сао-Пауло (Бразилія) говорится: „постройка бразильскихъ жел. дорогъ совершается большей частью на французскіе, бельгійскіе, британскіе и нѣмецкіе капиталы; эти страны при финансовыхъ операціяхъ, связанныхъ съ постройкой дорогъ, выговариваютъ себѣ поставку желѣзнодорожныхъ строительныхъ матеріаловъ“.

Такимъ образомъ, финансовый капиталъ въ буквальномъ, можно сказать, смыслѣ слова раскидываетъ свои сѣти на всѣ страны міра. Большую роль играютъ при этомъ банки, учреждаемые въ колоніяхъ, и ихъ отдѣ-

ленія. Нѣмецкіе имперіалисты съ завистью смотрятъ на „старыя“ колоніальныя страны, обезпечившія себя въ этомъ отношеніи особенно „успѣшно“. Англія имѣла въ 1904 г. 50 колоніальныхъ банковъ съ 2.279 отдѣленіями (въ 1910 г.—72 съ 5.449 отдѣл.); Франція—20 съ 136 отд., Голландія—16 съ 68, а Германія „всего только“ 13 съ 70 отдѣленіями [62]). Американскіе капиталисты, въ свою очередь, завидуютъ англійскимъ и германскимъ: „въ Южной Америкѣ—жаловались они въ 1915 г.—5 германскихъ банковъ имѣютъ 40 отдѣленій и 5 англійскихъ—70 отдѣленій... Англія и Германія за послѣднія 25 лѣтъ помѣстили въ Аргентинѣ, Бразиліи, Уругваѣ, приблизительно 4 билліона (милліарда) долларовъ, и въ результатѣ онѣ пользуются 46% всей торговли этихъ трехъ странъ [63]).

Страны, вывозящія капиталъ, подѣлили міръ между собою въ переносномъ смыслѣ слова. Но финансовый капиталъ привелъ и къ прямому раздѣлу міра.

5. Раздѣлъ міра между союзами капиталистовъ.

Монополистическіе союзы капиталистовъ—картели, синдикаты, тресты—дѣлятъ между собою прежде всего внутренній рынокъ, захватывая производство данной страны въ свое болѣе или менѣе полное обладаніе. Но внутренній рынокъ при капитализмѣ неизбѣжно связанъ съ внѣшнимъ. Капитализмъ давно создалъ всемірный рынокъ. И по мѣрѣ того, какъ росъ вывозъ капитала и расширялись всячески заграничныя и колоніальныя связи и „сферы вліянія“ крупнѣйшихъ монополистическихъ союзовъ, дѣло „естественно“ подходило къ всемірному соглашенію между ними, къ образованію международныхъ картелей.

Это—новая ступень всемірной концентраціи капитала и производства, несравненно болѣе высокая, чѣмъ предыдущія. Посмотримъ, какъ выростаетъ эта сверхъ-монополія.

Электрическая промышленность—самая типичная для новѣйшихъ успѣховъ техники, для капитализма конца 19-го и начала 20-го вѣка. И всего болѣе развилась она въ двухъ наиболѣе передовыхъ изъ новыхъ капиталистическихъ странъ, Соединенныхъ Штатахъ и Германіи. Въ Германіи на ростъ концентраціи въ этой отрасли особо сильное вліяніе оказалъ кризисъ 1900 г. Банки, къ тому времени достаточно уже сросшіеся съ промышленностью, въ высшей степени ускорили и углубили во время этого кризиса гибель сравнительно мелкихъ предпріятій, ихъ поглощеніе крупными. „Банки—пишетъ Ейдельсъ—отнимали руку помощи какъ разъ у тѣхъ предпріятій, которыя всего болѣе нуждались въ ней, вызывая этимъ сначала бѣшеный подъемъ, а потомъ безнадежный крахъ тѣхъ обществъ, которыя были недостаточно тѣсно связаны съ ними“ [64]).

Въ результатѣ концентрація послѣ 1900 г. пошла впередъ гигантскими шагами. До 1900 г. было восемь или семь „группъ“ въ электрической промышленности, причемъ каждая состояла изъ нѣсколькихъ обществъ (всего ихъ было 28) и за каждой стояло отъ 2 до 11 банковъ. Къ 1908—1912 гг. всѣ эти группы слились въ двѣ или одну. Вотъ какъ шелъ этотъ процессъ.

Группы въ электрической промышленности:

До 1900 г.:

Фельтенъ и Гильомъ, Ламейеръ | Уніонъ А. Е. G. | Сименсъ Гальске и Шукертъ и К° | Бергманъ | Куммеръ

Фельтенъ и Ламейеръ — А. Е. G. (Вс. К° электр.)

Сименсъ и Гальске-Шукертъ — Бергманъ. Крахнула въ 1900 г.

въ 1912 г.:

А. Е. G. (Вс. К° электр.) — Сименсъ и Гальске-Шукертъ

(Тѣсная кооперація съ 1908 г.)

Знаменитое A. E. G. (Всеобщая Компанія Электричества), выросшее такимъ образомъ, господствуетъ надъ 175—200 обществъ (по системѣ „участій") и распоряжается общей суммой капитала приблизительно въ $1^1/_2$ милліарда марокъ. Однихъ только прямыхъ заграничныхъ представительствъ оно имѣетъ 34, изъ нихъ 12 акціонерныхъ обществъ, болѣе чѣмъ въ 10 государствахъ. Еще въ 1904 г. считали, что капиталы, вложенные нѣмецкой электрической промышленностью заграницей, составляли 233 милліона марокъ, изъ нихъ 62 мил.—въ Россіи. Нечего и говорить, что „Вс. К° Эл." представляетъ собою гигантское „комбинированное" предпріятіе—число однихъ только фабрикаціонныхъ обществъ у него равняется 16—съ производствомъ самыхъ различныхъ продуктовъ, отъ кабелей и изоляторовъ до автомобилей и летательныхъ аппаратовъ.

Но концентрація въ Европѣ была также составной частью процесса концентраціи въ Америкѣ. Вотъ какъ шло дѣло:

„Всеобщая К° Электрич.".

Америка	К° Томсонъ Гаустонъ основываетъ для Европы фирму	К° Эдиссона основываетъ для Европы фирму: „Французская К° Эдиссона", которая передаетъ патенты нѣмецкой фирмѣ
Германія	„Уніонъ. К° Электричества".	„Всеобщ. К° Эл." (A. E. G.

„Вс. К° Эл." (A. E. G.).

Такимъ образомъ сложились двѣ электрическія „державы": „другихъ, вполнѣ независимыхъ отъ нихъ электрическихъ обществъ, на землѣ нѣтъ"—пишетъ Гейнигъ въ своей статьѣ: „Путь электрическаго треста". О размѣрѣ оборотовъ и величинѣ предпріятій обоихъ „трестовъ" нѣкоторое, далеко не полное, представленіе даютъ слѣдующія цифры:

	Оборотъ товаровъ (милл. марокъ).	Число служащихъ.	Чистая прибыль (милл. марокъ).
Америка: „Вс. Эл. К°“			
(G. E. C.)	1907—252	28.000	35.4
	1910—298	32.000	45.6
Германія: „Вс. К° Эл.“			
(A. E. G.)	1907—216	30.700	14.5
	1911—362	60.800	21.7

И вотъ въ 1907 г. между американскимъ и германскимъ трестомъ заключенъ договоръ о дѣлежѣ міра. Конкуренція устраняется: „Вс. Эл. К°“ (G. E. C.) „получаетъ“ С. Штаты и Канаду; „Вс. К° Эл.“ (A. E. G.) „достается“ Германія, Австрія, Россія, Голландія, Данія, Швейцарія, Турція, Балканы. Особые—разумѣется, тайные—договоры заключены относительно „обществъ-дочерей“, проникающихъ въ новыя отрасли промышленности и въ „новыя“, формально еще не подѣленныя, страны. Установленъ взаимный обмѣнъ изобрѣтеніями и опытами [65]).

Понятно само собою, насколько затруднена конкуренція противъ этого, фактически единаго, всемірнаго треста, который распоряжается капиталомъ въ нѣсколько милліардовъ марокъ и имѣетъ свои отдѣленія, представительства, агентуры и связи и т. д. во всѣхъ концахъ міра. Но раздѣлъ міра между двумя сильными трестами, конечно, не исключаетъ передѣла, если отношеніе силы—вслѣдствіе неравномѣрности развитія, войнъ, краховъ и т. п.—измѣняется.

Поучительный примѣръ попытки такого передѣла, борьбы за передѣлъ, представляетъ керосиновая промышленность.

„Керосиновый рынокъ міра—писалъ Ейдельсъ въ 1905 г.—и теперь еще подѣленъ между двумя крупными финансовыми группами: американскимъ „Керосиновымъ трестомъ“ (Standard Oil C-y) Рокфеллера и

хозяевами русской бакинской нефти, Ротшильдомъ и Нобелемъ. Обѣ группы стоятъ въ тѣсной связи между собою, но ихъ монопольному положенію угрожаетъ, въ теченіе вотъ уже нѣсколькихъ лѣтъ, пятеро враговъ“ [66]): 1) истощеніе американскихъ источниковъ нефти; 2) конкуренціонная фирма Манташева въ Баку; 3) источники нефти въ Австріи и 4) въ Румыніи; 5) заокеанскіе источники нефти, особенно въ голландскихъ колоніяхъ (богатѣйшія фирмы Самюэля и Телля, связанныя также съ англійскимъ капиталомъ). Три послѣдніе ряда предпріятій связаны съ нѣмецкими крупными банками, съ крупнѣйшимъ „Нѣмецкимъ Банкомъ“ во главѣ. Эти банки самостоятельно и планомѣрно развили керосиновую промышленность, напр., въ Румыніи, чтобы имѣть „свою“ точку опоры. Въ румынской керосиновой промышленности считали въ 1907 г. иностранныхъ капиталовъ на 185 милл. франковъ, въ томъ числѣ нѣмецкихъ 74 милл. [67]).

Началась борьба, которую въ экономической литературѣ такъ и называютъ борьбой за „дѣлежъ міра“. Съ одной стороны „Керосиновый трестъ“ Рокфеллера, желая захватить в с е, основалъ „общество-дочь“ въ с амой Голландіи, скупая нефтяные источники въ голландской Индіи и желая такимъ образомъ нанести ударъ своему главному врагу: голландско-англійскому тресту „Шелля“. Съ другой стороны, „Нѣмецкій банкъ“и др. берлинскіе банки стремились „отстоять“ „себѣ“ Румынію и объединить ее съ Россіей противъ Рокфеллера. Этотъ послѣдній обладалъ капиталомъ неизмѣримо болѣе крупнымъ и превосходной организаціей транспорта и доставки керосина потребителямъ. Борьба должна была кончиться и кончилась въ 1907 г. полнымъ пораженіемъ „Нѣмецкаго банка“, которому оставалось одно изъ двухъ: либо ликвидировать съ милліонными потерями свои „керосиновые интересы“, либо подчиниться. Выбрали послѣднее и заключили очень невыгодный для

„Нѣмецкаго банка“ договоръ съ „Керосиновымъ трестомъ“. По этому договору „Нѣмецкій банкъ“ обязался „не предпринимать ничего къ невыгодѣ американскихъ интересовъ“, при чемъ было однако предусмотрѣно, что договоръ теряетъ силу, если въ Германіи пройдетъ законъ о государственной монополіи на керосинъ.

Тогда начинается „керосиновая комедія“. Одинъ изъ финансовыхъ королей Германіи, фонъ-Гвиннеръ, директоръ „Нѣмецкаго банка“, черезъ своего частнаго секретаря, Штауса, пускаетъ въ ходъ агитацію за керосиновую монополію. Весь гигантскій аппаратъ крупнѣйшаго берлинскаго банка, всѣ обширныя „связи“ приводятся въ движеніе, пресса захлебывается отъ „патріотическихъ“ криковъ противъ „ига“ американскаго треста, и рейхстагъ почти единогласно принимаетъ 15 марта 1911 г. резолюцію, приглашающую правительство разработать проектъ о керосиновой монополіи. Правительство ухватилось за эту „популярную идею“, и игра „Нѣмецкаго банка“, который хотѣлъ надуть своего американскаго контрагента и поправить свои дѣла посредствомъ государственной монополіи, казалась выигранной. Нѣмецкіе керосиновые короли предвкушали уже гигантскія прибыли, не уступающія прибылямъ русскихъ сахарозаводчиковъ... Но, во-первыхъ, нѣмецкіе крупные банки перессорились между собою изъ-за дѣлежа добычи, и „Учетное Общество“ разоблачило корыстные интересы „Нѣмецкаго банка“; во-вторыхъ, правительство испугалось борьбы съ Рокфеллеромъ, ибо было весьма сомнительно, достанетъ ли Германія керосина помимо него (производительность Румыніи невелика); въ-третьихъ, подоспѣла милліардная ассигновка 1913 г. на военную подготовку Германіи. Проектъ монополіи отложили. „Керосиновый трестъ“ Рокфеллера вышелъ изъ борьбы пока побѣдителемъ.

Берлинскій журналъ „Банкъ“ писалъ по этому поводу, что бороться съ „Керосиновымъ трестомъ“ Гер-

манія могла бы, лишь введя монополію электрическаго тока и превращая водяную силу въ дешевое электричество. Но—добавлялъ онъ—„электрическая монополія придетъ тогда, когда она понадобится производителямъ; именно тогда, когда будетъ стоять передъ дверьми слѣдующій крупный крахъ въ электрической промышленности и когда тѣ гигантскія, дорогія электрическія станціи, которыя строятся теперь повсюду частными „концернами“ электрической промышленности и для которыхъ эти „концерны“ теперь уже получаютъ извѣстныя отдѣльныя монополіи отъ городовъ, государствъ и пр. будутъ не въ состояніи работать съ прибылью. Тогда придется пустить въ ходъ водяныя силы; но ихъ нельзя будетъ превращать на государственный счетъ въ дешевое электричество, ихъ придется опять-таки передать „частной монополіи, контролируемой государствомъ“, потому что частная промышленность уже заключила рядъ сдѣлокъ и выговорила себѣ крупныя вознагражденія... Такъ было съ монополіей кали, такъ есть съ керосиновой монополіей, такъ будетъ съ монополіей электричества. Пора бы нашимъ государственнымъ соціалистамъ, дающимъ себя ослѣпить красивымъ принципомъ, понять наконецъ, что въ Германіи монополіи никогда не преслѣдовали такой цѣли и не вели къ такому результату, чтобы приносить выгоды потребителямъ или хотя бы предоставлять государству часть предпринимательской прибыли, а служили только къ тому, чтобы оздоровлять на государственный счетъ частную промышленность, дошедшую почти до банкротства“ [68]).

Такія цѣнныя признанія вынуждены дѣлать буржуазные экономисты Германіи. Мы видимъ здѣсь наглядно, какъ частныя и государственныя монополіи переплетаются во-едино въ эпоху финансоваго капитала, какъ и тѣ и другія на дѣлѣ являются лишь отдѣльными звеньями имперіалистической

борьбы между крупнѣйшими монополистами за дѣлежъ міра.

Въ торговомъ судоходствѣ гигантскій ростъ концентраціи привелъ тоже къ раздѣлу міра. Въ Германіи выдѣлились два крупнѣйшихъ общества: „Гамбургъ-Америка“ и „Сѣв.-Германскій Ллойдъ“, оба съ капиталомъ по 200 милл. марокъ (акцій и облигацій), съ пароходами, стоящими 185—189 милл. марокъ. Съ другой стороны, въ Америкѣ 1 янв. 1903 г. образовался такъ наз. трестъ Моргана, „Международная компанія морской торговли“, объединяющая американскія и англійскія судоходныя компаніи, числомъ 9, и располагающая капиталомъ въ 120 милл. долл. (480 милл. марокъ). Уже въ 1903 году между германскими колоссами и этимъ американо-англійскимъ трестомъ заключенъ былъ договоръ о раздѣлѣ міра въ связи съ раздѣломъ прибыли. Нѣмецкія общества отказались отъ конкуренціи въ дѣлѣ перевозокъ между Англіей и Америкой. Было точно установлено, кому какія гавани „предоставляются“, былъ созданъ общій контрольный комитетъ и т. д. Договоръ заключенъ на 20 лѣтъ, съ предусмотрительной оговоркой, что въ случаѣ войны онъ потеряетъ силу [69]).

Чрезвычайно поучительна также исторія образованія международнаго рельсоваго картеля. Въ первый разъ англійскіе, бельгійскіе и нѣмецкіе рельсовые заводы сдѣлали попытку основать такой картель еще въ 1884 г., во время сильнѣйшаго упадка промышленныхъ дѣлъ. Согласились не конкурировать на внутреннемъ рынкѣ вошедшихъ въ соглашеніе странъ, а внѣшніе подѣлить по нормѣ: 66% Англіи, 27% Германіи и 17% Бельгіи. Индія была предоставлена всецѣло Англіи. Противъ одной англійской фирмы, оставшейся внѣ соглашенія, была поведена общая война, расходы на которую покрывали извѣстнымъ процентомъ съ общихъ продажъ. Но въ 1886 г., когда изъ союза вышли двѣ ан-

глійскія фирмы, онъ распался. Характерно, что соглашенія не удавалось достигнуть во время послѣдовавшихъ періодовъ промышленнаго подъема.

Въ началѣ 1904 г. основанъ стальной синдикатъ Германіи; въ ноябрѣ 1904 г. возобновленъ международный рельсовый картель по нормамъ: Англіи—53.5%, Германіи—28.83%, Бельгіи—17.67%. Затѣмъ присоединилась Франція съ нормами 4.8%, 5.8% и 6.4% въ первый, второй и третій годъ сверхъ 100%, т. е. при суммѣ 104.8% и т. д. Въ 1905 г. присоединился „Стальной Трестъ“ С. Штатовъ („Стальная корпорація“), затѣмъ Австрія и Испанія. „Въ данный моментъ—писалъ Фогельштейнъ въ 1910 г.—дѣлежъ земли законченъ, и крупные потребители, въ первую голову государственныя желѣзныя дороги—разъ міръ уже подѣленъ и съ ихъ интересами не считались—могутъ жить, какъ поэтъ, на небесахъ Юпитера“ [70]).

Упомянемъ еще международный цинковый синдикатъ, основанный въ 1909 г. и точно распредѣлившій размѣры производства между 5 группами заводовъ: нѣмецкихъ, бельгійскихъ, французскихъ, испанскихъ, англійскихъ; затѣмъ пороховой международный трестъ, этотъ, по словамъ Лифмана, „вполнѣ современный тѣсный союзъ между всѣми нѣмецкими фабриками взрывчатыхъ веществъ, которыя затѣмъ вмѣстѣ съ аналогично организованными французскими и американскими динамитными фабриками подѣлили между собою, такъ сказать, весь міръ“ [71]).

Всего Лифманъ считалъ въ 1897 г. около 40 международныхъ картелей съ участіемъ Германіи, а къ 1910 г.—около 100.

Нѣкоторые буржуазные писатели выражали то мнѣніе, что международные картели, будучи однимъ изъ наиболѣе рельефныхъ выраженій интернаціонализаціи капитала, даютъ возможность надѣяться на миръ между народами при капитализмѣ. Это мнѣніе теоретически

совершенно вздорно, а практически есть софизмъ и способъ нечестной защиты худшаго оппортунизма. Международные картели показываютъ, до какой степени выросли теперь капиталистическія монополіи и изъ-за чего идетъ борьба между союзами капиталистовъ. Это послѣднее обстоятельство есть самое важное; только оно выясняетъ намъ историко-экономическій смыслъ происходящаго, ибо форма борьбы можетъ мѣняться и мѣняется постоянно въ зависимости отъ различныхъ, сравнительно частныхъ и временныхъ, причинъ, но сущность борьбы, ея классовое содержаніе, не можетъ измѣниться, пока существуютъ классы. Понятно, что въ интересахъ, напр., нѣмецкой буржуазіи затушевывать содержаніе современной экономической борьбы (раздѣлъ міра) и подчеркивать то одну, то другую форму этой борьбы. Ту же ошибку дѣлаетъ Каутскій. И рѣчь идетъ, конечно, не о нѣмецкой, а о всемірной буржуазіи. Капиталисты дѣлятъ міръ не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая ступень концентраціи заставляетъ становиться на этотъ путь для полученія прибыли; при этомъ дѣлятъ они его „по капиталу“, „по силѣ“,—иного способа дѣлежа не можетъ быть въ системѣ товарнаго производства и капитализма. Сила же мѣняется въ зависимости отъ экономическаго и политическаго развитія; для пониманія происходящаго надо знать, какіе вопросы рѣшаются измѣненіемъ силы, а суть ли эти измѣненія „чисто“ экономическія или внѣ-экономическія (напр., военныя), это вопросъ второстепенный, не могущій ничего измѣнить въ основныхъ взглядахъ на новѣйшую эпоху капитализма. Подмѣнять вопросъ о содержаніи борьбы и сдѣлокъ между союзами капиталистовъ вопросомъ о формѣ борьбы и сдѣлокъ (сегодня мирной, завтра — немирной, послѣзавтра — опять мирной) значитъ опускаться до роли софиста.

Эпоха новѣйшаго капитализма показываетъ намъ, что между союзами капиталистовъ складываются извѣстныя отношенія на почвѣ экономическаго раздѣла міра, а рядомъ съ этимъ, въ связи съ этимъ, между политическими союзами, государствами, складываются извѣстныя отношенія на почвѣ территоріальнаго раздѣла міра, борьбы за колоніи, „борьбы за хозяйственную территорію“.

6. Раздѣлъ міра между великими державами.

Географъ А. Супанъ въ своей книгѣ о „Территоріальномъ развитіи европейскихъ колоній“ [72]) подводитъ слѣдующій краткій итогъ этому развитію въ концѣ 19 вѣка:

Процентъ земельной площади, принадлежащей европейскимъ колоніальнымъ державамъ (С. Штаты въ томъ числѣ):

	1876 г.	1900 г.	Увеличеніе на
въ Африкѣ . .	10.8%	90.4%	+ 79.6%
въ Полинезіи .	56.8 „	98.9 „	+ 42.1 „
въ Азіи . . .	51.5 „	56.5 „	+ 5.1 „
въ Австраліи .	100.0 „	100.0 „	— „
въ Америкѣ .	27.5 „	27.2 „	— 0.3 „

„Характеристичной чертой этого періода,—заключаетъ онъ,—является, слѣд., раздѣлъ Африки и Полинезіи“. Такъ какъ въ Азіи и въ Америкѣ незанятыхъ земель, т. е. не принадлежащихъ никакому государству, нѣтъ, то выводъ Супана приходится расширить и сказать, что характеристичной чертой разсматриваемаго періода является окончательный раздѣлъ земли, окончательный не въ томъ смыслѣ, чтобы невозможенъ былъ передѣлъ,—напротивъ, передѣлы возможны и неизбѣжны,—а въ томъ смыслѣ, что колоніальная политика капиталистическихъ странъ закончила захватъ незанятыхъ земель на нашей планетѣ. Міръ

впервые о казался уже подѣленнымъ, такъ что дальше предстоитъ лишь передѣлъ, т. е. переходъ отъ одного „владѣльца“ къ другому, а не отъ безхозяйности къ „хозяину“.

Мы переживаемъ, слѣд., своеобразную эпоху всемірно-колоніальной политики, которая тѣснѣйшимъ образомъ связана съ „новѣйшей ступенью въ развитіи капитализма“, съ финансовымъ капиталомъ. Необходимо, поэтому, подробнѣе остановиться прежде всего на фактическихъ данныхъ, чтобы возможно точнѣе выяснить какъ отличіе этой эпохи отъ предыдущихъ, такъ и положеніе дѣла въ настоящее время. Въ первую голову возникаютъ здѣсь два фактическихъ вопроса: наблюдается ли усиленіе колоніальной политики, обостреніе борьбы за колоніи, именно въ эпоху финансоваго капитала и какъ именно подѣленъ міръ въ этомъ отношеніи въ настоящее время.

Американскій писатель Моррисъ въ своей книгѣ объ исторіи колонизаціи дѣлаетъ попытку свести данныя о размѣрахъ колоніальныхъ владѣній Англіи, Франціи и Германіи за разные періоды 19 вѣка. Вотъ, въ сокращеніи, полученные имъ итоги:

Размѣры колоніальныхъ владѣній.

	Англіи		Франціи		Германіи	
	площадь (милл. кв. миль)	населеніе (милл.)	площадь (м. кв. м.)	населеніе (милл.)	площадь (м. кв. м.)	населеніе (милл.)
1815-30	?	126.4	0.02	0.5	—	—
1860 . .	2.5	145.1	0.2	3.4	—	—
1880 . .	7.7	267.9	0.7	7.5	—	—
1899 . .	9.3	309.0	3.7	56.4	1.0	14.7

Для Англіи періодъ громаднаго усиленія колоніальныхъ захватовъ приходится на 1860—1880 годы и, очень значительнаго—на послѣднее 20-лѣтіе 19 вѣка. Для Франціи и Германіи—именно на это двадцатилѣтіе.

Мы видѣли выше, что періодъ предѣльнаго развитія капитализма до-монополистическаго, капитализма съ преобладаніемъ свободной конкуренціи, приходится на 1860-е и 1870-е годы. Мы видимъ теперь, что и м е н н о п о с лѣ э т о г о п е р і о д а начинается громадный „подъемъ“ колоніальныхъ захватовъ, обостряется въ чрезвычайной степени борьба за территоріальный раздѣлъ міра. Несомнѣненъ, слѣд., тотъ фактъ, что переходъ капитализма къ ступени монополистическаго капитализма, къ финансовому капиталу, с в я з а н ъ съ обостреніемъ борьбы за раздѣлъ міра.

Гобсонъ въ своемъ сочиненіи объ имперіализмѣ выдѣляетъ эпоху 1884—1900 гг., какъ эпоху усиленной „экспансіи“ (расширенія территорій) главныхъ европейскихъ государствъ. По его разсчету, Англія пріобрѣла за это время 3.7 милліона кв. миль съ населеніемъ въ 57 милл.; Франція—3.6 милл. кв. миль съ населеніемъ въ 36 милл.; Германія—1.0 м. кв. миль съ 14.7 милл.; Бельгія—900 тыс. кв. миль съ 30 милл.; Португалія—800 тыс. кв. миль съ 9 милл. Погоня за колоніями въ концѣ 19 вѣка, особенно съ 1880 годовъ, со стороны всѣхъ капиталистическихъ государствъ представляетъ изъ себя общеизвѣстный фактъ исторіи дипломатій и внѣшней политики.

Въ эпоху наибольшаго процвѣтанія свободной конкуренціи въ Англіи, въ 1840—1860 годахъ, руководящіе буржуазные политики ея были п р о т и в ъ колоніальной политики, считали освобожденіе колоній, полное отдѣленіе ихъ отъ Англіи, неизбѣжнымъ и полезнымъ д.ломъ. М. Бэръ указываетъ въ своей появившейся въ 1898 г. статьѣ о „новѣйшемъ англійскомъ имперіализмѣ“ [73]), какъ въ 1852-мъ году такой склонный, вообще говоря, къ имперіализму государственный дѣятель Англіи, какъ Дизраэли, говорилъ: „Колоніи, это—мельничные жернова на нашей шеѣ“. А въ концѣ 19 вѣка героями дня въ Англіи были Сесиль Родсъ

и Джозефъ Чемберлэнъ, открыто проповѣдывавшіе имперіализмъ и примѣнявшіе имперіалистическую политику съ наибольшимъ цинизмомъ!

Небезынтересно, что связь чисто, такъ сказать, экономическихъ и соціально-политическихъ корней новѣйшаго имперіализма была уже тогда ясна для этихъ руководящихъ политиковъ англійской буржуазіи. Чемберлэнъ проповѣдывалъ имперіализмъ какъ „истинную, мудрую и экономную политику", указывая особенно на ту конкуренцію, которую встрѣчаетъ теперь Англія на міровомъ рынкѣ со стороны Германіи, Америки, Бельгіи. Спасеніе въ монополіи—говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасеніе въ монополіи—вторили политическіе вожди буржуазіи, торопясь захватить еще неподѣленныя части міра. А Сесиль Родсъ, какъ разсказывалъ его интимный другъ, журналистъ Стэдъ, говорилъ ему по поводу своихъ имперіалистическихъ идей въ 1895 году: „Я былъ вчера въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ (рабочій кварталъ) и посѣтилъ одно собраніе безработныхъ. Когда я послушалъ тамъ дикія рѣчи, которыя были сплошнымъ крикомъ: хлѣба, хлѣба! я идя домой и размышляя о видѣнномъ, убѣдился, болѣе, чѣмъ прежде, въ важности имперіализма.. Моя завѣтная идея есть рѣшеніе соціальнаго вопроса, именно: чтобы спасти сорокъ милліоновъ жителей Соединеннаго Королевства отъ убійственной гражданской войны, мы, колоніальные политики, должны завладѣть новыми землями для помѣщенія избытка населенія, для пріобрѣтенія новыхъ областей сбыта товаровъ, производимыхъ на фабрикахъ и въ рудникахъ. Имперія, я всегда говорилъ это, есть вопросъ желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать имперіалистами" [74]).

Такъ говорилъ въ 1895 г. Сесиль Родсъ, милліонеръ, финансовый король, главный виновникъ англо-бурской войны...

Для того, чтобы дать возможно болѣе точную картину территоріальнаго раздѣла міра и измѣненій въ этомъ отношеніи за послѣднія десятилѣтія, воспользуемся тѣми сводками, которыя даетъ Супанъ въ названномъ сочиненіи по вопросу о колоніальныхъ владѣніяхъ всѣхъ державъ міра. Супанъ беретъ 1876 г. и 1900 гг.; мы возьмемъ 1876 г.—пунктъ, выбранный очень удачно, ибо именно къ этому времени можно, въ общемъ и цѣломъ, считать законченнымъ развитіе западно европейскаго капитализма въ его до-монополистической стадіи, и 1914 г., замѣняя цифры Супана болѣе новыми по „Географически - статистическимъ таблицамъ“ Гюбнера. Супанъ беретъ только колоніи; мы считаемъ полезнымъ—для того, чтобы представить полную картину раздѣла міра, — добавить вкратцѣ свѣдѣнія и о неколоніальныхъ странахъ и о полуколоніяхъ, къ которымъ мы относимъ Персію, Китай и Турцію: первая изъ этихъ странъ почти цѣликомъ стала уже колоніей, вторая и третья становятся таковыми.

Получаемъ слѣдующіе итоги:

Колоніальныя владѣнія великихъ державъ (милл. кв. клм. и милл. жит.).

	Колоніи.				Метрополіи.		Всего.	
	1876 г.		1914 г.		1914 г.		1914 г.	
	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.
Англія . .	22.5	251.9	33.5	393.5	0.3	46.5	33.8	440.0
Россія . .	17.0	15.9	17.4	33.2	5.4	136.2	22.8	169.4
Франція. .	0.9	6.0	10.6	55.5	0.5	39.6	11.1	95.1
Германія .	—	—	2.9	12.3	0.5	64.9	3.4	77.2
С. Штаты .	—	—	0.3	9.7	9.4	97.0	9.7	106.7
Японія . .	—	—	0.3	19.2	0.4	53.0	0.7	72.7
Итого 6 вел. державъ. .	40.4	273.8	65.0	523.4	16.5	437.2	81.5	960.6
Колоніи остальныхъ державъ (Бельгія, Голландія и пр.)							9.9	45.3
Полуколоніи (Персія, Китай, Турція)							14.5	361.2
Остальныя страны							28.0	289.0
Вся земля							133.9	1.657.0

Мы видимъ тутъ наглядно, какъ „законченъ“ былъ на границѣ 19 и 20 вѣковъ раздѣлъ міра. Колоніальныя владѣнія расширились послѣ 1876 года въ гигантскихъ размѣрахъ: болѣе чѣмъ въ полтора раза, съ 40 до 65 милліоновъ кв. килом.; у шести крупнѣйшихъ державъ приростъ составляетъ 25 милл. кв. килом., въ полтора раза больше площади метрополій (16½ милл.). Три державы не имѣли въ 1876 г. никакихъ колоній, а четвертая, Франція, почти не имѣла ихъ. Къ 1914 году эти четыре державы пріобрѣли колоніи площадью въ 14.1 милл. кв. килом., т.-е. приблизительно раза въ полтора больше площади Европы, съ населеніемъ почти въ 100 милліоновъ. Неравномѣрность въ расширеніи колоніальнаго владѣнія очень велика. Если сравнить, напр., Францію, Германію и Японію, которыя не очень сильно разнятся по величинѣ площади и по количеству населенія, то окажется, что первая изъ этихъ странъ пріобрѣла почти втрое больше колоній (по площади), чѣмъ вторая и третья, вмѣстѣ взятыя. Но по размѣрамъ финансоваго капитала Франція въ началѣ разсматриваемаго періода была, можетъ быть, тоже въ нѣсколько разъ богаче Германіи и Японіи, взятыхъ вмѣстѣ. На размѣръ колоніальныхъ владѣній, кромѣ чисто экономическихъ условій, и на базу ихъ оказываютъ вліяніе уклоненія географическія и пр. Какъ ни сильно шла за послѣднія десятилѣтія нивеллировка міра, выравниваніе условій хозяйства и жизни въ различныхъ странахъ подъ давленіемъ крупной промышленности, обмѣна и финансоваго капитала, но все же разница остается не малая, и среди названныхъ шести странъ мы наблюдаемъ съ одной стороны молодыя, необыкновенно быстро прогрессировавшія капиталистическія страны (Америка, Германія, Японія); съ другой—страны стараго капиталистическаго развитія, которыя прогрессировали въ послѣднее время гораздо медленнѣе предыдущихъ (Франція и Англія); съ третьей, страну

наиболѣе отставшую въ экономическомъ отношеніи (Россію), въ которой новѣйше-капиталистическій империализмъ сплетенъ, такъ сказать, особенно густой сѣтью отношеній докапиталистическихъ.

Рядомъ съ колоніальными владѣніями великихъ державъ мы поставимъ небольшія колоніи маленькихъ государствъ, являющіяся, такъ сказать, ближайшимъ объектомъ возможнаго и вѣроятнаго „передѣла“ колоній. Большей частью эти маленькія государства сохраняютъ свои колоніи только благодаря тому, что между крупными есть противоположности интересовъ, тренія и пр., мѣшающія соглашенію о дѣлежѣ добычи. Что касается до „полуколоніальныхъ“ государствъ, то они даютъ примѣръ тѣхъ переходныхъ формъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ областяхъ природы и общества. Финансовый капиталъ—такая крупная, можно сказать, рѣшающая сила во всѣхъ экономическихъ и во всѣхъ международныхъ отношеніяхъ, что онъ способенъ подчинять себѣ, и въ дѣйствительности подчиняетъ, даже государства, пользующіяся полнѣйшей политической независимостью: мы увидимъ сейчасъ примѣры тому. Но, разумѣется, наибольшія „удобства“ и наибольшія выгоды даетъ финансовому капиталу т а к о е подчиненіе, которое связано съ потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами. Полуколоніальныя страны типичны какъ „середина“ въ этомъ отношеніи. Понятно, что борьба изъ-за этихъ полузависимыхъ странъ особенно должна была обостриться въ эпоху финансоваго капитала, когда остальной міръ уже былъ подѣленъ.

Колоніальная политика и империализмъ существовали и до новѣйшей ступени капитализма, и даже до капитализма. Римъ, основанный на рабствѣ, велъ колоніальную политику и осуществлялъ империализмъ. Но „общія“ разсужденія объ империализмѣ, забывающія или отодвигающія на задній планъ коренную разницу общественно-экономическихъ формацій, превращаются

неизбѣжно въ пустѣйшія банальности или бахвальство, въ родѣ сравненія „Великаго Рима съ великой Британіей““ [75]). Даже капиталистическая колоніальная политика прежнихъ стадій капитализма существенно отличается отъ колоніальной политики финансоваго капитала.

Основной особенностью новѣйшаго капитализма является господство монополистическихъ союзовъ крупнѣйшихъ предпринимателей. Такія монополіи всего прочнѣе, когда захватываются въ однѣ руки всѣ источники сырыхъ матеріаловъ, и мы видѣли, съ какимъ рвеніемъ международные союзы капиталистовъ направляютъ свои усилія на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренціи, чтобы скупить, напр., желѣзорудныя земли или нефтяные источники и т. п. Владѣніе колоніей одно даетъ полную гарантію успѣха монополіи противъ всѣхъ случайностей борьбы съ соперникомъ—вплоть до такой случайности, когда противникъ пожелалъ бы защищаться закономъ о государственной монополіи. Чѣмъ выше развитіе капитализма, чѣмъ сильнѣе чувствуется недостатокъ сырья, чѣмъ острѣе конкуренція и погоня за источниками сырья во всемъ мірѣ, тѣмъ отчаяннѣе борьба за пріобрѣтеніе колоній.

„Можно выставить утвержденіе—пишетъ Шильдеръ,—которое нѣкоторымъ, пожалуй, покажется парадоксальнымъ, именно: что ростъ городского и промышленнаго населенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ гораздо скорѣе можетъ встрѣтить препятствіе въ недостаткѣ сырья для промышленности, чѣмъ въ недостаткѣ предметовъ питанія. Такъ, напр., обостряется недостатокъ дерева, которое все болѣе дорожаетъ, кожъ, сырья для текстильной промышленности. „Союзы промышленниковъ пытаются создать равновѣсіе между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью въ предѣлахъ всего мірового хозяйства; какъ примѣръ можно назвать

существующій съ 1904 г. международный союзъ союзовъ бумагопрядильныхъ фабрикантовъ въ нѣсколькихъ важнѣйшихъ промышленныхъ государствахъ, затѣмъ основанный по образцу его въ 1910 г. союзъ европейскихъ союзовъ льнопрядильщиковъ“ [76]).

Конечно, значеніе такого рода фактовъ буржуазные реформисты пытаются ослабить указаніемъ на то, что сырье „можно бы“ достать на свободномъ рынкѣ безъ „дорогой и опасной“ колоніальной политики, что предложеніе сырья „можно бы“ гигантски увеличить „простымъ“ улучшеніемъ условій сельскаго хозяйства вообще. Но такія указанія превращаются въ апологетику имперіализма, въ прикрашиваніе его, ибо они основываются на забвеніи главной особенности новѣйшаго капитализма: монополій. Свободный рынокъ все болѣе отходитъ въ область прошлаго, монополистическіе синдикаты и тресты съ каждымъ днемъ урѣзываютъ его, а „простое“ улучшеніе условій сельскаго хозяйства сводится къ улучшенію положенія массъ, къ повышенію заработной платы и уменьшенію прибыли. Гдѣ же, кромѣ какъ въ фантазіи реформистовъ, существуютъ тресты, способные заботиться о положеніи массъ вмѣсто завоеванія колоній?

Не только открытые уже источники сырья имѣютъ значеніе для финансоваго капитала, но и возможные источники, ибо техника съ невѣроятной быстротой развивается въ наши дни, и земли, непригодныя сегодня, могутъ быть сдѣланы завтра пригодными, если будутъ найдены новые пріемы (а для этого крупный банкъ можетъ снарядить особую экспедицію инженеровъ, агрономовъ и пр.), если будутъ произведены большія затраты капитала. То же относится къ развѣдкамъ относительно минеральныхъ богатствъ, къ новымъ способамъ обработки и утилизаціи тѣхъ или иныхъ сырыхъ матеріаловъ и пр. и т. п. Отсюда неизбѣжное стремленіе финансоваго капитала къ расширенію хозяйственной

территоріи и даже территоріи вообще. Какъ тресты капитализируютъ свое имущество по двойной или тройной оцѣнкѣ, учитывая „возможныя“ въ будущемъ (а не настоящія) прибыли, учитывая дальнѣйшіе результаты монополіи, такъ и финансовый капиталъ вообще стремится захватить какъ можно больше земель какихъ бы то ни было, гдѣ бы то нибыло, какъ бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать въ бѣшеной борьбѣ за послѣдніе куски неподѣленнаго міра или за передѣлъ кусковъ, уже раздѣленныхъ.

Англійскіе капиталисты всячески стараются развить производство хлопка въ с в о е й колоніи, Египтѣ (въ 1904 г. изъ 2,3 милл. гектоаровъ культурной земли въ Египтѣ уже 0,6 милл., т. е. свыше четверти, было подъ хлопкомъ); русскіе въ с в о е й колоніи—Туркестанѣ, потому что такимъ путемъ они легче могутъ побить своихъ иностранныхъ конкурентовъ, легче могутъ придти къ монополизаціи источниковъ сырья, къ созданію болѣе экономнаго и прибыльнаго текстильнаго треста съ „комбинированнымъ“ производствомъ, съ сосредоточеніемъ в с ѣ х ъ стадій производства и обработки въ однѣхъ рукахъ.

Интересы вывоза капитала равнымъ образомъ толкаютъ къ завоеванію колоній, ибо на колоніальномъ рынкѣ легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обезпечить себѣ поставку, закрѣпить соотвѣтствующія „связи“ и пр.

Внѣ-экономическая надстройка, выростающая на основѣ финансоваго капитала, его политика, его идеологія, усиливаютъ стремленіе къ колоніальнымъ завоеваніямъ. „Финансовый капиталъ хочетъ не свободы, а господства“, справедливо говоритъ Гильфердингъ. А одинъ буржуазный французскій писатель, какъ бы развивая и дополняя приводимыя выше мысли Сесиля Родса, пишетъ, къ экономическимъ причинамъ совре-

менной колоніальной политики слѣдуетъ прибавить соціальныя: „вслѣдствіе растущей сложности жизни, сложности и трудности, давящей не только на рабочія массы, но и на средніе классы, во всѣхъ странахъ старой цивилизаціи скопляются нетерпѣніе, раздраженіе, ненависть, угрожающія общественному спокойствію; энергіи, выбиваемой изъ опредѣленной классовой колеи, надо найти примѣненіе, дать ей дѣло внѣ страны, чтобы не произошло взрыва внутри“ [77]).

Разъ идетъ рѣчь о колоніальной политикѣ эпохи капиталистическаго имперіализма, необходимо отмѣтить, что финансовый капиталъ и соотвѣтствующая ему международная политика, которая сводится къ борьбѣ великихъ державъ за экономическій и политическій раздѣлъ міра, создаютъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только двѣ основныя группы странъ: владѣющія колоніями и колоніи, но и разнообразныя формы зависимыхъ странъ, политически формально самостоятельныхъ, на дѣлѣ же опутанныхъ сѣтями финансовой и дипломатической зависимости. Одну изъ формъ—полуколоніи—мы уже указали раньше. Образцомъ другой является, напр., Аргентина.

„Южная Америка, особенно Аргентина,—пишетъ Шульце-Геверницъ въ своемъ сочиненіи о британскомъ имперіализмѣ—находится въ такой финансовой зависимости отъ Лондона, что ее слѣдуетъ назвать почти что англійской торговой колоніей“ [78]). Капиталы, помѣщенные Англіей въ Аргентинѣ, Шильдеръ опредѣлялъ, по сообщеніямъ австро-венгерскаго консула въ Буэносъ-Айресѣ за 1909 г., въ $8^{3}/_{4}$ милліарда франковъ. Нетрудно себѣ представить, какія крѣпкія связи получаетъ въ силу этого финансовый капиталъ (и его вѣрный другъ—дипломатія) Англіи съ буржуазіей Аргентины, съ руководящими кругами всей ея экономической и политической жизни.

Нѣсколько иную форму финансовой и дипломатической зависимости, при политической независимости, показываетъ намъ примѣръ Португаліи. Португалія — самостоятельное, суверенное государство, но фактически въ теченіе болѣе 200 лѣтъ, со времени войны за испанское наслѣдство (1700—1714), она находится подъ протекторатомъ Англіи. Англія защищала ее и ея колоніальныя владѣнія ради укрѣпленія своей позиціи въ борьбѣ со своими противниками, Испаніей и Франціей. Англія получала въ обмѣнъ торговыя выгоды, лучшія условія для вывоза товаровъ и особенно для вывоза капитала въ Португалію и ея колоніи, возможность пользоваться гаванями и островами Португаліи, ея кабелями и пр. и т. д. [79]). Такого рода отношенія между отдѣльными крупными и мелкими государствами были всегда, но въ эпоху капиталистическаго имперіализма они становятся всеобщей системой, входятъ, какъ часть, въ сумму отношеній „раздѣла міра“, превращаются въ звенья операцій всемірнаго финансоваго капитала.

Чтобы покончить съ вопросомъ о раздѣлѣ міра, мы должны отмѣтить еще слѣдующее. Не только американская литература послѣ испано-американской и англійская послѣ англо-бурской войнъ поставили этотъ вопросъ вполнѣ открыто и опредѣленно въ самомъ концѣ 19 вѣка и началѣ 20 вѣка, не только нѣмецкая литература, всего „ревнивѣе“ слѣдившая за „британскимъ имперіализмомъ“, систематически оцѣнивала этотъ фактъ. И во французской буржуазной литературѣ вопросъ поставленъ достаточно опредѣленно и широко, поскольку это мыслимо съ буржуазной точки зрѣнія. Сошлемся на историка Дріо, который въ своей книгѣ: „Политическія и соціальныя проблемы въ концѣ 19-го вѣка“, въ главѣ о „великихъ державахъ и раздѣлѣ міра“, писалъ слѣдующее: „Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ всѣ свободныя мѣста на землѣ, за исключеніемъ

Китая, заняты державами Европы и Сѣв. Америки. На этой почвѣ произошло уже нѣсколько конфликтовъ и перемѣщеніе вліяній, являющихся предвѣстниками болѣе ужасныхъ взрывовъ въ близкомъ будущемъ. Ибо приходится торопиться: націи, не обезпечившія себя, рискуютъ никогда не получить своей части и не принять участія въ той гигантской эксплоатаціи земли, которая будетъ однимъ изъ существеннѣйшихъ фактовъ слѣдующаго (т. е. 20-го) вѣка. Вотъ почему вся Европа и Америка были охвачены въ послѣднее время лихорадкой колоніальныхъ расширеній, „имперіализма“, который является самой замѣчательной характерной чертой конца 19 вѣка“. И авторъ добавляетъ: „при этомъ раздѣлѣ міра, въ этой бѣшеной погонѣ за сокровищами и крупными рынками земли, сравнительная сила имперій, основанныхъ въ этомъ, 19 вѣкѣ, находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ тѣмъ мѣстомъ, которое занимаютъ въ Европѣ націи, основавшія ихъ. Державы, преобладающія въ Европѣ, вершительницы ея судебъ, *не* являются равнымъ образомъ преобладающими во всемъ мірѣ. А такъ какъ колоніальное могущество, надежда обладать богатствами, еще не учтенными, окажетъ, очевидно, свое отраженное дѣйствіе на сравнительную силу европейскихъ державъ, то благодаря этому колоніальный вопросъ — „имперіализмъ“, если хотите—измѣнившій уже политическія условія самой Европы, будетъ измѣнять ихъ все болѣе и болѣе“ [80]).

8. Имперіализмъ какъ особая стадія капитализма.

Мы должны теперь попытаться подвести извѣстные итоги, свести вмѣстѣ сказанное выше объ имперіализмѣ. Имперіализмъ выросъ какъ развитіе и прямое продолженіе основныхъ свойствъ капитализма вообще. Но капитализмъ сталъ капиталистическимъ имперіализ-

момъ лишь на опредѣленной, очень высокой ступени своего развитія, когда нѣкоторыя основныя свойства капитализма стали превращаться въ свою противоположность, когда по всей линіи сложились и обнаружились черты переходной эпохи отъ капитализма къ болѣе высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное въ этомъ процессѣ есть смѣна капиталистической свободной конкуренціи капиталистическими монополіями. Свободная конкуренція есть основное свойство капитализма и товарнаго производства вообще; монополія есть прямая противоположность свободной конкуренціи, но эта послѣдняя на нашихъ глазахъ стала превращаться въ монополію, создавая крупное производство, вытѣсняя мелкое, замѣняя крупное крупнѣйшимъ, доводя концентрацію производства и капитала до того, что изъ нея выростала и выростаетъ монополія: картели, синдикаты, тресты, сливающійся съ ними капиталъ какого-нибудь десятка ворочающихъ милліардами банковъ. И въ то же время монополіи, выростая изъ свободной конкуренціи, не устраняютъ ея, а существуютъ надъ нею и рядомъ съ ней, порождая этимъ рядъ особенно острыхъ и крупныхъ противорѣчій, треній, конфликтовъ. Монополія есть переходъ отъ капитализма къ болѣе высокому строю.

Если бы необходимо было дать какъ можно болѣе короткое опредѣленіе имперіализма, то слѣдовало бы сказать, что имперіализмъ есть монополистическая стадія капитализма. Такое опредѣленіе включало бы самое главное, ибо, съ одной стороны, финансовый капиталъ есть банковый капиталъ монополистически - немногихъ крупнѣйшихъ банковъ, слившійся съ капиталомъ монополистическихъ союзовъ промышленниковъ, а съ другой стороны, раздѣлъ міра есть переходъ отъ колоніальной политики, безпрепятственно расширяемой на незахваченныя ни одной капиталистической державой

области, къ колоніальной политикѣ монопольнаго обладанія территоріей земли, подѣленной до конца.

Но слишкомъ короткія опредѣленія хотя и удобны, ибо подъитоживаютъ главное,—все же недостаточны, разъ изъ нихъ надо особо выводить весьма существенныя черты того явленія, которое надо опредѣлить. Поэтому, не забывая условнаго и относительнаго значенія всѣхъ опредѣленій вообще, которыя никогда не могутъ охватить всесторонніхъ связей явленія въ его полномъ развитіи, слѣдуетъ дать такое опредѣленіе имперіализма, которое бы включало слѣдующіе пять основныхъ его признаковъ: 1) концентрація производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развитія, что она создала монополіи, играющія рѣшающую роль въ хозяйственной жизни; 2) сліяніе банковаго капитала съ промышленнымъ и созданіе, на базѣ этого „финансоваго капитала", финансовой олигархіи; 3) вывозъ капитала, въ отличіе отъ вывоза товаровъ, пріобрѣтаетъ особо важное значеніе; 4) образуются международные монополистическіе союзы капиталистовъ, дѣлящіе міръ, и 5) законченъ территоріальный раздѣлъ земли крупнѣйшими капиталистическими державами. Имперіализмъ есть капитализмъ на той стадіи развитія, когда сложилось господство монополій и финансоваго капитала, пріобрѣлъ выдающееся значеніе вывозъ капитала, начался раздѣлъ міра международными трестами и закончился раздѣлъ всей территоріи земли крупнѣйшими капиталистическими странами.

Мы увидимъ еще ниже, какъ можно и должно иначе опредѣлить имперіализмъ, если имѣть въ виду не только основныя чисто-экономическія понятія (которыми ограничивается приведенное опредѣленіе), а историческое мѣсто данной стадіи капитализма по отношенію къ капитализму вообще или отношеніе имперіализма и двухъ основныхъ направленій въ рабочемъ движеніи. Сейчасъ же надо отмѣтить, что понимаемый въ ука-

занномъ смыслѣ, имперіализмъ представляетъ собою, несомнѣнно, особую стадію развитія капитализма. Чтобы дать читателю возможно болѣе обоснованное представленіе объ имперіализмѣ, мы намѣренно старались приводить какъ можно больше отзывовъ буржуазныхъ экономистовъ, вынужденныхъ признавать особенно безспорно установленные факты новѣйшей экономики капитализма. Съ той же цѣлью приводились подробныя статистическія данныя, позволяющія видѣть, до какой именно степени выросъ банковый капиталъ и т. д., въ чемъ именно выразился переходъ количества въ качество, переходъ развитого капитализма въ имперіализмъ. Нечего и говорить, конечно, что всѣ грани въ природѣ и обществѣ условны и подвижны, что было бы нелѣпо спорить, напр., о томъ, къ какому году или десятилѣтію относится „окончательное“ установленіе имперіализма.

Но спорить объ опредѣленіи имперіализма приходится и прежде всего съ главнымъ марксистскимъ теоретикомъ эпохи [такъ называемаго второго интернаціонала, т. е. 25-тилѣтія 1889—1914 годовъ, К. Каутскимъ.

Противъ основныхъ идей, выраженныхъ въ данномъ нами опредѣленіи имперіализма, Каутскій выступилъ вполнѣ рѣшительно и въ 1915-омъ и даже еще въ ноябрѣ 1914-го года, заявляя, что подъ имперіализмомъ надо понимать не „фазу“ или ступень хозяйства, а политику, именно опредѣленную политику, „предпочитаемую“ финансовымъ капиталомъ, что имперіализмъ нельзя „отождествлять“ съ „современнымъ капитализмомъ“, что если понимать подъ имперіализмомъ „всѣ явленія современнаго капитализма“ — картели, протекціонизмъ, господство финансистовъ, колоніальную политику,—то тогда вопросъ о необходимости имперіализма для капитализма сведется къ „самой плоской тавтологіи“, ибо тогда „естественно, имперіализмъ есть жизненная необходимость для капитализма“ и т. д.

Мысль Каутскаго мы выразимъ всего точнѣе, если приведемъ данное имъ опредѣленіе имперіализма, направленное прямо противъ существа излагаемыхъ нами идей (ибо возраженія изъ лагеря нѣмецкихъ марксистовъ, проводившихъ подобныя идеи въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, давно извѣстны Каутскому, какъ возраженія опредѣленнаго теченія въ марксизмѣ).

Опредѣленіе Каутскаго гласитъ:

„Имперіализмъ есть продуктъ высоко-развитого промышленнаго капитализма. Онъ состоитъ въ стремленіи каждой промышленной капиталистической націи присоединять къ себѣ или подчинять все большія аграрныя (курсивъ Каутскаго) области, безъ отношенія къ тому, какими націями онѣ населены“ [81]).

Это опредѣленіе совершенно неправильно, ибо оно односторонне, т. е. произвольно, выдѣляетъ одинъ только національный вопросъ (хотя и въ высшей степени важный какъ самъ по себѣ, такъ и въ его отношеніи къ имперіализму), произвольно и невѣрно связывая его только съ промышленнымъ капиталомъ въ аннектирующихъ другія націи странахъ, столь же произвольно и невѣрно выдвигая аннексіи аграрныхъ областей.

Имперіализмъ есть стремленіе къ аннексіямъ—вотъ къ чему сводится политическая часть опредѣленія Каутскаго. Она вѣрна, но крайне неполна, ибо политически имперіализмъ есть вообще стремленіе къ насилію и реакціи. Насъ занимаетъ здѣсь однако экономическая сторона дѣла, которую внесъ въ свое опредѣленіе Каутскій. Невѣрности въ опредѣленіи Каутскаго бьютъ въ лицо. Для имперіализма характеренъ какъ разъ не промышленный, а—финансовый капиталъ. Не случайность, что во Франціи какъ разъ особо быстрое развитіе финансоваго капитала, при ослабленіи промышленнаго, вызвало съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка крайнее обостреніе аннексіонист-

ской (колоніальной) политики. Для имперіализма характерно какъ разъ стремленіе къ аннектированію не только аграрныхъ областей, а даже самыхъ промышленныхъ (германскіе аппетиты насчетъ Бельгіи, французскіе—насчетъ Лотарингіи), ибо, во-1-хъ, законченный раздѣлъ земли вынуждаетъ, при передѣлѣ, протягивать руку ко всякимъ землямъ; во-2-хъ, для имперіализма существенно соревнованіе нѣсколькихъ крупныхъ державъ въ стремленіи къ гегемоніи, т. е. къ захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабленія противника и подрыва его гегемоніи (Германіи Бельгія особенно важна, какъ опорный пунктъ противъ Англіи; Англіи—Багдадъ, какъ опорный пунктъ противъ Германіи, и т. д.).

Каутскій ссылается въ особенности—и неоднократно—на англичанъ, установившихъ, будто бы, чисто политическое значеніе слова имперіализмъ въ его, Каутскаго, смыслѣ. Беремъ англичанина, Гобсона, и читаемъ въ его сочиненіи „Имперіализмъ“, вышедшемъ въ 1902-мъ году:

„Новый имперіализмъ отличается отъ стараго, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ на мѣсто стремленій одной растущей имперіи ставитъ теорію и практику соревнующихъ имперій, каждая изъ которыхъ руководится одинаковыми вожделѣніями къ политическому расширенію и къ коммерческой выгодѣ; во-вторыхъ, господствомъ надъ торговыми интересами интересовъ финансовыхъ или относящихся къ помѣщенію капитала“ [82]).

Мы видимъ, что Каутскій абсолютно неправъ фактически въ своей ссылкѣ на англичанъ вообще (онъ могъ бы сослаться развѣ на вульгарныхъ англійскихъ имперіалистовъ или прямыхъ апологетовъ имперіализма). Мы видимъ, что Каутскій, претендуя, что онъ продолжаетъ защищать марксизмъ, на дѣлѣ дѣлаетъ шагъ назадъ по сравненію съ соціалъ-либераломъ Гобсономъ, который правильнѣе учитываетъ

двѣ „исторически-конкретныя“ особенности современнаго имперіализма: 1) конкуренцію нѣсколькихъ имперіализмовъ и 2) преобладаніе финансиста надъ торговцемъ. А если рѣчь идетъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы промышленная страна аннектировала аграрную, то этимъ выдвигается первенствующая роль торговца.

Опредѣленіе Каутскаго не только невѣрное и немарксистское. Оно служитъ основой цѣлой системы взглядовъ, разрывающихъ по всей линіи и съ марксистской теоріей и съ марксистской практикой, о чемъ еще пойдетъ рѣчь ниже. Совершенно несерьезенъ тотъ споръ о словахъ, который поднятъ Каутскимъ: назвать ли новѣйшую ступень капитализма имперіализмомъ или ступенью финансоваго капитала. Называйте, какъ хотите; это безразлично. Суть дѣла въ томъ, что Каутскій отрываетъ политику имперіализма отъ его экономики, толкуя объ аннексіяхъ, какъ „предпочитаемой“ финансовымъ капиталомъ политикѣ, и противопоставляя ей другую возможную, будто бы, буржуазную политику на той же базѣ финансоваго капитала. Выходитъ, что монополіи въ экономикѣ совмѣстимы съ *не*монополистическимъ, *не*насильственнымъ, *не*захватнымъ образомъ дѣйствій въ политикѣ. Выходитъ, что территоріальный раздѣлъ земли, завершенный какъ разъ въ эпоху финансоваго капитала и составляющій основу своеобразія теперешнихъ формъ соревнованія между крупнѣйшими капиталистическими государствами, совмѣстимъ съ не-имперіалистской политикой. Получается затушевываніе, притупленіе самыхъ коренныхъ противорѣчій новѣйшей ступени капитализма вмѣсто раскрытія глубины ихъ, получается буржуазный реформизмъ вмѣсто марксизма.

Каутскій споритъ съ нѣмецкимъ апологетомъ имперіализма и аннексій Куновымъ, который разсуждаетъ аляповато и цинично: имперіализмъ есть современный

капитализмъ; развитіе капитализма неизбѣжно и прогрессивно; значитъ, имперіализмъ прогрессивенъ; значитъ, надо раболѣпствовать передъ имперіализмомъ и славословить! Нѣчто въ родѣ той каррикатуры, которую рисовали народники противъ русскихъ марксистовъ въ 1894—5 годахъ: дескать, если марксисты считаютъ капитализмъ въ Россіи неизбѣжнымъ и прогрессивнымъ, то они должны открыть кабакъ и заняться насажденіемъ капитализма. Каутскій „возражаетъ“ Кунову: нѣтъ, имперіализмъ не есть современный капитализмъ, а лишь одна изъ формъ политики современнаго капитализма, и мы можемъ и должны бороться съ этой политикой, бороться съ имперіализмомъ, съ аннексіями и т. д.

Возраженіе кажется вполнѣ благовиднымъ, а на дѣлѣ оно равняется болѣе тонкой, болѣе прикрытой (и потому болѣе опасной) проповѣди примиренія съ имперіализмомъ, ибо „борьба“ съ политикой трестовъ и банковъ, не затрагивающая основъ экономики трестовъ и банковъ, сводится къ буржуазному реформизму и пацифизму, къ добренькимъ и невиннымъ благопожеланіямъ. Отговориться отъ существующихъ противорѣчій, забыть самыя важныя изъ нихъ вмѣсто вскрытія всей глубины противорѣчій — вотъ теорія Каутскаго.

„Съ чисто экономической точки зрѣнія—пишетъ Каутскій—не невозможно, что капитализмъ переживетъ еще одну новую фазу, перенесеніе политики картелей на внѣшнюю политику, фазу ультра-имперіализма“ [83]), т. е. сверхъ-имперіализма, объединенія имперіализмовъ всего міра, а не борьбы ихъ, фазу прекращенія войнъ при капитализмѣ, фазу „общей эксплоатаціи міра интернаціонально - объединеннымъ финансовымъ капиталомъ“ [84]).

На этой „теоріи ультра-имперіализма“ намъ придется остановиться, чтобы подробно показать, до какой степени

она разрываетъ рѣшительно и безповоротно съ марксизмомъ. Сообразно общему плану настоящаго очерка, взглянемъ на точныя экономическія данныя, относящіяся къ этому вопросу. „Съ чисто-экономической точки зрѣнія“ возможенъ ли „ультра-имперіализмъ“?

Если понимать подъ чисто-экономической точкой зрѣнія „чистую“ абстракцію, тогда все, что можно сказать, сведется къ положенію: развитіе идетъ къ монополіямъ, слѣдовательно, къ одной всемірной монополіи, къ одному всемірному тресту. Это безспорно, но это и совершенно безсодержательно.

Если же говорить о „чисто-экономическихъ“ условіяхъ эпохи финансоваго капитала, какъ объ исторически-конкретной эпохѣ, относящейся къ началу 20-го вѣка, то лучшимъ отвѣтомъ на мертвыя абстракціи „ультра-имперіализма“ является противопоставленіе имъ конкретно-экономической дѣйствительности современнаго всемірнаго хозяйства. Разговоры Каутскаго объ ультра-имперіализмѣ поощряютъ, между прочимъ, ту глубоко-ошибочную и льющую воду на мельницу апологетовъ имперіализма мысль, будто господство финансоваго капитала о с л а б л я е т ъ неравномѣрности и противорѣчія внутри всемірнаго хозяйства, тогда какъ на дѣлѣ оно у с и л и в а е т ъ ихъ.

Р. Кальверъ въ своей [небольшой книжкѣ: „Введеніе во всемірное хозяйство“ [85]) сдѣлалъ попытку свести главнѣйшія чисто-экономическія данныя, позволяющія конкретно представить взаимоотношенія внутри всемірнаго хозяйства на рубежѣ 19 и 20-го вѣковъ. Онъ дѣлитъ весь міръ на 5 „главныхъ хозяйственныхъ областей“: 1) среднеевропейская (вся Европа, кромѣ Россіи и Англіи); 2) британская, 3) россійская; 4) восточно-азіатская и 5) американская, включая колоніи въ „области“ тѣхъ государствъ, которымъ онѣ принадлежатъ, и „оставляя въ сторонѣ“ немногія нераспредѣленныя по областямъ страны, напр., Персію,

Афганистанъ, Аравію,—въ Азіи, Марокко и Абиссинію —въ Африкѣ и т. п.

Вотъ, въ сокращенномъ видѣ, приводимыя имъ экономическія данныя объ этихъ областяхъ:

Главныя хозяйственныя области міра.	Площадь (милл. кв. килом.).	Населеніе. (милл.).	Пути сообщенія жел. дор. (тыс. км.)	торговый флотъ. (милл. т.)	Торговля. ввозъ и вывозъ. (мд. мар.)	Промышленность. добыча кам. угля (милл. т.)	чугуна (милл. т.)	число веретен въ хл.-бум. пр. (милл.)
1) ср.-европ.	27.6 (23.6*)	388 (146*)	204	8	41	251	15	26
2) британск.	28.9 (28.4*)	398 (355*)	140	11	25	249	9	51
3) россійск.	22.6	131	63	1	3	16	3	7
4) вост.-азіат.	12	389	8	1	2	8	0.02	2
5) америк.	30	148	379	6	14	245	14	19

Мы видимъ три области съ высоко-развитымъ капитализмомъ (сильное развитіе и путей сообщенія, и торговли, и промышленности): среднеевропейскую, британскую и американскую. Среди нихъ три господствующія надъ міромъ государства: Германія, Англія, С. Штаты. Имперіалистское соревнованіе между ними и борьба крайне обострены тѣмъ, что Германія имѣетъ ничтожную область и мало колоній; созданіе „средней Европы“—еще въ будущемъ, и рождается она въ отчаянной борьбѣ. Пока признакъ всей Европы—политическая раздробленность. Въ британской и американской областяхъ очень высока, наоборотъ, политическая концентрація, но громадное несоотвѣтствіе между необъятными колоніями первой и ничтожными—второй. А въ колоніяхъ капитализмъ только начинаетъ развиваться. Борьба за Южную Америку все обостряется.

*) Въ скобкахъ площадь и населеніе колоній.

Двѣ области слабаго развитія капитализма—россійская и восточно-азіатская. Въ первой крайне слабая плотность населенія; во второй—крайне высокая; въ первой политическая концентрація велика, во второй—отсутствуетъ. Китай только еще начали дѣлить, и борьба за него между Японіей, С. Штатами и т. д. обостряется все сильнѣе.

Сопоставьте съ этой дѣйствительностью—съ гигантскимъ разнообразіемъ экономическихъ и политическихъ условій, съ крайнимъ несоотвѣтствіемъ въ быстротѣ роста разныхъ странъ и пр., съ бѣшеной борьбой между имперіалистическими государствами—идеи Каутскаго о „мирномъ“ ультра-имперіализмѣ! Развѣ интернаціональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами ультра-имперіализма, не показываютъ намъ примѣра раздѣла и передѣла міра, перехода отъ мирнаго раздѣла къ не-мирному и обратно? Развѣ американскій и пр. финансовый капиталъ, мирно дѣлившій весь міръ, при участіи Германіи, скажемъ, въ международномъ рельсовомъ синдикатѣ или въ международномъ трестѣ торговаго судоходства, не передѣляетъ теперь міръ на основѣ новыхъ отношеній силы, измѣняющихся совсѣмъ не-мирнымъ путемъ?

Финансовый капиталъ и тресты не ослабляютъ, а усиливаютъ различія между быстротой роста разныхъ частей всемірнаго хозяйства. А разъ соотношенія силы измѣнились, то въ чемъ можетъ заключаться, при капитализмѣ, разрѣшеніе противорѣчія, кромѣ какъ въ силѣ? Чрезвычайно точныя данныя о различной быстротѣ роста капитализма и финансоваго капитала во всемъ всемірномъ хозяйствѣ мы имѣемъ въ статистикѣ жел. дорогъ [86]). За послѣднія десятилѣтія имперіалистскаго развитія длина жел. дорогъ измѣнилась такъ:

Жел. дор. (тыс. клм.)	1890		1913		Увеличеніе (+) на		
Европа.	224		346		+ 122		
Соед. Штаты Америки.	268		411		+ 143		
Всѣ колоніи . . .	82		210		+ 128		
Самостоят. и полусамост. государства Азіи и Америки	43	125	137	347	+ 94		+222
Всего	617		1.104				

Быстрѣе всего развитіе жел. дорогъ шло, слѣд., въ колоніяхъ и въ самостоятельныхъ (и полусамостоятельныхъ) государетвахъ Азіи и Америки. Извѣстно, что финансовый капиталъ 4—5 крупнѣйшихъ капиталистическихъ государствъ царитъ и правитъ здѣсь всецѣло. Двѣсти тысячъ километровъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ колоніяхъ и въ другихъ странахъ Азіи и Америки, это значитъ свыше 40 милліардовъ марокъ новаго помѣщенія капитала на особо выгодныхъ условіяхъ, съ особыми гарантіями доходности, съ прибыльными заказами для сталелитейныхъ заводовъ и пр. и т. д.

Быстрѣе всего растетъ капитализмъ въ колоніяхъ и въ заокеанскихъ странахъ. Среди нихъ появляются новыя имперіалистскія державы (Японія). Борьба всемірныхъ имперіализмовъ обостряется. Растетъ дань, которую беретъ финансовый капиталъ съ особенно прибыльныхъ колоніальныхъ и заокеанскихъ предпріятій. При раздѣлѣ этой „добычи“ исключительно высокая доля попадаетъ въ руки странъ, не всегда занимающихъ первое мѣсто по быстротѣ развитія производительныхъ силъ. Въ крупнѣйшихъ державахъ, взятыхъ вмѣстѣ съ ихъ колоніями, длина жел. дорогъ составляла:

	1890	1913 (тыс. клм.).	
С. Штаты	268	413	+ 145
Британская имперія .	107	208	+ 101
Россія	32	78	+ 46
Германія	43	68	+ 25
Франція	41	63	+ 22
Всего въ 5 державахъ	491	830	+ 339

Итакъ, около 80% всего количества жел. дорогъ сконцентрировано въ 5 крупнѣйшихъ державахъ. Но концентрація собственности на эти дороги, концентрація финансоваго капитала еще неизмѣримо болѣе значительна, ибо англійскимъ и французскимъ, напр., милліонерамъ принадлежитъ громадная масса акцій и облигацій американскихъ, русскихъ и др. желѣзныхъ дорогъ.

Благодаря своимъ колоніямъ, Англія увеличила „свою“ желѣзнодорожную сѣть на 100 тысячъ километровъ, вчетверо больше, чѣмъ Германія. Между тѣмъ общеизвѣстно, что развитіе производительныхъ силъ Германіи за это время, и особенно развитіе каменноугольнаго и желѣзодѣлательнаго производства, шло несравненно быстрѣе, чѣмъ въ Англіи, не говоря уже о Франціи и Россіи. Въ 1892 г. Германія производила 4.2 милліона тоннъ чугуна, противъ 6.8 въ Англіи; а въ 1912 году—уже 17.6 противъ 9,0, т. е. гигантскій перевѣсъ надъ Англіей! [87]) Спрашивается, на почвѣ капитализма какое могло быть иное средство, кромѣ войны, для устраненія несоотвѣтствія между развитіемъ производительныхъ силъ и накопленіемъ капитала—съ одной стороны, раздѣломъ колоній и „сферъ вліянія“ для финансоваго капитала—съ другой?

8. Паразитизмъ и загниваніе капитализма.

Намъ слѣдуетъ остановиться теперь еще на одной очень важной сторонѣ имперіализма, которая большей

частью недостаточно оцѣнивается въ большинствѣ разсужденій на эту тему. Однимъ изъ недостатковъ марксиста Гильфердинга является то, что онъ сдѣлалъ шагъ назадъ по сравненію съ не-марксистомъ Гобсономъ. Мы говоримъ о паразитизмѣ, свойственномъ имперіализму.

Какъ мы видѣли, самая глубокая экономическая основа имперіализма есть монополія. Это монополія капиталистическая, т. е. выросшая изъ капитализма и находящаяся въ общей обстановкѣ капитализма, товарнаго производства, конкуренціи, въ постоянномъ и безысходномъ противорѣчіи съ этой общей обстановкой. Но тѣмъ не менѣе, какъ и всякая монополія, она порождаетъ неизбѣжно стремленіе къ застою и загниванію: поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольныя цѣны, постольку исчезаютъ до извѣстной степени побудительныя причины къ техническому, а слѣд., и всякому другому прогрессу, движенію впередъ; постольку является, далѣе, экономическая возможность искусственно задерживать техническій прогрессъ. Примѣръ: въ Америкѣ нѣкій Оуэнсъ изобрѣлъ бутылочную машину, производящую революцію въ выдѣлкѣ бутылокъ. Нѣмецкій картель бутылочныхъ фабрикантовъ скупаетъ патенты Оуэнса и кладетъ ихъ подъ сукно, задерживаетъ ихъ примѣненіе. Конечно, монополія при капитализмѣ никогда не можетъ полностью и на очень долгое время устранить конкуренцію со всемірнаго рынка. Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыли посредствомъ введенія техническихъ улучшеній дѣйствуетъ въ пользу измѣненій. Но тенденція къ застою и загниванію, свойственная монополіи, продолжаетъ въ свою очередь дѣйствовать, и въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, въ отдѣльныхъ странахъ, на извѣстные промежутки времени, она беретъ верхъ.

Монополія обладанія особенно обширными, богатыми

или удобно расположенными колоніями дѣйствуетъ въ томъ же направленіи.

Далѣе. Имперіализмъ есть громадное скопленіе въ немногихъ странахъ денежнаго капитала, достигающаго, какъ мы видѣли, 100—150 милліардовъ франковъ цѣнныхъ бумагъ. Отсюда—неизбѣжный ростъ класса или, вѣрнѣе, слоя рантье, т. е. лицъ, живущихъ „стрижкой купоновъ“,—лицъ, совершенно отдѣленныхъ отъ участія въ какомъ бы то ни было предпріятіи,—лицъ, профессіею которыхъ является праздность. Вывозъ капитала, одна изъ самыхъ существенныхъ экономическихъ основъ имперіализма, еще болѣе усиливаетъ эту полнѣйшую оторванность отъ производства слоя рантье, налагаетъ отпечатокъ паразитизма на всю страну, живущую эксплуатаціей труда нѣсколькихъ заокеанскихъ странъ и колоній.

„Въ 1873 г.—пишетъ Гобсонъ— британскій капиталъ, помѣщенный заграницей, составлялъ около 15% всего богатства Соед. Королевства“. [88]) Напомнимъ, что къ 1915 г. этотъ капиталъ увеличился приблизительно въ $2^1/_2$ раза. „Аггрессивный имперіализмъ—читаемъ далѣе у Гобсона,—который стоитъ такъ дорого плательщикамъ налоговъ и имѣетъ такъ мало значенія для промышленника и торговца... есть источникъ большихъ прибылей для капиталиста, ищущаго помѣщенія своему капиталу“ (по-англійски это понятіе выражается однимъ словомъ: „инвесторъ“—„помѣститель“, рантье)... Весь годичный доходъ, который Великобританія получаетъ отъ всей своей внѣшней и колоніальной торговли, ввоза и вывоза, опредѣляется статистикомъ Гиффеномъ въ 18 милл. фунтовъ стерлинговъ (около 170 милл. руб.) за 1899 годъ, считая по $2^1/_2$% на весь оборотъ въ 800 милл. ф. ст. Какъ ни велика эта сумма, она не можетъ объяснить аггрессивнаго имперіализма Великобританіи. Его объясняетъ сумма въ 90—100 милл.

фунт. ст., представляющая доходъ отъ „помѣщеннаго“ капитала, доходъ слоя рантье.

Доходъ рантье в п я т е р о превышаетъ доходъ отъ внѣшней торговли въ самой „торговой“ странѣ міра! Вотъ сущность имперіализма и имперіалистическаго паразитизма.

Понятіе „государство-рантье“ (Rentnerstaat), или государство-ростовщикъ, становится поэтому общеупотребительнымъ въ экономической литературѣ объ имперіализмѣ. Міръ раздѣлился на горстку государствъ-ростовщиковъ и гигантское большинство государствъ-должниковъ. „Среди помѣщеній капитала заграницей—пишетъ Ш.-Геверницъ—на первомъ мѣстѣ стоятъ такія, которыя падаютъ на страны, политически зависимыя или союзныя: Англія даетъ взаймы Египту, Японіи, Китаю, Южной Америкѣ. Ея военный флотъ играетъ роль, въ случаѣ крайности, судебнаго пристава. Политическая сила Англіи оберегаетъ ее отъ возмущенія должниковъ“. [89]) Сарторіусъ-фонъ-Вальтерсхаузенъ въ своемъ сочиненіи: „Народно-хозяйственная система помѣщенія капитала заграницей“ выставляетъ образцомъ „государства-рантье“ Голландію и указываетъ, что таковыми становятся теперь Англія и Франція [90]). Шильдеръ считаетъ, что пять промышленныхъ государствъ являются „опредѣленно выраженными странами-кредиторами“: Англія, Франція, Германія, Бельгія и Швейцарія. Голландію онъ не относитъ сюда только потому, что она „мало индустріальна“. Соед. Штаты являются кредиторомъ лишь по отношенію къ Америкѣ“. [91])

„Англія—пишетъ Ш.-Геверницъ—переростаетъ постепенно изъ промышленнаго государства въ государство-кредитора. Несмотря на абсолютное увеличеніе промышленнаго производства и промышленнаго вывоза, выростаетъ относительное значеніе для всего народнаго хозяйства доходовъ отъ процентовъ и дивидендовъ,

оть эмиссій, комиссій и спекуляцій. По моему мнѣнію, именно этотъ фактъ является экономической основой имперіалистическаго подъема. Кредиторъ прочнѣе связанъ съ должникомъ, чѣмъ продавецъ съ покупателемъ [92]). Относительно Германіи издатель берлинскаго журнала „Банкъ“ А. Лансбургъ писалъ въ 1911 г. въ статьѣ: „Германія—государство-рантье“ слѣдующее: „Въ Германіи охотно посмѣиваются надъ склонностью къ превращенію въ рантье, наблюдаемой во Франціи. Но при этомъ забываютъ, что, поскольку дѣло касается буржуазіи, германскія условія все болѣе становятся похожими на французскія“. [93])

Государство-рантье есть государство паразитическаго, загнивающаго капитализма, и это обстоятельство не можетъ не отражаться какъ на всѣхъ соціально-политическихъ условіяхъ данныхъ странъ вообще, такъ и на двухъ основныхъ теченіяхъ въ рабочемъ движеніи въ особенности. Чтобы показать это возможно нагляднѣе, предоставимъ слово Гобсону, который всего болѣе „надеженъ“, какъ свидѣтель, ибо его невозможно заподозрить въ пристрастіи къ „марксистскому правовѣрію“, а съ другой стороны онъ—англичанинъ, хорошо знающій положеніе дѣлъ въ странѣ, наиболѣе богатой и колоніями, и финансовымъ капиталомъ, и имперіалистическимъ опытомъ.

Описывая подъ живымъ впечатлѣніемъ англо-бурской войны связь имперіализма съ интересами „финансистовъ“, роста прибылей отъ подрядовъ, поставокъ и пр., Гобсонъ писалъ: „направителями этой опредѣленно паразитической политики являются капиталисты; но тѣ же самые мотивы оказываютъ дѣйствіе и на спеціальные разряды рабочихъ. Во многихъ городахъ самыя важныя отрасли промышленности зависятъ отъ правительственныхъ заказовъ; имперіализмъ центровъ металлургической и кораблестроительной промышленности зависитъ въ немалой степени отъ этого факта“.

Двоякаго рода обстоятельства ослабляли, по мнѣнію автора, силу старыхъ имперій: 1) „экономическій паразитизмъ“ и 2) составленіе войска изъ зависимыхъ народовъ. „Первое есть обычай экономическаго паразитизма, въ силу котораго господствующее государство используетъ свои провинціи, колоніи и зависимыя страны для обогащенія своего правящаго класса и для подкупа своихъ низшихъ классовъ, чтобы они оставались спокойными“. Для экономической возможности такого подкупа, въ какой бы формѣ онъ ни совершался, необходима—добавимъ отъ себя—монополистически высокая прибыль.

Относительно второго обстоятельства Гобсонъ пишетъ: „Однимъ изъ наиболѣе странныхъ симптомовъ слѣпоты имперіализма является та беззаботность, съ которой Великобританія, Франція и другія имперіалистическія націи становятся на этотъ путь. Великобританія пошла дальше всѣхъ. Большую часть тѣхъ сраженій, которыми мы завоевали нашу индійскую имперію, вели наши войска, составленныя изъ туземцевъ. Въ Индіи, какъ послѣднее время и въ Египтѣ, большія постоянныя арміи находятся подъ начальствомъ британцевъ; почти всѣ войны, связанныя съ покореніемъ нами Африки, за исключеніемъ ея южной части, проведены для насъ туземцами“.

Перспектива раздѣла Китая вызываетъ у Гобсона такую экономическую оцѣнку: „Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять видъ и характеръ, который теперь имѣютъ части этихъ странъ: югъ Англіи, Ривьера, наиболѣе посѣщаемыя туристами и населенныя богачами мѣста Италіи и Швейцаріи, именно: маленькая кучка богатыхъ аристократовъ, получающихъ дивиденды и пенсіи съ далекаго Востока, съ нѣсколько болѣе значительной группой профессіональныхъ служащихъ и торговцевъ, и съ болѣе крупнымъ числомъ домашнихъ слугъ и рабочихъ въ перевозочной про-

мышленности и въ промышленности, занятой окончательной отдѣлкой фабрикатовъ. Главныя же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питанія, массовые полуфабрикаты, притекали бы, какъ дань, изъ Азіи и изъ Африки". „Вотъ какія возможности открываетъ передъ нами болѣе широкій союзъ западныхъ государствъ, европейская федерація великихъ державъ: она не только не двигала бы впередъ дѣло всемірной цивилизаціи, а могла бы означать гигантскую опасность западнаго паразитизма: выдѣлить группу передовыхъ промышленныхъ націй, высшіе классы которыхъ получаютъ громадную дань съ Азіи и съ Африки, и при помощи этой дани содержать большія прирученныя массы служащихъ и слугъ, занятыхъ уже не производствомъ массовыхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ продуктовъ, а личнымъ услуженіемъ или второстепенной промышленной работой подъ контролемъ новой финансовой аристократіи. Пусть тѣ, кто готовъ отмахнуться отъ такой теоріи" (надо было сказать: перспективы), „какъ незаслуживающей разсмотрѣнія, вдумаются въ экономическія и соціальныя условія тѣхъ округовъ современной южной Англіи, которые уже приведены въ такое положеніе. Пусть они подумаютъ, какое громадное расширеніе такой системы стало бы возможнымъ, если бы Китай былъ подчиненъ экономическому контролю подобныхъ группъ финансистовъ, „помѣстителей капитала", ихъ политическихъ и торгово-промышленныхъ служащихъ, выкачивающихъ прибыль изъ величайшаго потенціальнаго резервуара, который только зналъ когда-либо міръ, съ цѣлью потреблять эти прибыли въ Европѣ. Разумѣется, ситуація слишкомъ сложна, игра міровыхъ силъ слишкомъ трудно поддается учету, чтобы сдѣлать очень вѣроятнымъ это или любое иное истолкованіе будущаго въ одномъ только направленіи. Но тѣ вліянія, которыя управляютъ имперіализмомъ Западной Европы въ на-

стоящее время, двигаются въ этомъ направленіи, и если они не встрѣтятъ противодѣйствія, если они не будутъ отвлечены въ другую сторону, они работаютъ въ направленіи именно такого завершенія процесса“[94]).

Авторъ совершенно правъ: если бы силы имперіализма не встрѣтили противодѣйствія, онѣ привели бы именно къ этому. Значеніе „Соед. Штатовъ Европы“ въ современной, имперіалистической, обстановкѣ оцѣнено здѣсь правильно. Слѣдовало лишь добавить, что и внутри рабочаго движенія оппортунисты, побѣдившіе нынѣ на время въ большинствѣ странъ, „работаютъ“ систематически и неуклонно именно въ этомъ направленіи. Имперіализмъ, означая раздѣлъ міра и эксплоатацію не одного только Китая, означая монопольно-высокія прибыли для горстки богатѣйшихъ странъ, создаетъ экономическую возможность подкупа верхнихъ прослоекъ пролетаріата и тѣмъ питаетъ, оформливаетъ, укрѣпляетъ оппортунизмъ. Не слѣдуетъ лишь забывать тѣхъ противодѣйствующихъ имперіализму вообще и оппортунизму въ частности силъ, которыхъ естественно не видѣть соціалъ-либералу Гобсону.

Нѣмецкій оппортунистъ Гергардъ Гильдебрандъ, который въ свое время былъ исключенъ изъ партіи за защиту имперіализма, а нынѣ могъ бы быть вождемъ такъ называемой „соц.-дем.“ партіи Германіи, хорошо дополняетъ Гобсона, проповѣдуя „Соед. Штаты Западной Европы“ (безъ Россіи) въ цѣляхъ „совмѣстныхъ“ дѣйствій противъ... африканскихъ негровъ, противъ „великаго исламитскаго движенія“, для „содержанія сильнаго войска и флота“ противъ „японо-китайской коалиціи“ [95]) и пр.

Описаніе „британскаго имперіализма“ у Шульце-Геверница показываетъ намъ тѣ же черты паразитизма. Народный доходъ Англіи приблизительно удвоился съ 1865 по 1898 годъ, а доходъ „отъ загра-

ницы“ за это время возросъ въ девять разъ. Если „заслугой“ имперіализма является „воспитаніе негра къ труду“ (безъ принужденія не обойтись...), то „опасность“ имперіализма состоитъ въ томъ, что Европа свалитъ физическій трудъ—сначала сельско-хозяйственный и горный, а потомъ и болѣе грубый промышленный—на плечи темнокожаго человѣчества, а сама успокоится на роли рантье, подготовляя, можетъ быть, этимъ экономическую, а затѣмъ и политическую эмансипацію краснокожихъ и темнокожихъ расъ“.

Все большая часть земли въ Англіи отнимается отъ сельско-хозяйственнаго производства и идетъ подъ спортъ, подъ забаву для богачей. Про Шотландію—самое аристократическое мѣсто охоты и другого спорта—говорятъ, что „она живетъ своимъ прошлымъ и мистеромъ Карнеджи“ (американскимъ милліардеромъ). На однѣ только скачки и на охоту за лисицами Англія расходуетъ ежегодно 14 милл. ф. ст. (около 130 милл. рублей). Число рантье въ Англіи составляетъ около 1 милліона. Процентъ производительнаго населенія понижается:

	Населеніе Англіи	Число рабочихъ въ главныхъ отрасляхъ промышленности (милліоны)	% къ населенію
1851	17.9	4.1	28%
1901	32.5	4.9	15%

И, говоря объ англійскомъ рабочемъ классѣ, буржуазный изслѣдователь „британскаго имперіализма начала 20-го вѣка“ вынужденъ систематически проводить различіе между „верхнимъ слоемъ“ рабочихъ и „собственно-пролетарскимъ низшимъ слоемъ“. Верхній слой поставляетъ массу членовъ кооперативовъ и профессіональныхъ союзовъ, спортивныхъ обществъ и многочисленныхъ религіоз-

ныхъ сектъ. Къ его уровню приноровлено избирательное право, которое въ Англіи „все еще достаточно ограниченное, чтобы исключать собственно-пролетарскій низшій слой“! Чтобы прикрасить положеніе англійскаго рабочаго класса, обыкновенно говорятъ только объ этомъ верхнемъ слоѣ, составляющемъ меньшинство пролетаріата: напр., „вопросъ о безработицѣ есть преимущественно вопросъ, касающійся Лондона и пролетарскаго низшаго слоя, съ которымъ политики мало считаются“ [96]). Надо было сказать: съ которымъ буржуазные политиканы и „соціалистическіе“ оппортунисты мало считаются.

Къ числу особенностей имперіализма, которыя связаны съ описываемымъ кругомъ явленій, относится уменьшеніе эмиграціи изъ имперіалистическихъ странъ и увеличеніе иммиграціи (прихода рабочихъ и переселенія) въ эти страны изъ болѣе отсталыхъ странъ, съ болѣе низкой заработной платой. Эмиграція изъ Англіи, какъ отмѣчаетъ Гобсонъ, падаетъ съ 1884 г.: она составляла 242 тыс. въ этомъ году и 169 тыс. въ 1900 г. Эмиграція изъ Германіи достигла максимума за 10-лѣтіе 1881—1890 г.г.: 1,453 тыс., падая въ два слѣдующія десятилѣтія до 544 и 341 тыс. Зато росло число рабочихъ, приходящихъ въ Германію изъ Австріи, Италіи, Россіи и пр. По переписи 1907 г., въ Германіи было 1.342,294 иностранца, изъ нихъ рабочихъ промышленныхъ 440,800, сельскихъ—257,329 [97]). Во Франціи рабочіе въ горной промышленности „въ значительной части“ иностранцы: поляки, итальянцы, испанцы [98]). Въ Соед. Штатахъ эмигранты изъ восточной и южной Европы занимаютъ наихудше оплачиваемыя мѣста, а американскіе рабочіе даютъ наибольшій процентъ выдвигающихся въ надсмотрщики и получающихъ наилучше оплачиваемыя работы [99]). Имперіализмъ имѣетъ тенденцію и среди рабочихъ выдѣлять приви-

легированные разряды и откалывать ихъ отъ широкой массы пролетаріата.

Необходимо отмѣтить, что въ Англіи тенденція имперіализма раскалывать рабочихъ и усиливать оппортунизмъ среди нихъ, порождать временно загниваніе рабочаго движенія, сказалась гораздо раньше, чѣмъ конецъ 19-го и начало 20-го вѣка. Ибо двѣ крупныя отличительныя черты имперіализма имѣли мѣсто въ Англіи съ половины 19-го вѣка: громадныя колоніальныя владѣнія и монопольное положеніе на всемірномъ рынкѣ. Марксъ и Энгельсъ систематически, въ теченіе ряда десятилѣтій, прослѣживали эту связь оппортунизма въ рабочемъ движеніи съ имперіалистическими особенностями англійскаго капитализма. Энгельсъ писалъ, напр., Марксу 7 октября 1858 г.: „англійскій пролетаріатъ фактически все болѣе и болѣе обуржуазивается, такъ что эта самая буржуазная изъ всѣхъ націй хочетъ, повидимому, довести дѣло въ концѣ концовъ до того, чтобы имѣть буржуазную аристократію и буржуазный пролетаріатъ р я д о м ъ съ буржуазіей. Разумѣется, со стороны такой націи, которая эксплоатируетъ весь міръ, это до извѣстной степени правомѣрно“. Почти четверть вѣка спустя, въ письмѣ отъ 11 августа 1881 г., онъ говоритъ о худшихъ англійскихъ трэдъ-юніонахъ, которые „позволяютъ руководить собою людямъ, купленнымъ буржуазіей или по крайней мѣрѣ оплачиваемымъ ею“. А въ письмѣ къ Каутскому отъ 12 сентября 1882 г. Энгельсъ писалъ: „Вы спрашиваете меня, что думаютъ англійскіе рабочіе о колоніальной политикѣ? То же самое, что они думаютъ о политикѣ вообще. Здѣсь нѣтъ рабочей партіи, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочіе преспокойно пользуются вмѣстѣ съ ними колоніальной монополіей Англіи и ея монополіей на всемірномъ рынкѣ“ [100]). (то же самое изложено Энгельсомъ для печати въ пре-

дисловіи ко 2-му изданію „Положенія рабочаго класса въ Англіи“, 1892 г.).

Здѣсь ясно указаны причины и слѣдствія. Причины: 1) эксплоатація данной страной всего міра; 2) ея монопольное положеніе на всемірномъ рынкѣ; 3) ея колоніальная монополія. Слѣдствія: 1) обуржуазеніе части англійскаго пролетаріата; 2) часть его позволяетъ руководить собою людямъ, купленнымъ буржуазіей или по крайней мѣрѣ оплачиваемымъ ею. Имперіализмъ начала 20 вѣка закончилъ раздѣлъ міра горсткой государствъ, изъ которыхъ каждое эксплоатируетъ теперь (въ смыслѣ извлеченія сверхъприбыли) немногимъ меньшую часть всего міра, чѣмъ Англія въ 1858 г.; каждое занимаетъ монопольное положеніе на всемірномъ рынкѣ благодаря трестамъ, картелямъ, финансовому капиталу, отношеніямъ кредитора къ должнику; каждое имѣетъ до извѣстной степени колоніальную монополію (мы видѣли, что изъ 75 милл. кв. килом. всѣхъ колоній міра 65 милл., т. е. 86%, сосредоточено въ рукахъ шести державъ; 61 милл., т. е. 81%, сосредоточено въ рукахъ трехъ державъ).

Отличіе теперешняго положенія состоитъ въ такихъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, которыя не могли не усилить непримиримость оппортунизма съ общими и коренными интересами рабочаго движенія: имперіализмъ изъ зачатковъ выросъ въ господствующую систему; капиталистическія монополіи заняли первое мѣсто въ народномъ хозяйствѣ и политикѣ; раздѣлъ міра доведенъ до конца; а съ другой стороны, вмѣсто безраздѣльной монополіи Англіи, мы видимъ борьбу за участіе въ монополіи между небольшимъ числомъ имперіалистическихъ державъ, характеризующую все начало 20 вѣка. Оппортунизмъ не можетъ теперь оказаться полнымъ побѣдителемъ въ рабочемъ движеніи одной изъ странъ на длинный рядъ десятилѣтій, какъ побѣдилъ оппортунизмъ въ

Англіи во 2-й половинѣ 19 столѣтія, но онъ окончательно созрѣлъ, перезрѣлъ и сгнилъ въ рядѣ странъ, вполнѣ слившись съ буржуазной политикой какъ соціалъ-шовинизмъ [101]).

9. Критика имперіализма.

Критику имперіализма мы понимаемъ въ широкомъ смыслѣ слова, какъ отношеніе къ политикѣ имперіализма различныхъ классовъ общества въ связи съ ихъ общей идеологіей.

Гигантскіе размѣры финансоваго капитала, концентрированнаго въ немногихъ рукахъ и создающаго необыкновенно широко-раскинутую и густую сѣть отношеній и связей, подчиняющую ему не только среднихъ и мелкихъ, но и мельчайшихъ капиталистовъ и хозяйчиковъ—съ одной стороны, а съ другой—обостренная борьба съ другими національно-государственными группами финансистовъ за раздѣлъ міра и за господство надъ другими странами—все это вызываетъ повальный переходъ всѣхъ имущихъ классовъ на сторону имперіализма. „Всеобщее“ увлеченіе его перспективами, бѣшеная защита имперіализма, всевозможное прикрашиваніе его,—таково знаменіе времени. Имперіалистическая идеологія проникаетъ и въ рабочій классъ. Китайская стѣна не отдѣляетъ его отъ другихъ классовъ. Если вожди теперешней такъ назыв. „соц.-дем.“ партіи Германіи получили по справедливости названіе „соціалъ-имперіалистовъ“, т. е. соціалистовъ на словахъ, имперіалистовъ на дѣлѣ, то Гобсонъ еще въ 1902 г. отмѣтилъ существованіе „фабіанскихъ имперіалистовъ“ въ Англіи, принадлежащихъ къ оппортунистическому „Фабіанскому обществу“.

Буржуазные ученые и публицисты выступаютъ защитниками имперіализма обыкновенно въ нѣсколько прикрытой формѣ, затушевывая полное господство им-

періализма и его глубокіе корни, стараясь выдвинуть на первый планъ частности и второстепенныя подробности, усиливаясь отвлечь вниманіе отъ существеннаго совершенно несерьезными проектами „реформъ“ въ родѣ полицейскаго надзора за трестами или банками и т. п. Рѣже выступаютъ циничные, откровенные имперіалисты, имѣющіе смѣлость признать нелѣпость мысли о „реформированіи“ основныхъ свойствъ имперіализма.

Приведемъ одинъ примѣръ. Нѣмецкіе имперіалисты въ изданіи: „Архивъ всемірнаго хозяйства“ стараются слѣдить за національно-освободительными движеніями въ колоніяхъ, особенно, разумѣется, не-нѣмецкихъ. Они отмѣчаютъ броженіе и протесты въ Индіи, движеніе въ Наталѣ (Южная Африка), въ Голландской Индіи и т. д. Одинъ изъ нихъ въ замѣткѣ по поводу англійскаго изданія, дающаго отчетъ о конференціи подчиненныхъ націй и расъ, состоявшейся 28—30 іюня 1910 года изъ представителей различныхъ, находящихся подъ чужестраннымъ господствомъ, народовъ Азіи, Африки, Европы, пишетъ, оцѣнивая рѣчи на этой конференціи: „Съ имперіализмомъ, говорятъ намъ, надо бороться; господствующія государства должны признать право подчиненныхъ народовъ на самостоятельность; международный трибуналъ долженъ наблюдать за исполненіемъ договоровъ, заключенныхъ между великими державами и слабыми народами. Дальше этихъ невинныхъ пожеланій конференція не идетъ. Мы не видимъ ни слѣда пониманія той истины, что имперіализмъ неразрывно связанъ съ капитализмомъ въ его теперешней формѣ и что поэтому (!!) прямая борьба съ имперіализмомъ безнадежна, развѣ если ограничиваться выступленіемъ противъ отдѣльныхъ, особенно отвратительныхъ, эксцессовъ“ [102]).

Вопросы о томъ, возможно ли реформистское измѣненіе основъ имперіализма, впередъ ли идти, къ даль-

нѣйшему обостренію и углубленію противорѣчій, порождаемыхъ имъ, или назадъ, къ притупленію ихъ, являются коренными вопросами критики имперіализма. Такъ какъ политическими особенностями имперіализма являются реакція по всей линіи и усиленіе національнаго гнета въ связи съ гнетомъ финансовой олигархіи и устраненіемъ свободной конкуренціи, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиція имперіализму выступаетъ едва ли не во всѣхъ имперіалистскихъ странахъ начала 20-го вѣка. И разрывъ съ марксизмомъ со стороны Каутскаго и широкаго интернаціональнаго теченія каутскіанства состоитъ именно въ томъ, что Каутскій не только не позаботился, не сумѣлъ противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически въ основѣ своей реакціонной оппозиціи, а напротивъ, слился съ ней практически.

Въ Соед. Штатахъ имперіалистская война противъ Испаніи 1898-го года вызвала оппозицію „антиимперіалистовъ“, послѣднихъ могиканъ буржуазной демократіи, которые называли войну эту „преступной“, считали нарушеніемъ конституціи аннексію чужихъ земель, объявляли „обманомъ шовинистовъ“ поступокъ по отношенію къ вождю туземцевъ на Филиппинахъ, Агвинальдо (ему обѣщали свободу его страны, а потомъ высадили американскія войска и аннектировали Филиппины), цитировали слова Линкольна: „когда бѣлый человѣкъ самъ управляетъ собой, это—самоуправленіе; когда онъ управляетъ самъ собой и вмѣстѣ съ тѣмъ управляетъ другими, это уже не самоуправленіе, это—деспотизмъ“. [108]) Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь имперіализма съ трестами и, слѣдовательно, съ основами капитализма, боялась присоединиться къ силамъ, порождаемымъ крупнымъ капитализмомъ и его развитіемъ, она оставалась „невиннымъ пожеланіемъ“.

Такова же основная позиція Гобсона въ его критикѣ

имперіализма. Гобсонъ предвосхитилъ Каутскаго, возставая противъ „неизбѣжности имперіализма“ и аппеллируя къ необходимости „поднять потребительную способность населенія“ (при капитализмѣ!). На мелкобуржуазной точкѣ зрѣнія въ критикѣ имперіализма, всесилія банковъ, финансовой олигархіи и пр. стоятъ цитированные неоднократно нами Агадъ, А. Лансбургъ, Л. Эшвегэ, а изъ французскихъ писателей—Викторъ Бераръ, авторъ поверхностной книги: „Англія и имперіализмъ“, вышедшей въ 1900 году. Всѣ они, нисколько не претендуя на марксизмъ, противопоставляютъ имперіализму свободную конкуренцію и демократію, осуждаютъ „затѣю“ Багдадской жел. дороги, ведущую къ конфликтамъ и войнѣ, высказываютъ „невинныя пожеланія“ мира и т. п.—вплоть до статистика международныхъ эмиссій, А. Неймарка, который, подсчитывая сотни милліардовъ франковъ „международныхъ“ цѣнностей, восклицалъ въ 1912 году: „возможно-ли предположить, чтобы миръ могъ быть нарушенъ?... чтобы при такихъ громадныхъ цифрахъ рисковали вызвать войну?“ [104])

Со стороны буржуазныхъ экономистовъ такая наивность не удивительна; имъ же притомъ и выгодно казаться столь наивными и „всерьезъ“ говорить о мирѣ при имперіализмѣ. Но что же осталось отъ марксизма у Каутскаго, когда онъ въ 1914, 15, 16 годахъ становится на ту же буржуазно-реформистскую точку зрѣнія и утверждаетъ, что „всѣ согласны“ (имперіалисты, якобы-соціалисты и соціалъ-пацифисты) насчетъ мира? Вмѣсто анализа и вскрытія глубины противорѣчій имперіализма мы видимъ одно лишь реформистское „невинное желаніе“ отмахнуться, отговориться отъ нихъ.

Вотъ образчикъ экономической критики имперіализма Каутскимъ. Онъ беретъ данныя о вывозѣ и ввозѣ Англіи изъ Египта за 1872 и 1912 годы; оказывается, что этотъ вывозъ и ввозъ росъ слабѣе, чѣмъ общій

вывозъ и ввозъ Англіи. И Каутскій умозаключаетъ: „мы не имѣемъ никакихъ основаній полагать, что безъ военнаго занятія Египта торговля съ нимъ выросла бы меньше подъ вліяніемъ простого вѣса экономическихъ факторовъ". „Стремленія капитала къ расширенію" „лучше всего могутъ быть достигнуты не насильственными методами имперіализма, а мирной демократіей". [105]

Это разсужденіе Каутскаго, на сотни ладовъ перепѣваемое его россійскими оруженосцами, составляетъ основу его критики имперіализма, и на немъ надо поэтому подробнѣе остановиться. Начнемъ съ цитаты изъ Гильфердинга, выводы котораго Каутскій много разъ, въ томъ числѣ въ апрѣлѣ 1915 года, объявлялъ „единогласно принятыми всѣми соціалистическими теоретиками".

„Не дѣло пролетаріата—пишетъ Гильфердингъ—болѣе прогрессивной капиталистической политикѣ противопоставлять оставшуюся позади эру свободной торговли и враждебнаго отношенія къ государству. Отвѣтомъ пролетаріата на экономическую политику финансоваго капитала, на имперіализмъ, можетъ быть не свобода торговли, а только соціализмъ. Не такой идеалъ, какъ возстановленіе свободной конкуренціи—онъ превратился теперь въ реакціонный идеалъ—можетъ быть теперь цѣлью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтоженіе конкуренціи посредствомъ устраненія капитализма".[106])

Каутскій порвалъ съ марксизмомъ, защищая для эпохи финансоваго капитала „реакціонный идеалъ", „мирную демократію", „простой вѣсъ экономическихъ факторовъ",—ибо этотъ идеалъ о б ъ е к т и в н о тащитъ назадъ, отъ монополистическаго капитализма къ немонополистическому, является реформистскимъ обманомъ.

Торговля съ Египтомъ (или съ другой колоніей или полуколоніей) „выросла бы" сильнѣе б е з ъ военнаго занятія, безъ имперіализма, безъ финансоваго капитала.

Что это значитъ? Что капитализмъ развивался бы быстрѣе, если бы свободная конкуренція не ограничивалась ни монополіями вообще, ни „связями“ или гнетомъ (т. е. тоже монополіей) финансоваго капитала, ни монопольнымъ обладаніемъ колоніями со стороны отдѣльныхъ странъ?

Другого смысла разсужденія Каутскаго имѣть не могутъ. Допустимъ, что да, что свободная конкуренція, безъ какихъ бы то ни было монополій, развивала бы капитализмъ и торговлю быстрѣе. Но вѣдь чѣмъ быстрѣе идетъ развитіе торговли и капитализма, тѣмъ сильнѣе концентрація производства и капитала, рождающая монополію. И монополіи уже родились—именно изъ свободной конкуренціи! Если даже монополіи стали теперь замедлять развитіе, всетаки это не доводъ за свободную конкуренцію, которая невозможна послѣ того, какъ она родила монополію.

Если исправить это разсужденіе и сказать, какъ говоритъ Спектаторъ: торговля англійскихъ колоній съ Англіей развивается теперь медленнѣе, чѣмъ съ другими странами,—это тоже не спасаетъ Каутскаго. Ибо Англію побиваетъ тоже монополія, тоже имперіализмъ, только другой страны (Америки, Германіи). Извѣстно, что картели привели къ охранительнымъ пошлинамъ новаго, оригинальнаго типа: охраняются (это отмѣтилъ еще Энгельсъ въ III томѣ „Капитала“) какъ разъ тѣ продукты, которые способны къ вывозу. Извѣстна, далѣе, свойственная картелямъ и финансовому капиталу система „вывоза по бросовымъ цѣнамъ“, „выбрасыванія“, какъ говорятъ англичане: внутри страны картель продаетъ свои продукты по монопольно-высокой цѣнѣ, а заграницу сбываетъ втридешева,—чтобы подорвать конкурента, чтобы расширять до максимума свое производство и т. д. Если Германія быстрѣе развиваетъ свою торговлю съ англійскими колоніями, чѣмъ Англія,—это доказываетъ лишь, что

германскій имперіализмъ свѣжѣе, сильнѣе, организованнѣе, выше англійскаго, но вовсе не доказываетъ „перевѣса“ свободной торговли, ибо борется не свободная торговля съ протекціонизмомъ, съ колоніальной зависимостью, а борется одинъ имперіализмъ противъ другого, одна монополія противъ другой, одинъ финансовый капиталъ противъ другого. Перевѣсъ нѣмецкаго имперіализма надъ англійскимъ сильнѣе, чѣмъ стѣна колоніальныхъ границъ или протекціонныхъ пошлинъ; дѣлать отсюда „доводъ“ за свободную торговлю и „мирную демократію“ есть забвеніе основныхъ чертъ и свойствъ имперіализма, замѣна марксизма мѣщанскимъ реформизмомъ.

Интересно, что даже буржуазный экономистъ А. Лансбургъ, критикующій имперіализмъ такъ же поверхностно, какъ Каутскій, подошелъ все же къ болѣе научной обработкѣ данныхъ торговой статистики. Онъ взялъ сравненіе не одной случайно выхваченной страны и только колоніи съ остальными странами, а сравненіе вывоза изъ имперіалистской страны 1) въ страны финансово-зависимыя отъ нея, занимающія у нея деньги, и 2) въ страны финансово-независимыя. Получилось слѣдующее:

Вывозъ изъ Германіи (милл. марокъ).

		1889	1908	Увелич. въ %
Въ страны финансово-зависимыя отъ Германіи:	Румынія	48.2	70.8	+ 47%
	Португалія	19.0	32.8	+ 73%
	Аргентина	60.7	147.0	+ 143%
	Бразилія	48.7	84.5	+ 73%
	Чили	28.3	52.4	+ 85%
	Турція	29.9	64.0	+ 114%
	Итого	234.8	451.5	+ 92%
Въ страны, финансово-независимыя отъ Германіи:	Великобританія	651.8	997.4	+ 53%
	Франція	210.2	437.9	+ 108%
	Бельгія	137.2	322.8	+ 135%
	Швейцарія	177.4	401.4	+ 127%
	Австралія	21.2	64.5	+ 205%
	Голл. Индія	8.8	40.7	+ 363%
	Итого	1.206.6	2.264.4	+ 87%

Лансбургъ не подвелъ итоговъ и потому страннымъ образомъ не замѣтилъ, что если эти цифры что-либо доказываютъ, то только противъ него, ибо вывозъ въ финансово-зависимыя страны возросъ все же быстрѣе, хотя и немногимъ, чѣмъ въ финансово-независимыя (подчеркиваемъ „если“, ибо статистика Лансбурга далеко еще не полна).

Прослѣживая связь вывоза съ займами, Лансбургъ пишетъ:

„Въ $189^0/_1$ г. былъ заключенъ румынскій заемъ при посредствѣ нѣмецкихъ банковъ, которые уже въ предъидущіе годы давали ссуды подъ него. Заемъ служилъ главнымъ образомъ для покупки желѣзнодорожнаго матеріала, который получался изъ Германіи. Въ 1891 г. нѣмецкій вывозъ въ Румынію составлялъ 55 мил. м. Въ слѣдующемъ году онъ упалъ до 39,4 м. и, съ перерывами, упалъ до 25,4 м. въ 1900 году. Лишь въ самые послѣдніе годы достигнутъ снова уровень 1891 года—благодаря двумъ новымъ займамъ.

„Нѣмецкій вывозъ въ Португалію возросъ вслѣдствіе займовъ $188^8/_9$ г. до 21,1 милл. (1890); затѣмъ въ два слѣдующіе года упалъ до 16,2 и 7,4 м. и достигъ своего стараго уровня лишь въ 1903 году.

„Еще рельефнѣе данныя о нѣмецко-аргентинской торговлѣ. Вслѣдствіе займовъ 1888 и 1890 гг. нѣмецкій вывозъ въ Аргентину достигъ въ 1889 г. 60,7 милл. Два года спустя вывозъ составлялъ всего 18,6 м., меньше третьей части прежняго. Лишь въ 1901 году достигнутъ и превзойденъ уровень 1889 года, что было связано съ новыми государственными и городскими займами, съ выдачей денегъ на постройку электрическихъ заводовъ и съ другими кредитными операціями.

„Вывозъ въ Чили возросъ вслѣдствіе займа 1889 г. до 45.2 милл. (1892) и упалъ затѣмъ черезъ годъ до 22.5 м. Послѣ новаго займа, заключеннаго при посредствѣ нѣмецкихъ банковъ въ 1906 г., вывозъ поднялся

до 84.7 милл. (1907), чтобы вновь упасть до 52.4 милл. въ 1908 году“ [107]).

Лансбургъ выводитъ изъ этихъ фактовъ забавную мѣщанскую мораль, какъ непроченъ и неравномѣренъ вывозъ, связанный съ займами, какъ нехорошо вывозить капиталы за границу вмѣсто того, чтобы „естественно“ и „гармонично“ развивать отечественную промышленность, какъ „дорого“ обходятся Круппу многомилліонные бакшиши при иностранныхъ займахъ и т. п. Но факты говорятъ ясно: повышеніе вывоза какъ разъ связано съ мошенническими продѣлками финансоваго капитала, который не заботится о мѣщанской морали и деретъ двѣ шкуры съ вола: во-первыхъ, прибыль съ займа; во-вторыхъ, прибыль съ того же займа, когда онъ идетъ на покупку издѣлій Круппа или жел.-дор. матеріаловъ стального синдиката и пр.

Повторяемъ, мы вовсе не считаемъ статистику Лансбурга совершенствомъ, но ее обязательно было привести, ибо она научнѣе, чѣмъ статистика Каутскаго, ибо Лансбургъ намѣтилъ правильный подходъ къ вопросу. Чтобы разсуждать о значеніи финансоваго капитала въ дѣлѣ вывоза и т. п., надо умѣть выдѣлить связь вывоза спеціально и только съ продѣлками финансистовъ, спеціально и только со сбытомъ картельныхъ продуктовъ и т. д. А сравнивать попросту колоніи вообще и не-колоніи, одинъ имперіализмъ и другой имперіализмъ, одну полуколонію или колонію (Египетъ) и всѣ остальныя страны—значитъ обходить и затушевывать какъ разъ суть дѣла.

Теоретическая критика имперіализма у Каутскаго потому и не имѣетъ ничего общаго съ марксизмомъ, потому и годится только какъ подходъ къ проповѣди мира и единства съ оппортунистами и соціалъ-шовинистами, что эта критика обходитъ и затушевываетъ какъ разъ самыя глубокія и коренныя противорѣчія имперіализма: противорѣчіе между монополіями и

существующей рядомъ съ ними свободной конкуренціей, между гигантскими „операціями“ (и гигантскими прибылями) финансоваго капитала и „честной“ торговлей на вольномъ рынкѣ, между картелями и трестами—съ одной стороны, и некартеллированной промышленностью—съ другой и т. д.

Совершенно такой же отсталый характеръ носитъ, какъ мы видѣли выше, и сочиненная Каутскимъ пресловутая теорія „ультра-имперіализма“.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно ясно сопоставить общеизвѣстные, безспорные факты, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько ложны перспективы, которыя старается внушить нѣмецкимъ рабочимъ (и рабочимъ всѣхъ странъ) Каутскій. Возьмемъ Индію, Индо-Китай и Китай. Извѣстно, что эти три колоніальныя и полуколоніальныя страны съ населеніемъ въ 6—7 сотъ милліоновъ душъ подвергаются эксплоатаціи финансоваго капитала нѣсколькихъ имперіалистскихъ державъ: Англіи, Франціи, Японіи, С. Штатовъ и т. д. Допустимъ, что эти имперіалистскія страны составятъ союзы, одинъ противъ другого, съ цѣлью отстоять или расширить свои владѣнія, интересы и „сферы вліянія“ въ названныхъ азіатскихъ государствахъ. Это будутъ „интеръ-имперіалистскіе“ или „ультраимперіалистскіе“ союзы. Допустимъ, что в сѣ имперіалистскія державы составятъ союзъ для „мирнаго“ раздѣла названныхъ азіатскихъ странъ,—это будетъ „интернаціонально-объединенный финансовый капиталъ“. Фактическіе примѣры такого союза имѣются въ исторіи 20-го вѣка, напр., въ отношеніяхъ державъ къ Китаю. Спрашивается, „мыслимо“ ли предположить, при условіи сохраненія капитализма (а именно такое условіе предполагаетъ Каутскій), чтобы такіе союзы были н е кратковременны? Чтобы они исключали тренія, конфликты и борьбу во всяческихъ и всѣхъ возможныхъ формахъ?

Достаточно ясно поставить вопросъ, чтобы на него нельзя было дать иного отвѣта, кромѣ отрицательнаго. Ибо при капитализмѣ немыслимо иное основаніе для раздѣла сферъ вліянія, интересовъ, колоній и пр., кромѣ какъ учетъ силы участниковъ дѣлежа, силы обще-экономической, финансовой, военной и т. д. А сила измѣняется неодинаково у этихъ участниковъ дѣлежа, ибо равномѣрнаго развитія отдѣльныхъ предпріятій, трестовъ, отраслей промышленности, странъ, при капитализмѣ быть не можетъ. Полвѣка тому назадъ Германія была жалкимъ ничтожествомъ, если сравнить ея капиталистическую силу съ силой тогдашней Англіи; то же—Японія по сравненію съ Россіей. Черезъ десятокъ-другой лѣтъ мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизмѣннымъ соотношеніе силы между имперіалистскими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому „интеръ-имперіалистскіе“ или „ультра-имперіалистскіе“ союзы въ капиталистической дѣйствительности—въ какой бы формѣ эти союзы ни заключались, въ формѣ ли одной имперіалистской коалиціи противъ другой имперіалистской коалиціи, или въ формѣ всеобщаго союза всѣхъ имперіалистскихъ державъ—являются неизбѣжно лишь „передышками“ между войнами. Мирные союзы подготовляютъ войны и въ свою очередь выростаютъ изъ войнъ, обусловливая другъ друга, рождая перемѣну формъ мирной и немирной борьбы изъ одной и той же почвы имперіалистскихъ связей и взаимоотношеній всемірнаго хозяйства и всемірной политики.

Американецъ Хиллъ въ своей „Исторіи дипломатіи въ международномъ развитіи Европы“ намѣчаетъ въ предисловіи слѣдующіе періоды новѣйшей исторіи дипломатіи: 1) эра революціи; 2) конституціонное движеніе; 3) эра „торговаго имперіализма“ [108]) нашихъ дней. А одинъ писатель дѣлитъ исторію всемірной

политики Великобританіи съ 1870-го года на 4 періода: 1) первый азіатскій (борьба противъ движенія Россіи въ Средней Азіи по направленію къ Индіи); 2) африканскій (приблиз. 1885—1902)—борьба съ Франціей изъ-за раздѣла Африки („Фашода“ 1898 г.—на волосокъ отъ войны съ Франціей); 3) второй азіатскій (договоръ съ Японіей противъ Россіи) и 4) „европейскій“—главн. образ. противъ Германіи [109]). „Политическія стычки передовыхъ отрядовъ разыгрываются на финансовой почвѣ“,— писалъ еще въ 1905 г. банковый дѣятель Риссеръ, указывая на то, какъ французскій финансовый капиталъ, оперируя въ Италіи, подготовлялъ политическій союзъ этихъ странъ, какъ развертывалась борьба Германіи и Англіи изъ-за Персіи, борьба всѣхъ европейскихъ капиталовъ изъ-за займовъ Китаю и пр. Вотъ она—живая дѣйствительность „ультра-имперіалистскихъ“ мирныхъ союзовъ въ ихъ неразрывной связи съ просто-имперіалистическими конфликтами.

Затушевываніе самыхъ глубокихъ противорѣчій имперіализма Каутскимъ, неизбѣжно превращающееся въ прикрашиваніе имперіализма, не проходитъ безслѣдно и на критикѣ политическихъ свойствъ имперіализма этимъ писателемъ. Имперіализмъ есть эпоха финансоваго капитала и монополій, которые всюду несутъ стремленія къ господству, а не къ свободѣ. Реакція по всей линіи при всякихъ политическихъ порядкахъ, крайнее обостреніе противорѣчій и въ этой области—результатъ этихъ тенденцій. Особенно обостряется также національный гнетъ и стремленіе къ аннексіямъ, т. е. къ нарушеніямъ національной независимости (ибо аннексія есть не что иное, какъ нарушеніе самоопредѣленія націй). Гильфердингъ справедливо отмѣчаетъ связь имперіализма съ обостреніемъ національнаго гнета: „что касается вновь открытыхъ странъ — пишетъ онъ, — тамъ ввозимый капиталъ усиливаетъ противорѣчія и вызываетъ постоянно

растущее сопротивленіе народовъ, пробуждающихся къ національному самосознанію, противъ пришельцевъ; сопротивленіе это легко можетъ вырасти въ опасныя мѣры, направленныя противъ иностраннаго капитала. Въ корень революціонизируются старыя соціальныя отношенія, разрушается тысячелѣтняя аграрная обособленность „внѣ-историческихъ націй“, онѣ вовлекаются въ капиталистическій водоворотъ. Самъ капитализмъ мало-по-малу даетъ покореннымъ средства и способы для освобожденія. И они выдвигаютъ ту цѣль, которая нѣкогда представлялась европейскимъ націямъ наивысшею: созданіе единаго національнаго государства, какъ орудія экономической и культурной свободы. Это движеніе къ независимости угрожаетъ европейскому капиталу въ его наиболѣе цѣнныхъ областяхъ эксплоатаціи, сулящихъ наиболѣе блестящія перспективы, и европейскій капиталъ можетъ удерживать господство, лишь постоянно увеличивая свои военныя силы“. [110])

Къ этому надо добавить, что не только во вновь открытыхъ, но и въ старыхъ странахъ имперіализмъ ведетъ къ аннексіямъ, къ усиленію національнаго гнета и, слѣдовательно, также къ обостренію сопротивленія. Возражая противъ усиленія политической реакціи имперіализмомъ, Каутскій оставляетъ въ тѣни ставшій особенно насущнымъ вопросъ о невозможности единства съ оппортунистами въ эпоху имперіализма. Возражая противъ аннексій, онъ придаетъ своимъ возраженіямъ такую форму, которая наиболѣе безобидна для оппортунистовъ и всего легче пріемлема для нихъ. Онъ обращается непосредственно къ нѣмецкой аудиторіи и тѣмъ не менѣе затушевываетъ какъ разъ самое важное и злободневное, напримѣръ, что Эльзасъ-Лотарингія является аннексіей Германіи. Для оцѣнки этого „уклона мысли“ Каутскаго возьмемъ примѣръ. Допустимъ, японецъ осуждаетъ аннексію Филиппинъ американцами. Спрашивается, многіе ли повѣрятъ, что

это дѣлается изъ вражды къ аннексіямъ вообще, а не изъ желанія самому аннектировать Филиппины? И не придется-ли признать, что „борьбу“ японца противъ аннексій можно счесть искренней и политически-честной исключительно въ томъ случаѣ, если онъ возстаетъ противъ аннексіи Кореи Японіей, если онъ требуетъ свободы отдѣленія Кореи отъ Японіи?

И теоретическій анализъ имперіализма у Каутскаго и его экономическая, а также политическая критика имперіализма проникнуты абсолютно непримиримымъ съ марксизмомъ духомъ затушевыванія и сглаживанія самыхъ коренныхъ противорѣчій, стремленіемъ во что бы то ни стало отстоять разрушающееся единство съ оппортунизмомъ въ европейскомъ рабочемъ движеніи.

10. Историческое мѣсто имперіализма.

Мы видѣли, что по своей экономической сущности имперіализмъ есть монополистическій капитализмъ. Уже этимъ опредѣляется историческое мѣсто имперіализма, ибо монополія, выростающая на почвѣ свободной конкуренціи и именно изъ свободной конкуренціи, есть переходъ отъ капиталистическаго къ болѣе высокому общественно-экономическому укладу. Надо отмѣтить въ особенности четыре главныхъ вида монополій или главныхъ проявленій монополистическаго капитализма, характерныхъ для разсматриваемой эпохи.

Во-первыхъ, монополія выросла изъ концентраціи производства на очень высокой ступени ея развитія. Это—монополистическіе союзы капиталистовъ: картели, синдикаты, тресты. Мы видѣли, какую громадную роль они играютъ въ современной хозяйственной жизни. Къ началу 20-го вѣка они получили полное преобладаніе въ передовыхъ странахъ, и если первые шаги по пути картеллированія были раньше пройдены странами съ

высокимъ охранительнымъ тарифомъ (Германія, Америка), то Англія съ ея системой свободной торговли показала лишь немногимъ позже тотъ же основной фактъ: рожденіе монополій изъ концентраціи производства.

Во-вторыхъ, монополіи привели къ усиленному захвату важнѣйшихъ источниковъ сырья, особенно для основной и наиболѣе картеллированной промышленности капиталистическаго общества: каменноугольной и желѣзодѣлательной. Монополистическое обладаніе важнѣйшими источниками сырыхъ матеріаловъ страшно увеличило власть крупнаго капитала и обострило противорѣчіе между картеллированной и некартеллированной промышленностью.

Въ-третьихъ, монополія выросла изъ банковъ. Они превратились изъ скромныхъ посредническихъ предпріятій въ монополистовъ финансоваго капитала. Какіенибудь три-пять крупнѣйшихъ банковъ любой изъ самыхъ передовыхъ капиталистическихъ націй осуществили „личную унію“ промышленнаго и банковаго капитала, сосредоточили въ своихъ рукахъ распоряженіе милліардами и милліардами, составляющими большую часть капиталовъ и денежныхъ доходовъ цѣлой страны. Финансовая олигархія, налагающая густую сѣть отношеній зависимости на всѣ безъ исключенія экономическія и политическія учрежденія современнаго буржуазнаго общества,—вотъ рельефнѣйшее проявленіе этой монополіи.

Въ-четвертыхъ, монополія выросла изъ колоніальной политики. Къ многочисленнымъ „старымъ“ мотивамъ колоніальной политики финансовый капиталъ прибавилъ борьбу за источники сырья, за вывозъ капитала, за „сферы вліянія“,—т. е. сферы выгодныхъ сдѣлокъ, концессій, монополистическихъ прибылей и пр.—наконецъ, за хозяйственную территорію вообще. Когда европейскія державы занимали, напр., своими колоніями

одну десятую долю Африки, какъ это было еще въ 1876 г., тогда колоніальная политика могла развиваться не монополистически, по типу, такъ сказать, „свободно-захватнаго“ занятія земель. Но когда 9/10 Африки оказались захваченными (къ 1900 г.), когда весь міръ оказался подѣленнымъ,—наступила неизбѣжно эра монопольнаго обладанія колоніями, а слѣдовательно, и особенно обостренной борьбы за раздѣлъ и передѣлъ міра.

Насколько обострилъ монополистическій капиталъ всѣ противорѣчія капитализма, общеизвѣстно. Достаточно указать на дороговизну и на гнетъ картелей. Это обостреніе противорѣчій является самой могучей двигательной силой переходнаго историческаго періода, который начался со времени окончательной побѣды всемірнаго финансоваго капитала.

Монополіи, олигархія, стремленіе къ господству вмѣсто стремленій къ свободѣ, эксплоатація все большаго числа маленькихъ или слабыхъ націй небольшою горсткою богатѣйшихъ или сильнѣйшихъ націй,—все это породило тѣ отличительныя черты имперіализма, которыя заставляютъ характеризовать его какъ паразитическій или загнивающій капитализмъ. Все болѣе и болѣе выпукло выступаетъ, какъ одна изъ тенденцій имперіализма, созданіе „государства-рантье“, государства-ростовщика, буржуазія котораго живетъ вывозомъ капитала и „стрижкой купоновъ“. Было бы ошибкой думать, что эта тенденція къ загниванію исключаетъ быстрый ростъ капитализма; нѣтъ, отдѣльныя отрасли промышленности, отдѣльные слои буржуазіи, отдѣльныя страны проявляютъ въ эпоху имперіализма съ большей или меньшей силой то одну, то другую изъ этихъ тенденцій. Въ цѣломъ, капитализмъ неизмѣримо быстрѣе, чѣмъ прежде, растетъ, но этотъ ростъ не только становится вообще все болѣе неравномѣрнымъ, но неравномѣрность проявляется также въ частности, въ загниваніи самыхъ сильныхъ капиталомъ странъ (Англія).

Про быстроту экономическаго развитія Германіи авторъ изслѣдованія о нѣмецкихъ крупныхъ банкахъ Риссеръ говоритъ: „Не слишкомъ медленный прогрессъ предыдущей эпохи (1848—1870) относится къ быстротѣ развитія всего хозяйства Германіи и въ частности ея банковъ въ данную эпоху (1870—1905) приблизительно такъ, какъ быстрота движенія почтовой кареты добраго стараго времени относится къ быстротѣ современнаго автомобиля, который несется такъ, что становится опаснымъ и для беззаботно идущаго пѣшехода и для самихъ ѣдущихъ въ автомобилѣ лицъ". Въ свою очередь этотъ необыкновенно быстро выросшій финансовый капиталъ именно потому, что онъ такъ быстро выросъ, непрочь перейти къ болѣе „спокойному" обладанію колоніями, подлежащими захвату—путемъ не только мирныхъ средствъ—у болѣе богатыхъ націй. А въ Соед. Штатахъ экономическое развитіе за послѣднія десятилѣтія шло еще быстрѣе, чѣмъ въ Германіи, и какъ разъ б л а г о д а р я этому паразитическія черты новѣйшаго американскаго капитализма выступили особенно ярко. Съ другой стороны, сравненіе хотя бы республиканской американской буржуазіи съ монархической японской или германской показываетъ, что крупнѣйшее политическое различіе въ высшей степени ослабляется въ эпоху имперіализма—не потому, чтобы оно было вообще не важно, а потому, что рѣчь идетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ о буржуазіи съ опредѣленными чертами паразитизма.

Полученіе монопольно-высокой прибыли капиталистами одной изъ многихъ отраслей промышленности, одной изъ многихъ странъ и т. д. даетъ имъ экономическую возможность подкупать отдѣльныя прослойки рабочихъ, а временно и довольно значительное меньшинство ихъ, привлекая ихъ на сторону буржуазіи данной отрасли или данной націи противъ всѣхъ остальныхъ. И усиленный антагонизмъ имперіалистическихъ

націй изъ-за раздѣла міра усиливаетъ это стремленіе. Такъ создается связь имперіализма съ оппортунизмомъ, которая сказалась раньше всѣхъ и ярче всѣхъ въ Англіи благодаря тому, что нѣкоторыя имперіалистическія черты развитія наблюдались здѣсь гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Изъ всего сказаннаго выше объ экономической сущности имперіализма вытекаетъ, что его приходится характеризовать, какъ переходный или, вѣрнѣе, умирающій капитализмъ. Чрезвычайно поучительно въ этомъ отношеніи, что ходячими словечками буржуазныхъ экономистовъ, описывающихъ новѣйшій капитализмъ, являются: „переплетеніе“, „отсутствіе изолированности“ и т. п.; банки суть „предпріятія, которыя по своимъ задачамъ и по своему развитію не носятъ чисто-хозяйственнаго характера, а все болѣе выростаютъ изъ сферы частно-хозяйственнаго регулированія“. И тотъ же самый Риссеръ, которому принадлежатъ послѣднія слова, съ чрезвычайно серьезнымъ видомъ заявляетъ, что „предсказаніе“ марксистовъ относительно „обобществленія“ не осуществилось!

Что же выражаетъ это слово: „переплетеніе“? Оно схватываетъ лишь наиболѣе бросающуюся въ глаза черточку происходящаго у насъ передъ глазами процесса. Оно показываетъ, что наблюдатель перечисляетъ отдѣльныя деревья, не видя лѣса. Оно рабски копируетъ внѣшнее, случайное, хаотическое, оно изобличаетъ въ наблюдателѣ человѣка, который подавленъ сырымъ матеріаломъ и совершенно не разбирается въ его смыслѣ и значеніи. „Случайно переплетаются“ владѣнія акціями, отношенія частныхъ собственниковъ Но то, что лежитъ въ подкладкѣ этого переплетенія, то, что составляетъ основу его, есть измѣняющіяся общественныя отношенія производства. Когда крупное предпріятіе становится гигантскимъ и планомѣрно, на основаніи точнаго учета массовыхъ данныхъ, органи-

зуетъ доставку первоначальнаго сырого матеріала въ размѣрахъ: $^2/_3$ или $^3/_4$ всего необходимаго для десятковъ милліоновъ населенія; когда систематически организуется перевозка этого сырья въ наиболѣе удобные пункты производства, отдѣленные иногда сотнями и тысячами верстъ одинъ отъ другого; когда изъ одного центра распоряжаются всѣми стадіями послѣдовательной обработки матеріала вплоть до полученія цѣлаго ряда разновидностей готовыхъ продуктовъ; когда распредѣленіе этихъ продуктовъ совершается по одному плану между десятками и сотнями милліоновъ потребителей (сбытъ керосина и въ Америкѣ и въ Германіи американскимъ „Керосиновымъ трестомъ"),—тогда становится очевиднымъ, что передъ нами налицо обобществленіе производства, а вовсе не простое „переплетеніе"; что частно-хозяйственныя и частно-собственническія отношенія составляютъ оболочку, которая уже не соотвѣтствуетъ содержанію, которая неизбѣжно должна загнивать, если искусственно оттягивать ея устраненіе, которая можетъ оставаться въ гніющемъ состояніи сравнительно долгое (на худой конецъ, если излеченіе отъ оппортунистическаго нарыва затянется) время, но которая все же неизбѣжно будетъ устранена.

Восторженный поклонникъ нѣмецкаго имперіализма Шульце-Геверницъ восклицаетъ:

„Если въ послѣднемъ счетѣ руководство нѣмецкими банками лежитъ на дюжинѣ лицъ, то ихъ дѣятельность уже теперь важнѣе для народнаго блага, чѣмъ дѣятельность большинства государственныхъ министровъ" (о „переплетеніи" банковиковъ, министровъ, промышленниковъ, рантье, здѣсь вполнѣ позабыто)... „Если продумать до конца развитіе тѣхъ тенденцій, которыя мы видѣли, то получается: денежный капиталъ націи объединенъ въ банкахъ; банки связаны между собою въ картель; капиталъ націи, ищущій примѣненія, отлился въ форму цѣнныхъ бумагъ. Тогда осуществля-

ются геніальныя слова Сенъ-Симона: „Теперешняя анархія въ производствѣ, которая соотвѣтствуетъ тому факту, что экономическія отношенія развертываются безъ единообразнаго регулированія, должна уступить мѣсто организаціи производства. Направлять производство будутъ не изолированные предприниматели, независимые другъ отъ друга, незнающіе экономическихъ потребностей людей; это дѣло будетъ находиться въ рукахъ извѣстнаго спеціальнаго учрежденія. Центральный комитетъ управленія, имѣющій возможность обозрѣвать широкую область соціальной экономіи съ болѣе высокой точки зрѣнія, будетъ регулировать ее такъ, какъ это полезно для всего общества, и передавать средства производства въ подходящія для этого руки, а въ особенности будетъ заботиться о постоянной гармоніи между производствомъ и потребленіемъ. Есть учрежденія, которыя включили извѣстную организацію хозяйственнаго труда въ кругъ своихъ задачъ: банки". Мы еще далеки отъ осуществленія этихъ словъ Сенъ-Симона, но мы находимся уже на пути къ ихъ осуществленію: марксизмъ иначе, чѣмъ представлялъ его себѣ Марксъ, но только по формѣ иначе" [111]).

Нечего сказать: хорошее „опроверженіе" Маркса, дѣлающее шагъ назадъ,—отъ точнаго научнаго анализа Маркса къ догадкѣ, хотя и геніальной, но все же только догадкѣ, Сенъ-Симона.

[1]) Сводка цифръ по Annalen des Deutschen Reichs, 1911 Zahn.
[2]) Statistical Abstract of the United States, 1912, p. 202.
[3]) „Финанс. Капиталъ", рус. пер., с. 286—7.
[4]) Hans Hideon Heymann: „Die gemischten Werke im deutschen Grosseisengewerbe". St. 1904, S.S. 256, 278.
[5]) Hermann Levy: „Monopole, Kartelle und Trusts", Jena 1909. S.S. 286, 290, 298.
[6]) Th. Vogelstein: „Die finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie und die Monopolbildung" въ „Grundriss der Sozialoekonomik". VI Abth. Tüb. 1914.—Ср. того-же автора: „Organisationsformen der Eisenindustrie und Textilindustrie in England u. Amerika". Bd. I. Lpz. 1910.
[7]) Dr. Riesser: „Die deutschen Grossbanken u. ihre Konzentration im Zusammenhange mit der Entwickelung der Gesamtwirtschaft in Deutschland", 4 Aufl. 1912, c. 149.—R. Liefmann: „Kartelle und Trusts und die Weiterbildung der volkswirtschaftlichen Organisation", 2. Aufl. 1910, S. 25.
[8]) Dr. Fritz Kestner: „Der Organisationszwang. Eine Untersuchung über die Kämpfe zwischen Kartellen u. Aussenseitern". Brl. 1912, стр. 11.
[9]) R. Liefmann: „Beteiligungs-und Finanzierungsgesellschaften. Eine Studie über den modernen Kapitalismus und das Effektenwesen". 1 Aufl. Jena 1909, стр. 212.
[10]) Тамъ-же стр. 218.
[11]) Dr. S. Tschierschky: „Kartell und Trust", Gött. 1903, стр. 13.
[12]) Th. Vogelstein: „Organisationsformen", с. 275.
[13]) Report of the Commission of Corporations on the Tobacco industry. Washington, 1909, p. 266—цитировано по книгѣ Dr. Tafel: „Die nordamerikanischen Trusts u. ihre Wirkungen auf den Fortschritt der Technik", Stuttg. 1913, с. 48.
[14]) Тамъ-же, с. 49.
[15]) Riesser н. соч., с. 547 и сл. по 3 изд.
[16]) Kestner, с. 254.
[17]) „Zement" von L. Eschwege. „Die Bank", 1909, 1, стр. 115 и сл.
[18]) Jeidels: „Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie mit besonderer Berücksichtigung der Eisenindustrie". Lpz. 1905, с. 271.
[19]) Liefmann: „Beteiligungs- etc. Ges". 434.
[20]) Тамъ-же, 466.
[21]) Jeidels, 108.
[22]) Alfred Lansburgh: „Fünf Jahre d. Bankwesen", „Die Bank" 1913 № 8, 728.
[23]) Schulze-Gaevernitz: „Die deutsche Kreditbank" въ „Grundriss der Sozialökonomik" Tüb. 1915, с. 12 и 137.

[24]) A. Lansburgh: „Das Beteiligungssystem im deutschen Bankwesen", „Die Bank", 1910, 1, 500.
[25]) E. Kaufmann: „Das französische Bankwesen", Tüb. 1911, 356 и 362.
[26]) Jean Lescure: „L'épargne en France", P. 1914, p. 52.
[27]) A. Lansburgh: „Die Bank mit den 300 Millionen", „Die Bank", 1914, 1, 426.
[28]) S. Tschierschky, 128.
[29]) Данныя американской National Monetary Commission, „Die Bank", 1900, 1, 1200.
[30]) Тамъ-же, 1913, 811, 1022; 1914, 743.
[31]) „Die Bank", 1914, 1, 316.
[32]) Dr. Oscar Stillich: „Geld- und Bankwesen", Brl. 1907, 169.
[33]) Рисеръ, с. 630 по 4 изд.
[34]) „Die Bank", 1912, 1, 435.
[35]) Цитировано у Шульце-Геверница въ Grdr. d. S.-Oek., 155.
[36]) Ейдельсъ и Рисслеръ, н. соч.
[37]) Ейдельсъ, 157.
[38]) Статья Евг. Кауфмана о франц. банкахъ въ „Die Bank", 1909, 2, 851.
[39]) Osc. Stillich, 148.
[40]) Ейдельсъ, 184.
[41]) Тамъ-же, 181.
[42]) Гильфердингъ: „Ф. Кап." М. 1912, 339.
[43]) R. Liefmann, н. соч. 476.
[44]) H. Gid. Heymann, н. с. 269.
[45]) Liefmann: „Beteiligungsgesellsch." 258 (1 изд.).
[46]) Schulze-Gaevernitz въ Grdr. d. S.-Oek. V, 2, с. 111.
[47]) L. Eschwege: „Tochtergesellschaften", „Die Bank", 1914, 1, 545.
[48]) Kurt Heinig: „Der Weg des Elektrotrusts", „Neue Zeit", 1912, 30 Jahrg., 2, 484.
[49]) E. Agahd: „Grossbanken und Weltmarkt. Die wirtschaftliche und politische Bedeutung der Grossbanken im Weltmarkt unter Berücksichtigung ihres Einflusses auf Russlands Volkswirtschaft und die deutsch-russischen Beziehungen". Brl. 1914.
[50]) Lysis: „Contre l'oligarchie financière en France", 5 éd. P. 1908, p. 11, 12, 26, 39, 40, 48.
[51]) „Die Bank" 1913 № 7, 630.
[52]) Stillich. н. с., 143; W. Sombart: „Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert", 2. A., 1909, 526, Anlage 8.
[53]) „Ф. кап.", 172.
[54]) Stillich, 138, Liefmann, 51.
[55]) „Die Bank" 1913, 952, L. Eschwege: „Der Sumpf"; тамъ же 1912, 1, 223.
[56]) „Verkehrstrust", „Die Bank" 1914, 1, 89.
[57]) „Der Zug Zur Bank", тамъ-же, 1909, 1, 79.
[58]) Тамъ-же 301.
[59]) Тамъ-же, 1912, 2, 825; 1913, 2, 962.
[60]) E. Agahd, 202.
[61]) Bulletin de l'institut international de statistique, t. XIX livr. II. La Haye. 1912. Данныя о государствахъ мелкихъ, второй столбецъ, взяты приблизительно по нормамъ 1902 г., увел. на 20%.
[62]) Hobson: „Imperialism", L. 1902, p. 58.—Riesser, н. с., 395, 404.—P. Arndt въ „Weltwirtschaftliches Archiv" Bd. 7, 1916, S. 35;

Neymarck въ Bulletin; Гильфердингъ: „Ф. Кап.“, 492; Lloyd George: рѣчь въ палатѣ общинъ 4 мая 1915 г., „Daily Telegraph“ 5 мая 1915.—B. Harms: „Probleme der Weltwirtschaft“, Jena 1912, 235.—Dr. Siegmund Schilder: „Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft“ Brl. 1912, Bd. I, 150;—George Paish: „Great Britains Capital Investments etc.“ въ „Journal of the Royal Statistical Society“, Vol. LXXIV, 1910-11, c. 167.—George Diouritch: „L'Expansion des banques allemandes à l'étranger, ses rapports avec le developpement économique de l'Allemagne“. P. 1909, p. 84.

[63]) Die Bank, 1913, 2, 1024.

[64]) Schilder, н. с., 346, 350, 371.

[65]) Riesser, н. с., 375 по 4 изд. и Diouritsch, 283.

[66]) The Annals of the American Academy of Political and social Science, vol. LIX, May 1915, 301. Здѣсь же, с. 331, читаемъ, что извѣстный статистикъ Пэйшъ въ послѣднемъ выпускѣ финансоваго журнала „Statist“ опредѣлялъ сумму капитала, вывезеннаго Англіей, Германіей, Франціей, Бельгіей и Голландіей, въ 40 милліардовъ долл., т. е. 200 милліардовъ франковъ.

[67]) Ейдельсъ, 232.

[68]) Riesser, н. с.; Diouritch, 239; Kurt Heinig, н. ст.

[69]) Ейдельсъ, 193.

[70]) Diouritch, 245.

[71]) Die Bank, 1912. 1, 1032; 1912, 2, 629; 1913, 1, 388.

[72]) Рисперъ, 125.

[73]) Vogelstein: „Org.-formen“, 100.

[74]) Liefmann „Kart. u. Tr.“, 2 A., 161.

[75]) A. Supan: „Die territoriale Entwickelung der europäischen Kolonien“, 1906, 254.

[76]) Henry C. Morris: „The history of colonization“, N.-Y. 1900, II, 88; I. 419, 304.

[77]) „Die Neue Zeit“, XVI, 1, 1898, 302.

[78]) Тамъ же, 304.

[79]) C. P. Lucas: „Greater Rome and Greater Britain“, Oxf. 1912; Earl of Cromer: „Ancient and modern Imperialism“, L. 1910.

[80]) Schilder, н. с. 38—42.

[81]) Wahl: „La France aux colonies“ цит. у Henri Russier: „Le partage de l'Océanie“, P. 1905, p. 167.

[82]) Schulze-Gaevernitz: „Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des 20. Jahrhunderts“. Lpz. 1906, 318 То же говоритъ Sartorius v. Waltershausen: „Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande“, Brl. 1907, 46.

[83]) Шильдеръ, I, 160—161.

[84]) I.-E. Driault: „Problèmes politiques et sociaux“, P. 1907, 299.

[85]) „Die Neue Zeit“, 1914, 2 (32 т.), 909, 11 ноября 1914 г.—Ср. 1915, 2, 107 сл.

[86]) Hobson: „Imperialism“, 324.

[87]) „Die Neue Zeit“, 1915, 1, 144, 30 апр. 1915 г.

[88]) R. Calwer: „Einführung in die Weltwirtschaft“. Brl. 1906.

[89]) Stat. Jahrbuch für das Deutsche Reich“ 1915; Archiv für Eisenbahnwesen, 1892; за 1890 годъ небольшія частности относительно распредѣленія жел. дорогъ между колоніями разныхъ странъ пришлось опредѣлять приблизительно.

[90]) Ср. также Edgar Crammond: „The Economic Relation of the

British and German Empires" въ „Journal of the Royal Statistical Society", 1914, july, 777.

[91]) Hobson, 59, 60.

[92]) Schulze-Gaevernitz: „Br. Imp.", 320 и др.

[93]) Sart. von Waltershausen: „D. volksw. Syst. etc." Buch IV.

[94]) Schilder, 393.

[95]) „Die Bank", 1911, 1, c. 11.

[96]) Hobson, 103, 205, 144, 335, 386.

[97]) Gerhard Hildebrand: „Die Erschütterung der Industrieherrschaft und des Industriesozialismus", 1910, 229.

[98]) Statistik des Deutschen Reichs, Band 211.

[99]) Henger: „Die Kapitalsanlage der Franzosen". St. 1913.

[100]) Hourwich: „Immigration and Labor", N.-Y. 1913.

[101]) Briefwechsel von Marx und Engels, Bd. II, 290; IV, 453.— K. Kautsky. „Sozialismus und Kolonialpolitik", Brl. 1907, 79; эта брошюра писана еще въ тѣ безконечно-далекія времена, когда Каутскій былъ марксистомъ.

[102]) Русскій соціалъ-шовинизмъ господъ Потресовыхъ, Чхенкели, Масловыхъ и т. д., какъ въ своемъ откровенномъ видѣ, такъ и въ прикровенномъ (гг. Чхеидзе, Скобелевъ, Аксельродъ и пр.) тоже выросъ изъ русской разновидности оппортунизма, именно: ликвидаторства.

[103]) Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. II, 193.

[104]) J. Patouillet: „L'impérialisme américain", Dijon 1904, 272.

[105]) Bull. de l'inst. int. de stat. T. XIX, livr. II, 25.

[106]) Kautsky: „Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund", Nürnb. 1915, 72 и 70.

[107]) Фин. Кап., 567.

[108]) Die Bank, 1909. 2, 819.

[109]) Neue Zeit, 30 апр. 1915, 144.

[110]) David Jayne Hill: „A History of the Diplomacy in the international development of Europe", vol. I, p. X.

[111]) Schilder, н. с., 178.

[112]) Ф. Кап., 487.

[113]) Grdr. der Soz.-Oek., 146.

ИМЭЛ
при ЦК КПСС

Замѣченныя опечатки:

Стр.		Напечатано:	Слѣдуетъ:
63	20 строка сверху	Всеобщ. К° Электр.	Всеобщ. Электр. К°.
73	13 строка снизу	дипломатій	дипломатіи.
76	13 строка снизу	на базу ихъ	на базѣ ихъ.
76	12 строка снизу	уклоненія	условія
77	3 строка сверху	сплетенъ	оплетенъ
77	6 строка сверху	поставимъ	поставили
80	1 строка снизу	пишетъ, къ	пишетъ, что къ

27 ИЮЛ 1941